



МАКАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

2024

НАУЧНЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ
Музея-заповедника «Гатчина»

Научный бюллетень
Государственного музея-заповедника «Гатчина»

МАКАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы научно-практической конференции
2024

содержание

История предмета со старой фотографии.....	5
Инна Петровна Беляева, старший научный сотрудник, хранитель фонда «Скульптура и камень» ГМЗ «Гатчина»	
К вопросу о формировании Гатчинской портретной галереи. Новые документы о копировании картин из коллекции Д. Н. Шереметева	13
Ксения Бендина, магистр искусствоведения, куратор выставочных проектов KGallery	
«Радостно вспоминаю ваши уроки и беседы...»: С. Ф. Платонов как педагог августейших детей	20
Елена Михайловна Григорьева, заведующая научной библиотекой ГМЗ «Гатчина»	
Землебит Львова. Превратности судьбы	31
Константин Евгеньевич Иванов, заведующий отделом «Приоратский дворец» ГМЗ «Гатчина»	
Реставрация архитектором А. М. Байковым сливовой и розовой оранжерей.....	40
Варвара Николаевна Иванова, научный сотрудник, ГМЗ «Гатчина»	
Деятельность В. К. Макарова в комиссиях по выяснению ущерба, нанесенного Петергофским и Ораниенбаумским дворцам-музеям и паркам в 1943–1944 годах	43
Павел Владимирович Петров, доктор исторических наук, заведующий отделом музейных исследований ГМЗ «Петергоф»	
Практический опыт реставрации Павильона Орла и Горбатого моста, расположенных на Длинном острове в границах объекта культурного наследия федерального значения «Ансамбль Гатчинского дворца и парка», по данным работ за 2022–2023 годы.....	56
Роман Игоревич Хейнонин, Научный руководитель проектов ООО «Возрождение Петербурга», член Санкт-Петербургского отделения ИКОМОС Россия, член комитета по промышленной архитектуре и инженерному искусству ИКОМОС Россия	

Программа «Гатчинская стипендия».....	70
---------------------------------------	----

Влияние почвенно-гидрологических условий на состояние древесных насаждений Дворцового парка	72
--	-----------

Анастасия Вячеславовна Гришина,
магистрантка, студентка Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета им. С. М. Кирова (СПбГЛТУ)

Исторический растительный ассортимент, используемый для оформления Гатчинского дворцово-паркового ансамбля в конце XVIII–XIX веке (на основе документов Российского государственного исторического архива)	77
---	-----------

Дарья Михайловна Дорофеева,
студентка 4 курса бакалавриата Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета имени С. М. Кирова

Сохранение исторических парков на примере концепции развития территории парка «Зверинец» ГМЗ «Гатчина» и приспособления его для современного использования	85
---	-----------

Александра Андреевна Козлова,
студентка 5 курса по направлению «Дизайн архитектурной среды» СПбГАСУ

Особенности содержания псовой охоты	92
--	-----------

Инга Александровна Лепехова,
студентка факультета искусств
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Правовой конфликт в проблеме перемещенных культурных ценностей ГМЗ «Гатчина» и музейные предметы из гатчинской коллекции на зарубежных аукционах	94
---	-----------

Анна Максимовна Малинина,
студентка 4 курса бакалавриата СПбГУ по направлению «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия»
Мария Викторовна Кирпичникова, куратор,
ученый секретарь ГМЗ «Гатчина», кандидат исторических наук

Анализ этапов формирования приграничной территории «Сильвии» и «Зверинца»	101
--	------------

Мария Юрьевна Чебракова,
студентка бакалавриата Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета им. С. М. Кирова (СПбГЛТУ)

Список сокращений	106
--------------------------------	------------

Иллюстрации	107
--------------------------	------------

История предмета со старой фотографии

Иллюстрации на стр. 109–113



Инна Петровна Беляева,
старший научный сотрудник, хранитель фонда «Скульптура и камень»
ГМЗ «Гатчина»

Когда мы рассматриваем старинные фотографии, то в основном обращаем внимание на запечатленные на них лица, а потом уже на то, где сделан снимок, и крайне редко замечаем предметы, сопутствующие изображаемому. Даже обратив на них внимание, рассматриваем обстановку вокруг людей с целью определить место, где сделана фотография. Все это можно отнести и к снимку¹ из научного архива ГМЗ «Гатчина» (илл. 1), на котором запечатлены известные исторические личности, принимавшие участие в открытии музея в Гатчинском дворце. Среди них народный комиссар просвещения РСФСР А. В. Луначарский и искусствовед В. Я. Курбатов. Датируется фотография 19 мая 1918 года. Место съемки – Собственный сад Гатчинского дворца.

Мало кто обращает внимание на массивную мраморную скамью, на которой сидят несколько человек из группы фотографирующихся. Меня, как хранителя фонда «Скульптура и камень» заинтересовала эта скамья, точнее вопросы, связанные с историей ее появления и исчезновения из Собственного сада.

При изучении фотографий Собственного сада, сделанных членами императорской семьи (хранятся в Государственном архиве Российской Федерации, ГА РФ), я предположила, что таких скамеек было значительно больше, чем те две, которые можно увидеть на фотографии. Сравнивая разные изображения, я пришла к выводу, что всего было установлено пять мраморных скамеек: из них четыре – на центральной площадке между гермами и бюстами и одна – на террасе перед скульптурой «Голова Геры» (илл. 2–4). Основываясь на датировке этих фотографий, можно утверждать, что в 1912 году мраморные скамьи уже стояли в Собственном саду.

¹ НА ГМЗ «Гатчина». Бр-340.

В начале XX века можно заметить усилившийся интерес к такому предмету оформления садово-парковых ансамблей, как мраморные скамейки. Ориентировочно в 1905 году красивые беломраморные скамьи появляются на Нижней террасе в усадьбе Юсуповых в Архангельском. При строительстве в 1909–1911 годах нового дворца в Ливадии архитектор Н. П. Краснов устанавливает их не только в парке. Четыре мраморные скамьи с подлокотниками в виде фигур грифонов наряду с фонтаном становятся главным украшением Итальянского дворика Белого дворца. Надо обратить внимание на то, что это увлечение также коснулось знатных и состоятельных семей Западной Европы и Англии. Косвенным подтверждением этому служит значительное количество мраморных скамеек, периодически появляющихся на различных аукционах. Рассматривая предлагаемые на торгах мраморные скамьи, я пришла к выводу, что в основном это высококачественные, но «поточные» произведения и даже для венценосных заказчиков не было сделано исключение. Скорее всего, покупка совершалась по каталогам. Приведу только один пример. На аукционе Торгового дома Sotheby's 20 апреля 2009 года был выставлен лот № 65 — садовая скамейка из белого мрамора, итальянская, середина XIX века, размеры: высота — 126 см, ширина — 206,5 см, глубина — 59,5 см. Оценка на момент торгов составляла 25 000–35 000 долларов США. Скамья имела внешнее сходство с четырьмя установленными в Итальянском дворике Ливадийского дворца (илл. 5). Это не точная копия, есть незначительные отличия, такие как вид акантной розетки в нижней части боковых стоек и направление завитков в центре композиции спинки.

Такое сходство позволило сделать предположение, что и мраморные скамейки Собственного сада могли быть купленными, а не сделанными по индивидуальному заказу в мраморной мастерской.

Работая с делами Гатчинского дворцового управления Министерства Императорского двора, я нашла документ, подтвердивший мое предположение. Это письмо от 13 марта 1907 года на бланке «Секретариата Ея Императорского Величеств Марии Феодоровны», адресованное начальнику Гатчинского дворцового управления Константину Карловичу Гернету. В нем сообщалось, что по распоряжению Марии Федоровны «были выписаны, через посредство Архитектора Высочайшего двора Свинына, из-за границы для Императорского Гатчинского Дворца, шесть мраморных скамеек. Эти скамейки доставлены в С. Петербург и сего 12 марта направлены, в 33-х ящиках, по Варшавской железной дороге, в Гатчину» [3, л. 1 а, 1б, 1б об]. Также прилагался дубликат железнодорожной накладной «на груз малой скорости за № 263269» [3, л. 1а, 1б, 1б об] и содержалась просьба: распорядиться принять груз и сообщить о его получении вре-

менно исполняющему обязанности начальника Канцелярии в должности гофмейстера князю С. Н. Гагарину.

Василий Федорович Свињин (1865–1939) – «архитектор Высочайшего двора» (с 1898), инженер, выпускник архитектурного отделения Императорской Академии художеств (мастерская Р. А. Гедике). В 1895 году в конкурсе на создание проекта реконструкции Михайловского дворца для нужд «Русского музея императора Александра III» был удостоен «I Премии с правом постройки». Его работу по реализации этого проекта курировала «высочайше утвержденная комиссия под председательством М. П. Боткина²» и лично императрица Мария Федоровна [9, с. 671]. Также именно Свињин, по просьбе Марии Федоровны, возвел на месте гибели великого князя Георгия Александровича в Аббас-Тумане мраморную часовню-молельню взамен временной деревянной. Вокруг нее были разбиты цветники и установлена «художественной работы ограда», а по левому берегу реки Абастуманки архитектор устроил набережную [9, с. 680]. К сожалению, часовня к настоящему времени не сохранилась, утрачена она была предположительно в 1935 году.

В марте 1907 года в Гатчинский дворец по Варшавской железной дороге были доставлены ящики, в которых находились шесть мраморных скамеек. В рапорте от 30 апреля на имя начальника Гатчинского дворцового управления генерал-лейтенанта К. К. Гернета от смотрителя по камерцалмейстерской части Гатчинского дворца Осипова сообщалось, что скамейки, упакованные в ящики, получены и хранятся в коридоре Главного корпуса Гатчинского дворца [3, л. 2]. На том же рапорте рукой Константина Карловича сделана датированная 8 июня приписка о том, что «5 скамей поставлены в Собственном садике по указанию Ея Величества, одна убрана временно в Кладовую Комнатного имущества». Причина оказалась простой: некоторые из элементов этой скамейки пострадали во время транспортировки, и собрать ее не представлялось возможным.

Сведения о том, что мраморные скамьи, «выписанные» по распоряжению Марии Федоровны, были направлены в Гатчину уже в марте 1907 года, дали возможность ограничить поиск небольшим отрезком времени – с 1905 по 1907 год. При просмотре документа «Месячные отчеты по разным счетам императрицы Марии Федоровны» за октябрь 1906 года

² Михаил Петрович Боткин (1839–1914) – русский художник, академик исторической живописи, гравер, искусствовед, археолог, коллекционер и меценат. Тайный советник (1905). С 1879 года – член совета Императорской Академии художеств, с 1888-го – член Императорской Археологической комиссии, член Общества поощрения художеств. С 1896 года – директор Музея Императорского Общества поощрения художеств; эксперт по реставрации фресок Софийского собора в Новгороде и Мирожского монастыря в Пскове (1896–1897). В 1898 году пожалован орденом Святого Станислава 1-й степени за труды в звании члена комиссии по переустройству Михайловского дворца для Русского музея. Коллекционер Михаил Петрович Боткин. URL: https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/photo/mihail_petrovich_botkin_/index.php (дата обращения: 19.10.2024).

в разделе «Расходы» удалось обнаружить следующую запись: «IX. На разные предметы: Уплачены:

Г-ну Молинар в Канне за 6 мраморных скамеек 10 560 франков, по курсу 4 020 руб. 49 коп.» [4, л. 6; 5, л. 89 об, л. 133 об.].

К сожалению, сейчас не представляется возможным сказать, кем являлся господин Молинар, занимался ли он производством изделий из мрамора, был посредником, торговым агентом или купцом.

Анализируя архивные документы, можно утверждать только то, что во Франции (г. Канн) с помощью архитектора В. Ф. Свиньина у некоего господина Молинара были заказаны шесть мраморных скамеек, которые в октябре 1906 года были оплачены и отправлены в Россию. Из Канн закупленные предметы доставлялись морем, о чем свидетельствуют счет Итальянского пароходного общества и транспортная накладная от 10 (возможно, 16) ноября 1906 года на двух языках – итальянском и французском, – с печатью «Pr Jean Constantin*Vintimille*» [6, л. 50–52]. Груз прибыл в Одессу 19 февраля 1907 года.

После осмотра и оплаты таможенных сборов ящики были разгружены Одесской таможенной артелью и поступили на оптовый склад «А. Топузь». Общий вес груза составил 267 пудов [6, л. 53].

Торговый дом «А. Топузь. Одесса» был учрежден в 1885 году. С 1901 года основатель фирмы Артур Яковлевич Топуз проживал в Одессе в собственном доме (Еврейская улица, 4). Здесь же располагались магазин мраморных изделий, фабрика и склад.

Предприятие Артура Яковлевича занималось изготовлением памятников из мрамора, шведского гранита, сиенита имлабрадорита, также каминов, фонтанов, ванн, лестниц, иконостасов, подоконников, досок для мебели из разных пород камня, мраморных умывальников, кроме того проводилась реализация строительных материалов. Это было довольно известное торговое предприятие, рекламировавшее свою продукцию, его каталоги можно, правда, очень редко, встретить на современных аукционах [8].

24 февраля 1907 года Торговый дом «А. Топузь» направляет на имя В. Ф. Свиньина письмо: «Милостивый государь! По поручению транспортной конторы Бя Гондрань, имею честь препроводить при сем ярлыке для получения от С. Петербургского Учетного и Ссудного Банка³ дубликат накладной за № 086784 на отправленные Вам 33 ящика мраморных изделий. К наложенному платежу отправителя я прибавил свои расходы и по прилагаемому счету с отправленными документами мне следует руб.

³ Санкт-Петербургский Учетный и Ссудный Банк – акционерный коммерческий банк, учрежден в 1869 году по инициативе предпринимателя и финансиста Л. Кроненберга. Помещался в доме Энгельгардта. Успешно соперничал с Международным банком.

1 283,53, каковую сумму благоволите уплатить вышесказанному банку, получая от него дубликат» [6, л. 49].

К письму прилагались пакет до кументов, в который входили счет [6, л. 48] на сумму 1 283,53, два счета Итальянского Пароходного Общества, два счета Одесской Таможни, два счета Артели, и ярлык Банкирского дома Р. Зоншейн и КО⁴ за № 65273.

Свиньин должен был предъявить в Санкт-Петербургском Учетном и Ссудном Банке ярлык Банкирского дома и после уплаты указанной в нем суммы получить дубликат накладной на груз [6, л. 49 об.], направленный по железной дороге Торговым домом «А. Топузь» из Одессы в Санкт-Петербург.

6 марта 1907 года архитектор высочайшего двора Василий Федорович Свиньин получил из Канцелярии ее величества государыни императрицы Марии Федоровны затребованную сумму (1 283 р. 53 к.) для уплаты по счету Артура Топуза, о чем оставил в кассовом талоне за № 635 [6, л. 48] соответствующую запись, заверенную личной подписью.

На этом документе также присутствует отметка, что оплата была произведена из собственных сумм Марии Федоровны.

Как уже отмечалось выше, 12 марта 1907 года по Варшавской железной дороге 33 ящика прибыли в Гатчину. К 8 июня того же года в Собственном саду Гатчинского дворца установили пять мраморных скамеек, а одну, по причине невозможности ее собрать, поместили в Кладовую во дворце.

Тринадцать лет мраморные скамейки украшали Собственный сад. В очерке, посвященном Гатчинскому парку, В. К. Макаров указывает, что в 1920 году из Собственного сада были «убраны четыре мраморные скамьи, привезенные перед революцией из Италии», и даже дает им характеристику, определяя их как «плохой новой работы» [7, с. 8].

Думаю, что с мнением Владимира Кузьмича можно не согласиться, все же художественный вкус у вдовствующей императрицы был на должном уровне, да и мнению архитектора В. Ф. Свиньина стоит доверять. Известно, что он хорошо разбирался в художественных характеристиках как итальянских, так и русских мраморов, что подтверждалось высокохудожественной подборкой камня для отделки памятного зала Александра III в Этнографическом отделе Русского музея, часовни-молельни в Аббас-Тумане, особняка действительного статского советника Н. В. Спиридонова на Фурштатской улице, 58.

Макаров пишет о четырех мраморных скамейках, о судьбе еще двух — одной из Собственного сада и другой, находившейся в Кладовой

⁴ Банкирский дом «Р. Зоншейн и Ко». Банкирский дом Рувина Рахмилевича Зонштейна с 1884 года располагался в Одессе на Дерибасовской, 14.

дворца, — он ничего не сообщает. Куда убрали их, мы не знаем, как ничего не известно и об их дальнейшей судьбе.

Как они выглядели, мы могли судить только по фотографиям, которые были сняты членами императорской семьи.

Надо сказать, что своеобразную точку в этих исследованиях поставил случай. В 2022 году мое внимание привлекло необычное здание на углу проспекта Римского-Корсакова и набережной Крюкова канала.

Мощное сооружение в шесть этажей с курдонером, цоколь облицован темно-серым гранитом, стены первого и второго этажей оформлены терразитовой штукатуркой и декорированы рустом. Фасад дома украшают панно со сценами французской средневековой жизни, маскароны, растительный орнамент, флорентийские и венецианские окна, балконы, эркеры, а вход во двор перекрывают ворота из черного металла с фигурами атлантов. Всем своим внешним видом здание напоминает итальянские палаццо эпохи Возрождения.

Как оказалось — это доходный дом, построенный в 1912–1914 годах, по проекту архитектора Сергея Осиповича Овсянникова при участии военного инженера Ивана Павловича Ставицкого. С. О. Овсянников только в 1909 году окончил Академию художеств и получил диплом архитектора, учился он у Леонтия Бенуа.

Это был первый самостоятельный проект зодчего. Заказчиком выступал Роберт Георгиевич Веге (1869–1943), полковник в отставке, известный предприниматель, владелец Киновиевского ультрамаринового завода⁵. Предприятие, основанное в 1876 году Георгием Ивановичем Веге, располагалось на правом берегу Невы и было на тот момент единственным ультрамаринным заводом в Российской империи. Также Веге владел некоторым количеством акций в компании «Жорж Борман»⁶. Г. Н. Борман — поставщик императорского двора, владелец Российской кондитерской компании и торговой марки «Жорж Борман».

Построенный Р. Г. Веге доходный дом был известен своими богатыми интерьерами. Абсолютно все квартиры предназначались для состоятельных и знатных людей и представляли собой апартаменты по семь-десять комнат, украшенных лепниной, в них были высокие (более трех метров) потолки, во всех квартирах имелись собственные кухни (площадью около 20 квадратных метров), лестницы отапливались шикарными каминами, также в доме был установлен красивый лифт. Все богатое лепное убранст-

⁵ На базе этого завода Веге в 1976 году было открыто и существует сейчас Научно-производственное объединение «Пигмент».

⁶ Основателем компании является Григорий Николаевич Борман. В 1862 году он открыл на Невском проспекте небольшой магазин с названием «Жорж Борман». В 1876 году Г. Н. Борман удостоился звания «Поставщик Двора Его Императорского Величества» и получил право размещать государственный герб на упаковке своей продукции.

во интерьеров фактически не сохранилось, исключением стал только один парадный подъезд⁷, или парадная .

Попасть во двор и в парадные дома невозможно из-за статуса проживающих в нем людей, так называемой новой русской элиты. По этой причине пришлось удовлетворить свой интерес только материалами, которые удалось найти на просторах интернета. Увидев выложенные на разных сайтах фотографии сохранившегося интерьера парадной доходного дома Р.Г. Веге (илл. 6), я поняла, что мое исследование истории мраморных скамеек из Собственного сада можно считать практически законченным. В помещении со стенами, окрашенными красно-коралловой краской, ярким пятном выделяются беломраморные барельефы, а под ними стоят две мраморные скамьи, на боковых стойках которых сидят сатиры с парными (сдвоенными) флейтами (илл. 7). Общий облик их весьма схож с гатчинскими, находившимися в Собственном саду, но более точно это можно будет утверждать, сделав подробные и качественные снимки как с фотографий, находящихся в ГА РФ, так и с сохранившихся образцов из дома Веге.

Сейчас, сравнивая эти скамьи, можно сделать несколько предположений.

Первое: сюжеты рельефов, вмонтированных в стены, схожи с рельефными изображениями на спинках мраморных скамеек, это подтверждается фотографиями из альбома вл. кн. Ксении Александровны, датированного 1912 годом. Композиция первого рельефа совпадает с рельефом на мраморной скамье [1, фото 587], располагавшейся между гермой «Старая вакханка» (инв. № ГДМ-157-VIII) и бюстом римского императора (инв. № ГДМ-158-VIII), – иллюстрация 8. Сюжет второго схож с изображением на спинке скамьи [1, фото № 591], стоявшей между гермой вакханки (инв. № ГДМ-154-VIII) и бюстом римского императора (инв. № ГДМ-153-VIII), иллюстрация 9.

Второе: скамьи из Собственного сада и из парадной доходного дома имеют идентичное художественное решение, что выражается в общности оформления боковых стоек и ножек-опор, спинки и сиденья, полном совпадении орнаментальных порезок.

Третье: скамьи были выполнены в одной мастерской, но, вероятнее всего, в разные годы, гатчинские – не позже 1906 года, так как поступили во дворец в 1907-м, а для дома Р.Г. Веге – в 1912 году или немного ранее, так как полностью отделка дома завершилась в 1914 году.

В заключение хотелось бы отметить, что в случае принятия решения о реконструкции облика Собственного сада на период последних владельцев Гатчинского дворца, то есть на начало XX века, для воссозда-

⁷ Исторически их было два, сейчас, после нескольких перестроек, стало три.

ния утраченных мраморных скамеек было бы целесообразно использовать прямые аналоги, сохранившиеся до наших дней в Санкт-Петербурге в доме 41 по проспекту Римского-Корсакова.

Библиографический список

1. ГА РФ. Ф. 662. Оп. 2. Д. 56. Альбом вл. кн. Ксении Александровны. 1912 г. Л. 32.
2. РГИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 697. Месячные отчеты по разным счетам императрицы Марии Федоровны. 1906.
3. РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 767. Дело о хранении и перемещении собственных вещей (мебели, картин и скульптурных произведений) их императорских величеств. 1907.
4. РГИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 697. Месячные отчеты по разным счетам императрицы Марии Федоровны. 1906.
5. РГИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 696. Отчеты за 1906. Л. 89 об., 133 об.
6. РГИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 705. Уплата денег по разным счетам из сумм императрицы Марии Федоровны. 1907.
7. Макаров, В. К. Гатчинский парк: Очерк. Петроград: Государственное издательство, 1921. С. 8.
8. Лот № 367. Арт ур Топузъ в Одессе. Иллюстрированный каталог памятников из мрамора, лабрадора, сиенита, финляндского и шведского гранита. Одесса: Тип. Слит. Франца Мах, 1904 // Дом антикварной книги в Никитском, аукцион № 10 «Редкие антикварные книги, рукописи и автографы». 2013. С. 164. URL: <https://vnikitskom.ru/wp-content/uploads/Kataloge-10---2013-01-31-Pages-001-174-for-Internet.pdf> (дата обращения: 19.10.2024).
9. Полухина-Свиньина, А. Н. Василий Свиньин // Зодчие Санкт-Петербурга XIX — начала XX века / составитель В. Г. Исаченко. — Санкт-Петербург : Лениздат, 1998.

К вопросу о формировании Гатчинской портретной галереи. Новые документы о копировании картин из коллекции Д. Н. Шереметева

Иллюстрации на стр. 114–115



Ксения Бендина,
магистр искусствоведения,
куратор выставочных проектов KGallery

Портретное собрание Гатчинского дворца к 1917 году насчитывало более полутора тысяч картин и было одним из крупнейших в стране, что делает его важным источником для изучения вкусов императорского двора и жанра парадного портрета в России в целом. История формирования этой коллекции, в составлении которой участвовали несколько российских императоров, на сегодняшний день, однако, остается не до конца изученной.

Обнаруженные нами документы XIX века, касающиеся копирования 37 портретов из собрания Д. Н. Шереметева для портретной галереи дворца в 1836 году [1, 3], позволяют частично заполнить пробелы в истории собрания и уточнить атрибуцию портретов, находившихся в Гатчине.

В этот период дворцом владел Николай I, получивший его по завещанию Марии Федоровны в 1828 году. Он целенаправленно формировал гатчинское портретное собрание, делал распоряжения о приобретении новых портретов и их развеске. Перестройка дворца в 1847–1852 годах также была призвана подчеркнуть значимость картин: император решил превратить Гатчинский дворец из летней резиденции в своего рода музейный комплекс, который наряду с жилыми помещениями разместился в обновленном Арсенальном каре.

Значительную часть собрания составляли портреты российских монархов, их родственников и приближенных – это была «галерея предков», вписывающая Российский императорский дом в число крупнейших правящих династий Европы. Основная часть портретов располагалась в трех галереях-коридорах Арсенального каре. Готическая галерея, находившаяся

на первом этаже около комнат Николая I и Александры Федоровны, и Китайская галерея в бельэтаже хорошо известны по акварелям Э. П. Гау. Внешний вид Портретной галереи был частично восстановлен благодаря чертежу, опубликованному А. Э. Шукуровой в 2016 году [5].

Поскольку прямая опись этих галерей не найдена, мы не можем напрямую судить о «программе» Николая I. Император, очевидно, задумал отразить в развеске свое видение российской истории — определить, кого он посчитал нужным упомянуть в этом нарративе, частично помогает первая группа документов. Она представляет собой переписку графа Д. Н. Шереметева с князьями П. М. Волконским и А. Н. Голицыным о снятии копий с портретов, принадлежащих Шереметеву, для Гатчинской портретной галереи; вводится в научный оборот впервые. А. Н. Голицын — приближенный императора и на тот момент главноначальствующий над почтовым департаментом — выступал посредником между Николаем I и Дмитрием Шереметевым. В письме от 31 мая 1836 года Голицын пишет: «Государь Император назначить изволил для списания 37 портретов» [3, л. 7].

Далее переписка с Шереметевым проходила уже через министра императорского двора князя П. М. Волконского. В письме от 6 июля 1836 года он просит Шереметева «отпустить в Императорскую Академию Художеств ... 37 портретов ... для списания с них копий в Гатчинскую портретную галерею» [3, л. 9].

Годом ранее Николай I посетил родовую усадьбу Кусково, где познакомился с коллекцией Шереметевых, составленной еще в XVIII веке. Под впечатлением император решил создать нечто подобное уже в Гатчинском дворце [1, с. 2–3]. В своих мемуарах А. Х. Бенкендорф описывает посещение императором Шереметевской усадьбы: «Император приказал князю Волконскому попросить позволения у адъютанта его величества графа Шереметева сделать копии с целого ряда этих портретов, которых не было в императорской коллекции и изображенные на которых люди давно стали историческими знаменитостями» [2, с. 43].

Живописное собрание Шереметевых в Кусково начало формироваться при фельдмаршале Борисе Петровиче, который приобрел усадьбу. Расцвета Кусково достигло при известном любителе искусств графе Петре Борисовиче. Подбор картин в усадьбе соотносился с портретной галереей Чесменского дворца.

При П. Б. Шереметеве для портретного собрания было построено отдельное здание — портретная усадебная галерея. Благодаря чертежу, выполненному К. Орденовым и В. Оконнишковым в первых десятилетиях XIX века и описи имущества Шереметевых 1780–1790-х годов Н. Г. Пресновой [3, с. 11] удалось восстановить состав галереи и развеску картин.

Необходимо отметить, что большинство кусковских портретов были копиями, выполненными крепостными художниками с оригиналов XVIII века, сами оригиналы чаще всего не сохранились. Но мы будем называть кусковские портреты оригиналами – в том смысле, что они были скопированы для Гатчинской портретной галереи.

Какие же тридцать семь портретов отобрал для копирования Николай I¹? Большая часть списка представляла собой перечисление русских царей, приближенных князей и графов [1, л. 3].

Копирование портретов происходило под надзором ректора живописного и скульптурного отделений Императорской Академии художеств Василия Козьмича Шебуева, занимавшего эту должность с 1832 года. В копировании должны были принимать участие «преимущественно Академисты, более успевшие в живописи», о чем сообщалось в письме Министерства Императорского двора президенту Императорской Академии художеств А. Н. Оленину [1, л. 2] от 5 июня 1836 года.

23 июня этого же года Шебуев сообщает о том, что он осмотрел портреты в усадьбе Шереметева. Там же он пишет, что копирование будет выполнено к ноябрю, и предлагает назначить цену в 100 рублей за один портрет [1, л. 4].

Исполнителями были выбраны семь художников, перечисленные в «Списке портретов, отданных для скопирования господам художникам...» [1, л. 9]. Их фамилии в списке обозначены без инициалов, за исключением К. Грибанова, К. Заворуева, М. Васильченко. Всех семерых удалось идентифицировать благодаря документу о назначении денежных средств за копирование [1, л. 14], в котором был указан их академический статус на 1836 год, и справочнику Императорской Академии художеств С. Н. Кондакова.

Степан Артемьевич Безсонов (записан как Бессонов, 1776–1847) – пенсионер Бецкого, работал в Михайловском замке и Академии художеств, удостоен звания академика за работу в Казанском соборе (1811). Яков Федосеевич Яненко (1800–1852) – сын Ф. И. Яненко, член брюлловского кружка, автор портретов Николая I и копий с картин итальянских мастеров, получил звание академика за портрет Н. И. Уткина (1825). Михаил Никитич Шамшин (1777–1846) – отец П. М. Шамшина, ректора живописного и скульптурного отделений Академии художеств, получил звание академика за портрет И. П. Прокофьева (1812). Константин Матвеевич Грибанов (1797–?) – исторический живописец, автор игральных

¹ Примечательно, что позднее портреты из собрания также копировались для Дворцового терема в Кремле и для сочинения Г. К. Фриденбурга «Российский царствующий дом Романовых». См.: Преснова Н. Г. Портретное собрание графов Шереметевых в усадьбе Кусково. Альбом-каталог. Москва: Минувшее, 2002. – С. 41

«Географических карт России с изображением гербов, костюмов и назначением верст от двух столиц для пользы юношества», получил вторую серебряную медаль и аттестат первой степени (1817). Николай Дмитриевич Быков (1812–1884) – известны его автопортрет (находится в Государственном Русском музее) и копия портрета В. А. Жуковского работы К. П. Брюллова (Государственная Третьяковская галерея), некласный художник (1835), коллекционер живописи, член Общества поощрения художеств (1870). Константин Яковлевич Заворуев (встречается «Заваруев», «Заварцев», 1804 – ?) – получил две вторых серебряных и вторую золотую медали и аттестат первой степени (1827). Матвей Емельянович Васильченко (1811 – после 1863) – художник XIV класса², друг Александра Иванова (известна переписка), до 1863 года числится архитектором Вельской удельной конторы.

Копирование портретов было закончено 25 ноября 1836 года, о чем Шебуев сообщил Оленину [1, л. 10]. Министерство императорского двора поручило на оборотной стороне каждого холста подписать, кого изображает портрет.

Наиболее ценным фрагментом информации для нас является публикуемый впервые «Список портретов, отданных для скопирования господам художникам...», в котором перечислены направленные для копирования картины Шереметева [1, л. 9]. Благодаря тому, что номера портретов в списке указаны по описи коллекции Шереметевых, их возможно идентифицировать. Сегодня практически все портреты хранятся на своем историческом месте, в ГМЗ «Останкино и Куское». Данные о них и о надписях на обороте были опубликованы в каталоге Н. Г. Пресновой [3].

Сопоставляя предполагаемые копии с оригиналами, мы можем установить их современное местонахождение. Дополнительным источником является опись Гатчинского дворца 1894 года [2, л. 449–481] – ее создатели, очевидно, не были осведомлены об источнике копирования через 58 лет после создания копий и написали авторов лишь у 12 из 37 копий. По всей видимости, художники по-разному выполнили требование министерства нанести надписи на оборот холста, и некоторые из них поставили собственные подписи, что и позволило указать в описи их имена. Об этом свидетельствует каталог кусковской галереи 2015 года³, в котором А. С. Муковоз и Л. В. Сягаева уточнили атрибуцию трех копий, авторы которых были указаны в описи 1894 года. Это портреты Я. Ф. Долгорукова, Я. П. Шаховского и Г. И. Головкина, на обороте которых содержатся надписи, сообщающие об авторстве, в двух случаях – о факте копирования

² Не упомянут в справочнике С. Н. Кондакова, скорее всего не имел успешной карьеры.

³ При этом авторы говорят о копировании 36 портретов, а не 37.

и в одном случае, о времени копирования: «Граф Гаврила Иванович Голловкинъ. Копироваль К. Заворуевъ. 1836го года» [2, с. 43]. В гатчинском сводном каталоге музейных предметов, сохранившихся в период Великой Отечественной войны [4], указаны другие девять подписанных копий – в результате послевоенного распределения они находятся в Гатчине, Павловске и в Останкино. Эти копии также указаны в описи 1894 года. Еще один портрет – князя Ю. Ф. Ромодановского – в гатчинском каталоге приписан Я. Ф. Яненко, проставлен и год создания. Возможно, на нем также имеется подпись, не учтенная в описи 1894 года.

Таким образом, мы можем утверждать, что местонахождение 13⁴ из 37 скопированных картин нам известно. Это позволяет дополнить их атрибуцию информацией из списка 1836 года и каталога Н. Г. Пресновой: указать инициалы художников, время и факт копирования, данные о авторе хранящегося в «Останкино и Кусково» оригинала. Примечательно, что на основании известных гравюр Н. Г. Преснова установила – крепостной художник Шереметевых при копировании перепутал местами портреты Михаила Федоровича и Федора Алексеевича [3, с. 471]. Копия портрета последнего также указана в гатчинском сводном каталоге под неправильным названием.

Копии еще восьми портретов найти не удалось. Данные об оставшихся 16 картинах найдены в гатчинском сводном каталоге музейных предметов, сохранившихся в период Великой Отечественной войны. Судя по составу изображенных, эти 16 портретов, находящиеся в Павловске, Гатчине, Государственном Эрмитаже и Государственном Русском музее, потенциально могут быть искомыми копиями 1836 года. К сожалению, в сводном каталоге отсутствуют фотографии предметов, большая часть из них не представлена и в электронном госкаталоге музеев России. Для окончательного подтверждения или опровержения атрибуции необходимо непосредственное знакомство с работами в фондах музеев. Остановимся подробнее на нескольких портретах, фотографии которых добавлены в госкаталог.

Про портрет князя Александра Даниловича Меншикова, находящийся ныне в Гатчине (илл. 1), в сводном каталоге указано следующее: «н. х. Портрет князя А. Д. Меншикова. М., х. XVIII в. Г-42072. ЦХ-1951-III. ГДМ-86-III». Эти данные дублируются в госкаталоге, но период создания изменен на XIX век и добавлены размеры – 78 × 63 см. На обороте кусковского портрета (илл. 2) сделана надпись почерком XVIII века: «Кнзь александръ даниловичъ меншиковъ», ниже «вкусково передгалерею

⁴ Помимо вышеупомянутых это портреты А. П. Бестужева-Рюмина, А. И. Румянцева, Н. И. Панина, М. Л. Воронцова авторства Н. Д. Быкова; Б. П. Шереметева, Ф. А. Головина, А. И. Остермана, царя Федора Алексеевича авторства М. Е. Васильченко; портрет царя Федора Иоанновича К. Я. Заворуева.

наддвери №1», и почерком XIX века: «№130», ниже сургучная печать с гербом Шереметевых. Портрет восходит к иконографическому типу, который представлен на гравюре Ж. Симона и от которого сохранилось только физиогномическое сходство. Этот портрет послужил образцом для копии С. А. Безсонова, и можно предположить, что именно она находится сейчас в Гатчине. Несмотря на неполное портретное сходство, поза портретируемого, поворот головы, костюм с расположенными на нем наградами и детали в точности повторяются. Размеры работ также очень близки.

Среди других копий работы Безсонова была копия портрета барона Петра Павловича Шафирова. Между портретами Шафирова из Кусково (илл. 3) и Гатчины (илл. 4) прослеживается не только сходство в положении тела и costume (особенно в складках рукава), но и физиогномическое сходство. Важное отличие портретов – формат, в первом случае прямоугольный, во втором овальный.

В таком же формате выполнена предположительная копия портрета графа Захара Григорьевича Чернышева авторства Грибанова (илл. 5). В каталоге Гатчинского дворца значатся две копии, обе с работы А. Рослина. Первая находится в Гатчине (ГДМ-218-III), вторая передана в Павловск (ЦХ-2244-III; илл. 6), последняя найдена в Госкаталоге (ГК МФ 22378021).

Таким образом, введение в научный оборот обнаруженных документов о копировании 37 портретов из собрания графа Д. Н. Шереметева для гатчинской портретной галереи предоставляет ценную информацию о формировании николаевской портретной галереи. Судя по описи 1894 года, копии портретов Шереметева находились во всех галереях Арсенального каре и были важной частью общей программы развески, задуманной Николаем I.

Кроме того, представленные данные позволили уточнить атрибуцию 13 портретов, упомянутых нами. Учитывая, что сам факт копирования уже был известен в литературе по косвенным источникам – воспоминаниям А. Х. Бенкендорфа, именно упоминание этих портретов подчеркивает ценность обнаруженных документов.

Дальнейшая работа в фондах музеев, вероятно, позволит уточнить атрибуции еще 16 портретов.

Библиографический список

Архивные документы

1. РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2039.
2. РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1499.
3. РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 615.

Монографии и учебные издания

1. Портретная галерея Гатчинского дворца / составитель Е. Л. Ефимова. — Санкт-Петербург : Александр Принт, 2000.
2. Портретная галерея усадьбы Кусково. Из собрания XVIII века графов Шереметевых / составители А. С. Муковоз, Л. В. Сягаева. — Москва : Тритона, 2015.
3. Преснова, Н. Г. Портретное собрание графов Шереметевых в усадьбе Кусково. Альбом-каталог. — Москва : Минувшее, 2002.
4. Спасенные коллекции Гатчинского дворца: сводный каталог музейных предметов, сохранившихся в период Великой Отечественной войны / составители Е. А. Родионов, А. Э. Шукурова. — Санкт-Петербург : Союз-дизайн, 2010.
5. Шукурова, А. Э. Новые документы: «Чертеж галереи Арсенального каре с показанием теперешнего размещения картин» // Гатчинский дворец в истории России. Конференция, приуроченная к 250-летию Гатчинского дворца и 150-летию Российского исторического общества. Материалы к научной конференции. 1–3 декабря 2016.

«Радостно вспоминаю ваши уроки и беседы...»: С. Ф. Платонов как педагог августейших детей

Иллюстрации на стр. 116



Елена Михайловна Григорьева,
заведующая научной библиотекой ГМЗ «Гатчина»

В 2023 году исполнилось 120 лет с момента преобразования Педагогических курсов при Мариинских гимназиях в Санкт-Петербургский женский педагогический институт, ставший в стране первым высшим педагогическим учебным заведением для женщин. Важной фигурой в этом процессе был Сергей Федорович Платонов — известный историк, первый директор этого уникального учебного заведения. Педагогическая и научная карьера Платонова была успешной и стремительной, а жизненный путь — трагичным, но есть короткий период его преподавательской практики, который особо привлекает внимание — преподавание курса истории (иногда в документах он обозначается как «политическая история») младшим детям Александра III — Ольге и Михаилу.

В отделе рукописей РНБ в фонде С. Ф. Платонова хранится ряд интересных документов, проливающих свет на процесс преподавания, — это письма от наставника августейших детей, генерал-адъютанта Григория Григорьевича Даниловича, воспитателя Фердинанда (Яковлевича) Тормейера и телеграммы от великих князей Ольги и Михаила. Однако наиболее интересны и содержательны отчеты историка о преподавании августейшим детям [9].

В письме историку М. А. Дьяконову от 25–26 октября¹ 1895 года Платонов указывает: «В конце августа я получил предложение взять придворные уроки после Сиповского и теперь два дня провожу в Гатчине с утра до обеда. Занимаюсь я элементарною историею с в[еликим] кн[язем] Михаилом и великою княжною Ольгою» [5, с. 45]. Василий Дмитриевич Сиповский, преподававший историю великому князю Михаилу Александровичу, 21 июля скончался. 30 августа этого же года Сергею Федоровичу

¹ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

приходит письмо от Г. Г. Даниловича, где последний приглашает навестить его на днях [11, л. 2]. Вероятно, на этой встрече Платоновым и было получено вышеупомянутое предложение.

14 октября 1895 года в двух письмах от Даниловича сообщается, что уроки начнутся в понедельник 16 октября в Гатчине [11, л. 5], и дается подробная инструкция, которая включала даже такие мелочи, как форма одежды: «Спешу уведомить Вас, глубокоуважаемый Сергей Федорович, что ... Вам следует ехать на урок в черном фраке, белом галстуке, с орденами; очень может быть, что Императрице угодно будет принять Вас в этот день. С вокзала железной дороги Вы проедете на извозчике в то каре дворца, в котором живут Их Императорские Высочества. По приезде во дворец спросите Фердинанда Яковлевича Тормейера, который и представит Вас Великому Князю и Великой Княжне» [11, л. 4].

По окончании каждого учебного года С. Ф. Платонов сдавал два отдельных отчета (на каждого из учеников) Даниловичу по определенной форме: «...привезите с собою отчеты о занятиях Ваших по истории с Великим Князем Михаилом Александровичем и Великой Княжнью Ольгой Александровной в текущем году, а также и предположения (в общих чертах) о составе курсов на предстоящий учебный год» [11, л. 6]. Вероятнее всего, подобные отчеты испрашивались у всех преподавателей и служили основой для составления «Предстоящих, по предположениям генерал-адъютанта Даниловича, в будущем учебном году учебных занятий Их императорских высочеств». Пример подобного документа на 1897/1898 учебный год хранится в ГА РФ [3]. Там же хранятся и отчеты Г. Г. Даниловича об учебных занятиях великого князя Михаила Александровича и великой княжны Ольги Александровны, которые ежегодно (1896–1900) представлялись императору Николаю II [2].

Отчеты Сергея Федоровича являются уникальным документом, на основании которого можно представить процесс преподавания августейшим детям — узнать, сколько учебных часов в неделю было отведено занятиям, какие темы в том или ином учебном году преподавались, какие использовались пособия и дополнительные источники, а также какие проблемы возникали во время обучения.

С великим князем Платонов занимался в период с 1895 по 1900 год, а с великой княжнью — с 1895 по 1901 год. Курс политической истории включал в себя два раздела: русскую и всеобщую историю. Для Михаила Александровича на уроки истории в течение всего периода обучения выделялось четыре часа в неделю (по два часа на русскую и всеобщую историю) [9, л. 5, 10]. Ольге Александровне изначально было назначено три часа в неделю [9, л. 3], а с 1897/1898 учебного года часов стало четыре [9, л. 15].

С. Ф. Платонов был первым учителем истории у Ольги Александровны. Ее обучение началось с истории Древнего Востока и Древней Греции [9, л. 3 об], русскую историю великая княжна начала осваивать лишь на следующий 1896/1897 учебный год [9, л. 9 об]. Великий князь продолжал обучение, поэтому занятия начались с повторения пройденного материала, а затем последовало изучение русской истории с периода Киевской Руси после смерти Ярослава Мудрого [9, л. 5 об], а всеобщей (средней) истории – с Византии в VI–XI веках [9, л. 6]. Заканчивался курс и для Ольги, и для Михаила изучением периода правления императора Александра III, его внутренней и внешней политики [9, л. 30, 32 об]. Примечательно, что у августейших учеников с момента изучения Петровской эпохи просыпается особый интерес к российской истории, и это находит отражение в отчетах Платонова по обучению Михаила за 1897/1898 год [9, л. 17], а Ольги Александровны – за 1898/1899 [9, л. 23].

«Как значение самих изучаемых событий, так и быстрое развитие духовных сил и исторического интереса в Августейшем Ученике заставляли отдавать много времени беседам о различных частностях Петровской эпохи. Уроки превращались иногда в оживленный разговор, в котором на долю преподавателя выпадала обязанность давать ответы на любознательные расспросы Ученика. Дорожа такими проявлениями самостоятельного интереса, преподаватель не решался прекращать этих расспросов и торопиться дальнейшим изложением курса» [9, л. 17–17 об].

С этого момента акцент преподавания смещается именно на изучение отечественной истории с сокращением времени на изучение «внутренней истории» Западной Европы, а «внешняя» излагалась «в общей связи с внешней политикой России» [9, л. 24].

Во всех отчетах ход занятий описывался следующим образом. Преподаватель сообщал существеннейшие факты, сопровождая рассказ указаниями на географической карте. Рассказанное на уроке тут же должно было усваиваться учениками: сначала они давали ответы на вопросы преподавателя по теме, а затем пересказывали пройденный материал своими словами. Особо важные сведения вносились в специальную тетрадь. Для лучшего понимания предлагался наглядный материал, например снимки со старинных рисунков и рукописей. Возможно, такими иллюстративными материалами могли быть фотографические изображения античных бюстов в альбоме литографий с картин и семейных фотографий, хранящихся в РГИА в фонде Конторы двора великой княгини Ольги Александровны [8, л. 124–133].

Основными учебными пособиями служили учебники Д. И. Иловайского, К. В. Елпатьевского, А. В. Грубе, «Родная старина» В. Д. Сиповского и другие; атласы Г. Киперта и барона Н. Н. Торнау. В Фонде редкой книги

ГМЗ «Гатчина» хранится ряд книг, принадлежавших семье Александра III и упоминаемых в отчетах Сергея Федоровича в качестве учебных пособий. Например, «История средних веков (курс систематический)» К. А. Иванова (ГДМ-244-XV), который фигурирует в отчетах о преподавании Михаилу Александровичу за 1895/1896 [9, л. 5 об] и 1896/1897 [9, л. 10 об] учебные годы и «История царствования императора Александра I и России в его время» М. И. Богдановича в шести томах² – за 1898/1899 [9, л. 24 об] и 1899/1900 [9, л. 29 об]. «Первые уроки истории (из бесед с учениками)» П. П. Мельгунова (ГДМ-248-XV) мы встречаем в отчете о преподавании Ольге Александровне за 1895/1896 учебный год [9, л. 3 об]. Примечательно, что это пособие 1895 года издания, и оно не упоминается в отчетах у Михаила, а значит, можно предположить, что книга была куплена специально для августейшей ученицы. А вот «Императрица Мария Феодоровна» Е. С. Шумигорского (ГДМ-338-XV) имеет суперэкслибрис Михаила Александровича, хотя значится в отчете только у Ольги Александровны за 1899/1900 учебный год [9, л. 27 об]. Общим пособием у Ольги и Михаила был составленный профессором Е. Е. Замысловским «Учебный атлас по русской истории», который фигурирует в отчетах Михаила постоянно, а у Ольги – с 1897/1898 учебного года [9, л. 15]. К сожалению, в фонде музея хранятся только «Объяснения к учебному атласу» (ГДМ-249-XV), которые шли в комплекте с изданием.

Особое внимание привлекают «Записки служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича наследника престола Российского» С. А. Порошина 1844 года издания (ГДМ-339-XV). На корешке внизу присутствует суперэкслибрис – литеры «О. А.» под короной, что указывает на владение этой книгой Ольгой Александровной. В письме Ф. Я. Тормейера С. Ф. Платонову, датированном 14 июня 1897 года, читаем: «Искренно благодарю Вас за Ваше любезное письмо и за список книг для чтения для Великой Княжны Ольги Александровны. Ввиду того, что в нынешнее лето у Великой Княжны довольно много времени для чтения, я надеюсь, что она успеет читать, если не все, по крайней мере, большую часть рекомендованных Вами книг. Я сам читал с большим интересом „Записки“ Порошина и, несмотря на несколько строчек *un peu risqueus*³, я все-таки думаю, что эта книга очень поинтересует Великую Княжну. Жаль только, что записки не продолжались дольше. Я передам Великой Княжне „Записки“ как от Вас на день Ея праздника» [14, л. 3–3 об]. Вероятно, именно об этой книге и шла речь в письме, а в качестве учебного

² Т. I – ГДМ-327-XV; т. II – ГДМ-328-XV; т. III – ГДМ-329-XV; т. IV – ГДМ-330-XV; т. V – ГДМ-331-XV; т. VI – ГДМ-332-XV.

³ Немного рискованных (фр.).

пособия «Записки» Порошина у Ольги Александровны значатся в отчете за 1899/1900 учебный год [9, л. 27].

Известно расписание занятий на 1895/1896 год. Понедельник: два урока у Михаила Александровича (с 10³/₄ до 11³/₄ и с 12 до 1) и один урок с Ольгой Александровной (с 2 до 3). Среда: два урока у Ольги Александровны (с 9¹/₂ до 10¹/₂ и с 10³/₄ до 11³/₄) и два урока у Михаила Александровича (с 12 до 1 и с 2 до 3) [11, л. 3]. В 1900/1901 учебном году занятия у Ольги Александровны были по средам (1 урок – 9¹/₂–10¹/₂, 2 урок – 10³/₄–11³/₄) и по пятницам (1 урок – 10³/₄ до 11³/₄, 2 урок – 12–1) [11, л. 13].

Обучение чаще всего начиналось в октябре и заканчивалось в середине марта [9, л. 3 об], однако с течением времени учебный процесс сбивался, а время обучения сокращалось. Иногда это случалось как из-за занятости самого Сергея Федоровича, который был вынужден отменять занятия [5, с. 57], так и из-за августейших учеников. Например, в отчете за 1899/1900 год указано, что занятия с Михаилом Александровичем начались в ноябре и окончились в апреле, сверх того великий князь пропустил около 15 уроков по болезни и по случаю дежурства в звании флигель-адъютанта [9, л. 29]. У Ольги Александровны в 1900/1901 учебном году уроки истории шли с конца ноября 1900 года по конец февраля 1901, а затем с 11 апреля по 16 мая 1901 года [9, л. 32]. В результате таких сокращений в процессе преподавания в конце курса как у Михаила Александровича, так и у Ольги Александровны не были сделаны запланированные Сергеем Федоровичем обзоры-повторения всего курса [9, л. 29, 32].

В передовых учебных заведениях конца XIX века привычным явлением становятся занятия вне стен кабинетов. С. Ф. Платонов активно и успешно применяет данную методику в обучении августейших детей. Ольга Александровна вспоминала: «Никто иной, как мой дорогой учитель, историк Платонов, водил меня по музеям и очень хотел, чтобы мы с ним вместе поехали по древним русским городам и побывали в старинных храмах. К сожалению, мне не удалось поехать с ним никуда» [4, с. 136].

Что касается древних городов, то, как минимум, планировались поездки в Псков и Нарву, но им не суждено было осуществиться из-за отсутствия готовности к подобным поездкам великого князя Михаила Александровича. Из письма Тормейера известно: «Как можно было ожидать, путешествие в Псков, о котором так долго и подробно говорили, упало в воду. Очень жаль, что для такого результата, пришлось беспокоить напрасно столько лиц, начиная с Великого Князя самого. Эта поездка была сопряжена с такими затруднениями и неприятностями, что Великий Князь с большим облегчением узнал, что она не состоит[ся]. Точно таким образом перестали думать о посещении гор[ода] Нарвы, хотя и там все начальство было уведомлено и уже на ногах. В настоящее время Великий Князь

собирается ехать в Новогоргиевск для смотра крепостей и надобно полагать, что это путешествие не потерпит фиаско» [14, л. 9–9 об]. Примечательно, что в фонде редкой книги хранится интересный конволют — «Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей» 1898 года издания, переплетенный вместе с книгой «Св. Благоверный князь Домант-Тимофей Псковский. Биографический очерк» 1899 года издания (ГДМ-259-ХV). На верхней крышке, в левом верхнем углу, крупные тисненные литеры «М. А.» под короной — суперэклибрис Михаила Александровича, что свидетельствует о том, что создавался конволют специально для него. Поскольку поездка должна была состояться, но сорвалась в 1898 году, близость годов издания книг указывает на то, что, вероятно, конволют этот был сделан для Михаила Александровича с целью ознакомить его с историей города и «восполнить пробел». Сделать это могли по инициативе одного из воспитателей либо же самого великого князя.

В отчетах Платонов указывает, что как минимум раз в год (а в 1898 и 1899 годах дважды) [9, л. 17 об, 23 об] августейшие ученики посещали Императорский Эрмитаж. Есть несколько точных указаний на даты их визитов. Первый относится к 1896 году⁴. В письме Платонову Г. Г. Данилович пишет: «Спешу уведомить Вас, достойнейший Сергей Федорович, что все распоряжения относительно посещения Императорского Эрмитажа в понедельник 15го Января сделаны <...> приезд в Эрмитаж назначен в 10¼» [11, л. 1].

Второе указание относится к 1899 году. Главный хранитель Эрмитажа Андрей Иванович Сомов, предположительно, в ответ на просьбу С. Ф. Платонова об экскурсии сообщал: «Ваши Августейшие ученик и ученица могут, не стесняя никого, пожаловать в Эрмитаж в Среду, 27 Января, в указанный Вами час. Что касается меня, то я буду с нетерпением ожидать визита Их Высочеств и сочту за величайшее удовольствие и счастье быть для Них объяснителем сокровищ нашей картинной галереи» [13, л. 1–1 об]. В отчете за 1898/1899 год указывается, что великий князь Михаил Александрович в Эрмитаже окончил обзор западноевропейских школ живописи и ознакомился с лучшими образцами гравюр и с технической стороной граверного дела [9, л. 24 об].

Помимо Эрмитажа в отчетах указываются посещения Археологической комиссии, Публичной библиотеки (вероятнее всего, Отдела рукописей) и Общества любителей древней письменности (ОЛДП). Примечательно, что в апреле 1899 года Михаил Александрович становится почетным членом этого Общества. С. Д. Шереметев — председатель ОЛДП — сообщает Платонову: «С изволения Их Величеств В[еликий] К[нязь] Михаил

⁴ В самом документе Г. Г. Данилович указывает дату 11 января 1895 г., рядом же карандашом приписано «96» (вероятно, это была просто описка).

Александрович, принял на себя звание Почетного Члена нашего Общества. В годичном собрании ... Профессор Покровский предполагает прочесть записку о желательности издания лицевого иконописного подлинника⁵ и о значении подобного издания. Питаем надежду, что В[еликий] К[нязь] Михаил Александрович приедет послушать это интересное чтение <...>. С согласия Государыни Императрицы Марии Феодоровны, я намереваюсь лично просить о том Великого Князя, но вместе с тем прошу и Вас ... подготовить почву и содействовать осуществлению дорогого нам посещения» [15, л. 23–23 об]. На что получает ответ: «Я искренно готов содействовать осуществлению Ваших прекрасных надежд. Вчера я, насколько умел, рассказал в[еликому] к[нязю] Михаилу Александровичу все, что знаю о подлиннике, и объяснил важность и сложность его издания. И в будущем готов служить Вашему делу ...» [5, с. 58].

В дневнике Ольги Александровны за 1899 год имеется интересная запись: «26 марта Мг. Платонов пришел и рассказывал о людях в портретной галерее» [16, с. 12]. Поскольку в это время великая княжна как раз изучала петровский период, скорее всего, имеется в виду портретная галерея в бельэтаже Арсенального каре. Вполне вероятно, что на протяжении всего периода обучения Сергей Федорович иллюстрировал содержание своих занятий и в других мемориальных интерьерах. Например, ученики могли посещать комнаты императоров Павла I, Николая I и Александра II. При изучении истории Востока Ольге Александровне демонстрировались с пояснениями коллекции Китайской галереи, а при изучении истории Греции и Рима – убранство Белого зала и Греческой галереи.

Интересный эпизод, связанный с преподаванием Ольге Александровне, описан в дневнике супруги Сергея Федоровича, Надежды Николаевны Платоновой (Шамониной), в 1896 году: «Великая княжна очень мила. Вчера она никак не могла запомнить имени Аристотеля. С. Ф. сказал ей, что запомнить нужно. Тогда она взяла стоящий у нее на столе портрет какой-то собачонки (как оказалось, это – Эра, собака императрицы Ал[ександры] Феод[оровны]) и заявила, что это будет Аристотель (то есть будет напоминать ей об Ари[стоте]ле), и надписала на обороте „Аристотель“ – „Кстати, – заметила она, – и имя похоже“. Она рассказала С. Ф.-чу, что всегда так делает, когда хочет что-нибудь запомнить ...» [6, с. 137–138].

О своих учениках в самом начале обучения Платонов пишет историку М. А. Дьяконову: «Вел[икая] княжна – отличная ученица и очень жи-

⁵ Речь идет о докладе Н. В. Покровского (директора Археологического института в Санкт-Петербурге) «Лицевой иконописный подлинник и его значение для современного церковного искусства», произнесенный на годичном заседании ОЛДП. Впоследствии Покровским был издан труд «Сийский иконописный подлинник», содержащий более 500 листов с образцами изображений, которые использовались изографами Антониево-Сийского монастыря.

вой человек; в[еликий] князь не поддается скорому определению, но и он производит хорошее впечатление. Обстановка же занятий, которой я по-баивался, оказалась лучше всяких ожиданий: в классе — наилучшие отношения ...» [5, с. 45]. Остались еще как минимум два интересных документа, где оценка своих учеников Платоновым дана людям, особенно к нему близким, — жене Надежде Николаевне (дневник) и ученику Александру Евгеньевичу Преснякову (письма).

В письме к матери от 17 октября 1895 года А. Е. Пресняков пишет: «Любопытную картинку дал мне Платонов относительно положения царской семьи. Он уже дважды был в Гатчине на уроках. Учит он истории Михаила и Ольгу. От Ольги он в восторге. Ей 13 лет, бойкая, здоровая и очень способная девочка. Михаил, 17 лет, очень большой и застенчивый, так что Платонов ни одной целой фразы не добился. Ольга с детства начала говорить по-английски (раньше, чем по-русски) и по-русски говорит ломаным языком, вроде: „пошайте“ и т. п. Михаил говорит с акцентом. Обстановка тоже курьезная: охрана страшная, и снаружи и внутри дворца всюду солдаты. И в такой искусственной давящей атмосфере растут, с позволения сказать, руководители русской жизни! — не умея и по-русски-то толком говорить» [7, с. 202–203].

В дневнике Н. Н. Платоновой в записи от 13 февраля 1896 года читаем: «Вчера С. Ф. давая урок великому князю Мих[аилу] Ал[ександровичу], был удивлен его познаниями в орфографии: он написал далѣе с двумя е, а на замечание С. Ф., что это сравн[ительная] степень, ответил: „Об этом я и не подумал“ — и поставил ъе. Затем снова он написал сного, так что С. Ф. должен был объяснить ему происхождение и значение этого слова. Понадобилось затем написать госуд[арственные] штаты. Великий князь захотел написать по-франц[узски], но не знал, как писать Etats⁶ (Eta — а дальше что?). Общими силами написали Etats, слово généraux⁷ великий князь написать сумел, но относительно accents⁸ заметил, что их расставит Тормейер (воспитатель-француз). А ведь великому князю 18 лет! Но что всего более приводит С. Ф.-ча в отчаяние, так это постоянный вопрос великого князя по поводу чего-либо, что ему рассказывает С. Ф.: „Мы это проходили?“ Сам он не может сказать, проходил он то или другое или нет. Великая княжна очень мила» [6, с. 137].

Особенно теплые чувства к своему преподавателю испытывала Ольга Александровна, от которой историк получал трогательные телеграммы даже после окончания преподавания. «Я тоже радостно вспоминаю Ваши уроки и беседы, сердечно благодарю Вас за добрую память. Ольга», —

⁶ Штаты (фр.).

⁷ Генеральные (фр.).

⁸ Ударения (фр.).

пишет она в 1904 году [12, л. 14]. Последняя телеграмма из тех, что удалось обнаружить, датирована 1914 годом.

Сохранился черновик одной из телеграмм и Сергея Федоровича своей ученице. К сожалению, точной даты на нем указано не было. Однако то, что написан он на бланке директора Женского педагогического института, позволяет предположить, что это было после 1903 года. «Гатчина. Ея Императорскому Высочеству Великой Княгине Ольге Александровне. Поздравляя Ваше Высочество с днем рождения, искренне желаю всего лучшего, радостно вспоминаю былые уроки и беседы и почтительно прошу вспомнить в этот день профессора Платонова» [10, л. 1].

Еще одним фактом, подтверждающим теплое отношение к своей ученице Сергея Федоровича, является его желание видеть Ольгу Александровну в роли почетного попечителя Женского педагогического института после смерти в 1915 году Константина Константиновича, занимавшего эту должность. В письме к С. Д. Шереметеву Платонов пишет: «Кончина великого князя оставила меня в точном смысле сиротою. Я был к нему достаточно близок, чтобы оплакивать в нем не только начальника, но и дорогого человека. Теперь уже ничто не обязывает меня в отношении Института, и я немедленно выйду в отставку, если только попечительницей Института не будет назначена в[еликая] кн[ягиня] Ольга Александровна. Она одна может еще привязать меня на время, пока не осмотрится в новом деле» [5, с. 211]. К сожалению, Ольга Александровна попечителем не стала, эту должность заняла супруга Константина Константиновича Елизавета Маврикиевна. И действительно, через год, в марте 1916 года, С. Ф. Платонов пишет на ее имя прошение об отставке, в котором также упоминаются Ольга и Михаил: «... имев счастье в течение 6-ти лет (1895–1901) быть преподавателем младших детей ея императорского величества» [5, с. 353].

В историческую науку Сергей Федорович вошел как выдающийся ученый, а в историю педагогики — как талантливый и эрудированный лектор и воспитатель, взрастивший целую плеяду учеников и учениц, профессионально занимавшихся историей либо же просто заинтересованных предметом. Он был одним из первых отечественных педагогов, внедривших практику экскурсионного обучения вместе с И. М. Гревсом. Впоследствии с ученицами Женского педагогического института совершались поездки в Москву, Киев, Псков, Архангельск и даже в Грецию. Эти поездки носили именно образовательный характер и были направлены на углубление знаний, получив форму «лабораторного» семинарского занятия. Применение подобной практики как в индивидуальном обучении, так и при преподавании в учебных заведениях, серьезно повлияло на формирование интереса учащихся к историческим наукам и культуре.

Манера подачи материала и методики, использованные историком

при обучении императорских детей, вызвали у них живой отклик, который был отмечен Платоновым в отчетах. В этой связи хочется привести высказывание из книги «Мемуары Ольги Александровны»: «Русская история ... представлялась как бы частью нашей жизни – чем-то близким и родным – и мы погружались в нее без малейших усилий» [1, с. 28]. Вероятно, такому отношению к истории Ольга Александровна была обязана именно Сергею Федоровичу Платонову, воспоминания о котором она пронесла через всю свою жизнь.

Выражаю благодарность за помощь, консультации и предоставленные материалы Александре Николаевне Фарафоновой, Ирине Эдуардовне Рыженко, Инне Петровне Беляевой, Айсулу Эркиновне Шукуровой и Николаю Владимировичу Некрасову.

Библиографический список

1. Воррес, Я. Мемуары Великой Княгини Ольги Александровны / Ян Воррес. – Москва : Захаров, 2003. – 272 с. – (Биографии и мемуары).
2. ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2125.
3. ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 188.
4. Ольга Александровна. 25 глав моей жизни / Ольга Александровна ; составители Л. А. Куликовская, П. Э. Куликовский, К. Рот-Николс, С. Вулменз; перевод с англ. под редакцией Л. Р. Харитоновна. – Москва : Кучково поле, 2017. – 328 с. : ил. + 16 л. цв. вкл.
5. Платонов, С. Ф. Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками : в 2-х т. Т. 1 : Письма С. Ф. Платонова. 1883–1930 / С. Ф. Платонов ; составитель В. Г. Бухерт. – Москва : Наука, 2003. – 388 с.
6. Платонова, Н. Н. Дневник (1889–1921) / Н. Н. Платонова ; Нотр-Дам. ун-т (США). Ф-т гуманитар. и обществ. наук; Санкт-Петербургский институт истории РАН ; подготовка текста В. В. Андреевой, А. Н. Одинокова и др. ; ответственный редактор Е. А. Ростовцев ; редактор серии Д. Вульф, С. М. Ляндрес и др. – Рязань : [б. и.], 2020 – 882 с., ил. – (Новейшая российская история: исследования и документы ; т. 12).
7. Пресняков, А. Е. Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники, 1889–1927 / А. Е. Пресняков ; Российская академия наук, Санкт-Петербургский институт истории. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2005. – 966 с.
8. РГИА. Ф. 552. Оп. 1. Д. 501.
9. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 230.
10. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1862.
11. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2771.

12. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3717.
13. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4259.
14. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4371.
15. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4615.
16. Хухка, И. А. Гатчина в дневниках и письмах великой княжны Ольги Александровны / И. А. Хухка // III Ольденбургские чтения : материалы краеведческих чтений. – Воронеж : Пресс Бургер, 2018. – С. 3–25.

Землебит Львова. Превратности судьбы

Иллюстрации на стр. 118–126



Константин Евгеньевич Иванов,
заведующий отделом «Приоратский дворец» ГМЗ «Гатчина»

Друг мой! Увы! озлобься, Время
Его спешило в гроб сокрыть,
Что сея он познаний семя
Мнил веки пользой пережить;
Воздвигнув из земли громады
И зодчества блестя челом,
Трудился, чтоб полнощи чады
Искусств покрылися венцом.
Гавриил Державин. Память другу¹

Есть крылатое выражение, гласящее, что архитектура – это застывшая политика. Оно выражение как нельзя лучше подходит к самому известному творению гения эпохи Русского Просвещения Николая Львова – Приоратскому дворцу. Здание является яркой иллюстрацией прогрессивной социальной политики России конца XVIII века, отправной точкой обширной государственной программы и успешным результатом амбициозного научного эксперимента. Более двухсот лет дворец привлекает внимание любителей истории и вызывает жгучий интерес специалистов. Тысячи посетителей ежегодно приезжают в Гатчину, чтобы увидеть необычное здание. И ежедневно сотрудникам Приоратского дворца задают два главных вопроса: в чем уникальность землебитного метода Львова и почему этот метод не получил дальнейшего распространения? Попробуем разобраться.

Сама идея возведения Приората принадлежит императору Павлу Первому. С первых дней царствования он серьезно озадачился положе-

¹ Державин Г. Р. Сочинения. СПб. : Академический проект, 2002. С. 336.

нием крестьян и состоянием дел в Лесном хозяйстве. В частности, важным был вопрос отпуска строительных материалов на постройку крестьянских хозяйств. Неконтролируемая вырубка лесов и большое количество пожаров заставляли искать альтернативу дереву. Императорские указы об учреждении Школ землебитного строительства и практического земледелия, а также указы о создании Лесного департамента и «О правилах вырубки лесов на перестройку домов казенных крестьян» четко обозначили вектор государственной политики – социальные преобразования, инновации, просвещение.

В 1797 году, 30 апреля, император подписал указ «Об учреждении Школы практического земледелия».

21 августа 1797 года Павел Первый учредил землебитное училище «для доставления сельским жителям здоровых, безопасных, прочных и дешевых жилищ и в соблюдение лесов в государстве». Одновременно с указом об учреждении училища земляного битого строения вышел указ «О разрабатывании и введении в общее употребление земляного угля, отысканного под городом Боровиками и по берегу реки Меты».

26 мая 1798 года вышел императорский указ о создании Лесного департамента при Адмиралтейской коллегии. Наименование официально было упомянуто лишь 27 февраля 1799 года в указе «О правилах вырубки лесов на перестройку домов казенных крестьян».

Строительство Приората должно было не только подтвердить, что с помощью землебитных технологий можно решать любые градостроительные, хозяйственные и социальные задачи, но и дать серьезную производственную практику курсистам школы землебита.

Надо сказать, что Н. А. Львов умело использовал и обобщал все исследования в области естествознания. Для определения качества земли использовался метод Андрея Афанасьевича Самборского² из описания практического английского земледелия (илл. 1–2). Также Львов отталкивался от публикации французского архитектора Франсуа Коантеро «Школа деревенской архитектуры», перевод которой с интересными дополнениями выполнил магистр философии и свободных наук Александр Дмитриевич Барсов (илл. 3).

15 июля 1801 года Львов преподнес молодому императору Александру I «Альбом Землебитных строений», за что был пожалован бриллиантовым перстнем и большими полномочиями. Теперь должность тайного советника именовалась как Главный директор угольных приисков и работ в империи, главный начальник земляного битого строения в Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского

² Андрей Афанасьевич Самборский (1732–1815) – протоиерей Русской православной церкви, основатель Школы практического земледелия в Царском Селе

домоводства непрменный член, тайный советник и кавалер. Вроде бы и признание, и перспективы метода вполне очевидны.

Но после преждевременной кончины Львова все начинания были преданы забвению. На протяжении двух столетий ученые, инженеры, архитекторы, политики пытались найти ответы на вопросы, в чем заключается уникальность технологии землебита Николая Львова и каковы причины ее забвения.

Двоюродный брат Николая Александровича Федор Петрович Львов в поисках ответа на второй вопрос приходил к выводу, что всему виной интриги завистников: «...Разговор его с простым крестьянином, как строить из земли избу, есть творение неоцененное. Настоящее дело гения, которому подражать невозможно.

Всегда и во всех почти краях при открытии новых польз общественных страдали виновники оных. Труды подвижника, озлобляя зависть, нередко были гонимы! Той же участи подвержен был и г-н Львов. <...> О земляных строениях кричали, что они непрочны, нездоровы, а доньине, то есть 25 лет времени, многие земляные строения существуют без всякого поправления и в совершенной целости. Разные слухи, клеветы, коварствы бросились на сего достойного человека...»³

В целом Федор Петрович был прав, но все оказалось гораздо сложнее. С закрытием школы и кончиной Николая Александровича интерес специалистов к землебиту не пропал. Уже в правление Николая Первого министр государственных имуществ Павел Дмитриевич Киселев (илл. 4), входивший в Секретный комитет «для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий», ярый сторонник отмены крепостного права, вновь возвращается к идеям землебита. И сталкивается с полным неприятием крестьянами и дворянством новых преобразований. Если внедрение новой овощной культуры – картофеля – приходилось проводить в полном смысле под дулами солдатских ружей, подавляя повсеместно картофельные бунты, то и с землебитом дела обстояли не лучше.

Один из видных ученых и общественных деятелей того времени Степан Михайлович Усов⁴ с горечью писал о Школе практического земледелия: «...Крестьяне так худо понимали добрую цель учреждения, что выбранные для учения в эту Школу шли в нее, как в рекруты: домашние считали их потерянными без возврата и провожали их из селения с плачем; у иных жены, сочтя взятых в учение мужей пропавшими, выхо-

³ Львов Ф. П. Николай Александрович Львов // Н. А. Львов. Избранные сочинения. СПб. : Акрополь, 1994. С. 369–370.

⁴ Степан Михайлович Усов (1798–1859) – русский ученый, экстраординарный профессор сельского хозяйства Санкт-Петербургского университета. Статский советник (1853).

дили снова замуж; у других дома были проданы как выморочные; сами мужики, отторгнутые от своих жилищ, ехали в Школу с твердым намерением забыть новые правила»⁵.

Следует сказать, что в Школе практического земледелия, о которой идет речь, в учебную программу тоже некоторое время входило обучение земледелию. Но знания не находили благодатную почву.

В 1845 году в Гатчине было основано практическое Земледельческое училище, но оно не имело успеха и в 1849 году было закрыто из-за малого числа желающих учиться. Об этом же впоследствии, в 1895 году, напишет главный архитектор Гатчины Николай Дмитриев в журнале «Строитель» (илл. 5).

В Гатчину на строительство Приоратского дворца было приглашено гораздо больше рабочих, чем требовалось для производства работ. Львов полагал, что их участие в строительстве даст новые навыки, знания и вызовет интерес к необычной технологии, но многие рабочие стремились быстрее покинуть Гатчину и, вернувшись в свои селения, никаких знаний с собой не принесли. Причем Дмитриев, особо отметив блестящий результат в применении земледелия, ставит в упрек Львову фиаско в обучении мастеров. Но никакой вины Николая Александровичам в этом нет.

При Киселеве в Россию приезжает немало специалистов по строительству из грунтов. В основном это прибалтийские немцы: Пальшау, Даффнер, Штиссер и многие другие. Публикуется несколько руководств по земледелию и глинобитным технологиям, хотя эти руководства больше напоминают рекламные буклеты, поскольку специалисты прибыли зарабатывать деньги, а не заниматься просвещением. Все авторы пишут о положительном зарубежном опыте в Германии, Швейцарии, Франции. Почти все упоминают прокуратора Испании Плиния Старшего, описавшего земледелие в античной Европе, и никто не упоминает опыт Н. А. Львова (илл. 6–7).

Наиболее значительных успехов добивается французский инженер Изнар. Николай Францевич Изнар получает в 1833 году привилегию на строительство зданий из земледелия кирпича, изготовленного при помощи своей механической земледелия машины, и строит несколько сооружений в Одессе. По прошествии 25 лет Особая комиссия Общества сельского хозяйства Южной России дает заключение о прекрасном состоянии зданий, построенных Изнарком (илл. 8–9).

Кстати, давайте обратим внимание на срок 25 лет. Ведь на такой же срок давал гарантию и Н. А. Львов на Приоратский дворец. Если открыть

⁵ Усов С. М. Курс земледелия : с приложением к полеводству, читанный в Императорском С. Петербургском университете и Вольном экономическом обществе, его и других обществ действительным членом С. М. Усовым. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1837.

современный справочник по строительным материалам, можно увидеть, что у большинства камней, используемых для строительства, такие же сроки гарантированного качества – 25 циклов. Но следует особо отметить, что 25 циклов в Испании, Швейцарии или Южной России разительно отличаются от 25 циклов в наших широтах. Климат здесь гораздо более суровый, годовые перепады температур достигают 60 градусов по Цельсию, даже суточные перепады составляют до 30 градусов плюс высокая влажность. Таким образом, по качественным характеристикам Приоратский дворец бьет все рекорды – более 200 циклов.

В своей брошюре Изнар особо подчеркивал, что его метод не требует каких-то особых знаний, квалификации и навыков рабочих, чем, кстати, существенно отличается от метода Львова. Метод Изнара хотя и обрел известность, но тоже не получил распространения из-за высокой стоимости землебитной машины, производительность которой составляла 400 землебитных кирпичей в сутки. Следует отдать должное Николаю Францевичу и его современникам: в своих изданиях они очень подробно описали все выгоды и преимущества землебитного строительства.

Но почему-то внимание к землебиту проявлялось только после глобальных социальных потрясений: после отмены крепостного права, когда надо было решать вопрос с положением крестьян, или после страшного голода 1891–1892 годов, причинами которого были многочисленные пожары, погубившие жилые постройки и большие запасы зерновых (илл. 10).

В 1890-е годы была создана серьезная государственная комиссия по изучению огнестойкого строительства. В состав комиссии входили члены Вольного экономического общества, Русского технического общества, Русского пожарного общества, чиновники различных ведомств, инженеры, архитекторы (илл. 11–13). Среди задач, поставленных перед комиссией, было изучение истории огнестойкого строительства и причин, по которым эти столь необходимые технологии не получают должного распространения.

Комиссия проделала обширную работу. Была собрана статистика по пожарам, были выявлены и обследованы свыше 21 тысячи зданий и сооружений, построенных по способу землебита, глинобита или саманного способа. В отчетах комиссии было уделено внимание такому показателю, как детская смертность. В селениях, где преобладали землебитные или глинобитные дома, уровень инфекционных заболеваний оказался значительно ниже, нежели в тех, где здания были построены из дерева. Появилось множество публикаций по результатам деятельности комиссии. Что же касается изучения истории, то опять метод Львова был лишь

упомянут в отчетах, не получив должного внимания. В пояснительной записке, составленной по результатам работы комиссии инженером В. М. Верховским, в разделе «Краткий исторический очерк вопроса о дешевых сельских огнестойких постройках и значение этого вопроса в народном хозяйстве» можно прочесть: «Одновременно с учреждением училища в селе Никольском было выстроено в Гатчине земляное битое строение, именуемое «Приоратский дворец», но имеет ли эта постройка какую-либо связь с Никольским училищем и кто был строителем дворца, — неизвестно. По сообщению Дворцового управления, здание это постоянно обитаемо и находится в полной исправности.

К сожалению, такой почин в деле обучения государственных крестьян возведению прочных безопасных от огня построек, казавшийся правильно организованным, был весьма непродолжителен и не имел достаточных последствий» (илл. 14).

Что же касается главного вопроса: почему огнестойкое строительство не имеет должного распространения, — то выводы комиссии о причинах были однозначны: повальное невежество и нежелание учиться (илл. 15–16).

Главным итогом этих исследований стало открытие в Нижнем Новгороде Школы огнеупорных построек, которую в сентябре 1895-го года окончили 104 ученика. Это был самый большой выпуск, а далее обучение не получило должного распространения (илл. 17–18).

Как видим результаты деятельности нижегородской Школы оказались весьма скромными по сравнению с результатами деятельности Землебитного училища Н. А. Львова, которое выпустило за 6 лет 815 человек: 377 мастеров, 87 подмастерьев, 351 ученика. Усилия, предпринятые Московским отделением императорского общества сельского хозяйства по распространению землебита почти через 100 лет после Львова, также не увенчались успехом. Ситуация повторилась. Пресса пестрела рекламой строительных материалов: кирпича, бетона, бетонных блоков и, конечно, строительство дешевых зданий из бесплатной земли никак не устраивало крупных дельцов, занимающихся строительством (илл. 19–20).

После революции интерес к землебитному методу вспыхнул вновь. В стране шло интенсивное строительство, нужны были новые материалы, новые технологии (илл. 21–22).

Профессор В. Д. Мачинский, который занимался огнестойким строительством еще до революции, изначально отдавал предпочтение глинобитным технологиям, но после долгих исследований все-таки признал ряд преимуществ землебита. И наконец метод Львова получил заслуженное внимание, причем с сугубо научным подходом.

В Гатчину начали прибывать научные экспедиции. Инженер-строитель С. А. Энгельгард, профессор А. Ф. Мейснер исследовали Приоратский дворец и написали свои работы на основании этих исследований (илл. 23–24). Самое серьезное изучение Приоратского дворца было сделано гражданским инженером В. В. Свенторжецким в 1931 году (илл. 25).

Собрав необходимую документацию, большое содействие Свенторжецкому оказала Серафима Николаевна Балаева – главный хранитель Гатчинского дворца. Вячеслав Вацлович Свенторжецкий провел анализ землебитных стен Приората, определив их химический и механический состав, сделал множество расчетов (илл. 26–27).

Но опять положительные результаты исследований и успешные строительные эксперименты не получили развития и внедрения. Лишь в годы Великой Отечественной войны опыт землебита пригодился при сооружении оборонительных рубежей и укрепрайонов (илл. 28).

А вот гражданское землебитное строительство опять осталось лишь на бумаге. Профессор А. Ф. Мейснер указывал на серьезную проблему – отсутствие технически грамотного персонала и специалистов по землебиту. Дело в том, что метод Львова оказался далеко не так прост и требовал определенных навыков и знаний. Это не просто трамбование. При набивке земляных стен мастера наносят удары внутри опалубки в определенной последовательности, создавая своеобразную ударную волну, в чем-то сходную с эффектом «тягучего клина» или «зонного нагнетания», открытым советским инженером Н. Е. Королевым в 1971 году. Зонное нагнетание – это механический способ получения сверхплотных структур из сыпучих дисперсных сред. Получается, Львов обогнал время почти на два столетия? К тому же использование трамбовок различной формы также в определенной последовательности позволяет добиваться одинаковой плотности по всему объему стены или землебитного кирпича (илл. 29–30).

Этим и объясняется уникальность метода Н. А. Львова и фантастическая прочность Приоратского дворца, что ставит его в один ряд со знаменитыми землебитными сооружениями: сторожевыми башнями Ганнибала, Сервиевым валом в Древнем Риме, первыми участками Великой Китайской стены и загадочным Аркаимом, – построенными тысячи лет назад и удивляющими своей долговечностью.

Видимо, поэтому технологию «русского Леонардо» удастся освоить далеко не всем. Да и не все этого хотят. Как пишут современные исследователи, вновь на пути землебита стоят невежество и корыстные интересы строительных корпораций.

Библиографический список

1. Верховский, В. М. Сельские огнестойкие постройки. – Санкт-Петербург : Тип. А. А. Пороховщикова, 1898.
2. Всероссийский съезд техников по сельскому огнестойкому строительству. 1-й Петербург, 1911. Труды. – Санкт-Петербург, 1912.
3. Грудинов, М. Н. Дешевые негорючие постройки. Земля как строительный материал, земляной кирпич и постройки из него. – Саратов : Тип. Губ. зем., 1890.
4. Даффнер, М. Набивное построение, или Руководство строить из обыкновенной земли весьма дешевые, прочные, от огня безопасные и теплые дома, с описанием новейших опытов, произведенных в Швейцарии, и 4-мя чертежами / Соч. инж. Даффнера / перевод [и предисловие] Ивана Арнгольда. – Вильно : Тип. Ф. Гликсберга, 1844.
5. Державин, Г. Р. Сочинения. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2002.
6. Дмитриев, Н. Земляное строение в Приоратском парке в Гатчине // Строитель. – 1895. № 24.
7. Зубкин, В. Е., Коновалов, В. М., Королев, Н. Е. Зонное нагнетание сыпучих сред, или Как строить из обыкновенной земли весьма дешевые, прочные, теплые и огнестойкие дома посредством «Русских качелей». 2-е издание, доработанное и дополненное. – Москва : ИнноЦентр.Ру, 2011.
8. Изнар, Н. И. О землебитном камне, по способу, усовершенствованному г. Изнаром. – Одесса : Тип. П. Францова, 1861.
9. Коантеро, Ф. Школа деревенской архитектуры, или Наставление, как строить прочные дома о многих жильях из одной только земли или других обыкновенных и дешевых материалов / перевод А. Барсова. – Москва, 1794.
10. Львов, Ф. П. Николай Александрович Львов // Н. А. Львов. Избранные сочинения. Санкт-Петербург : Акрополь, 1994.
11. Малинко, В. В. Сельское огнестойкое строительство : экономические постройки из обыкновенного кирпича по системе инж. Герарда : описание работ, примерный проект и смета. – Москва : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1915.
12. Мейснер, Л. Ф. Землебитное строительство. – Москва, 1932.
13. Наставление к производству известково-песчанобитных построек / составитель Петр Пальшау. – Санкт-Петербург : Тип. Королева и К°, 1855.
14. Плиний Старший. Естественная история. Книга 25, глава XIV.
15. Свенторжецкий, В. В. Земля как строительный материал. – Москва ; Ленинград, 1932.

16. Усов, С. М. Курс земледелия : с приложением к полеводству, читанный в Императорском С. Петербургском университете и Вольном экономическом обществе, его и других обществ действительным членом С. М. Усовым. – Санкт-Петербург : Тип. Эдуарда Праца, 1837.
17. Энгельгардт, С. А. Строения из трамбованной земли. – Москва ; Ленинград : Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1932.

Реставрация архитектором А. М. Байковым сливовой и розовой оранжерей

Иллюстрации на стр. 129



Варвара Николаевна Иванова,
научный сотрудник, ГМЗ «Гатчина»

История создания оранжерей при Гатчинском дворце начинается в 1765–1783 годах, во времена первого владельца Гатчины – Г. Г. Орлова. В этот период появляются чертежи оранжерейного комплекса.

На плане 1792 года уже виден сформировавшийся комплекс Больших оранжерей (илл. 1). Реставрации и перестройки зданий оранжерей осуществлялись на протяжении всей истории существования оранжерей.

В 1846 году архитектору А. М. Байкову поручают провести в 1847 году ремонтные работы в сливовой и розовой теплицах. Особенно отмечается в документе необходимость своевременного представления смет, и «1-е работы, назначенные к производству своими мастерскими стараться непременно кончить оными не требуя вольнонаемных, разве только в самой необходимости, произвести наемными и то не иначе как с разрешения Дв. Правления, о чем представлять заблаговременно; 2-е иметь неослабное смотрение, чтобы вести вообще работы производящиеся по ведомству Гатчинского Дв. Правления были выполнены в свое время с надлежащим успехом и совершенною прочностью; и 3-е – отнюдь ничего противу утвержденных смет и планов не проводить и никаких перемен в работе уже определенных без разрешения Правления не делать, о чем и прежде было Вам предписано». Можно предположить, что А. М. Байкову было свойственно изменение проекта в процессе работы.

Ремонт теплицы и оранжереи предполагал полный разбор крыши и потолка, печей с фундаментами, наружных и внутренних стен, а также цоколя. Поэтому можно говорить о том, что в данном случае «реставрация» А. М. Байкова являлась построением новых зданий – начиная с фундамента и завершая остеклением.

14 декабря 1846 года архитектор А. М. Байков уже представил в Гатчинское дворцовое правление планы и сметы «на перестройку за ветхостью в Дв. саду по 4-й линии под № 20, большую Сливовую теплицу; по 2–1 линии под № 13, Розовую оранжерею» .

В сметах А. М. Байков подробно подсчитал количество требуемых на строительство материалов для теплицы и оранжереи, в том числе количество кирпичей — 51 370 штук, что вызвало вопросы у канцелярии Гатчинского дворцового правления, где посчитали такое количество излишним и попросили прислать с устным ответом ученика архитектора, Александрова. На что А. М. Байков дал лаконичный письменный ответ: «по квадратному содержанию выходит то что 51 370 кирпича потребно будет... о чем известил 18 февраля 1847».

Каменные работы по сливовой теплице проводились серьезные, велось «разобрание плитных стен наружных и внутренних и части плитной каменной стены с фундаментами, сложною длиною 19 саж: вышиною 5 арш: толщиной 1 ар: с разобраньем цоколя под переднюю часть и боковой теплицы с фундаментом сложною длиною 14 саж: вышиною 2 арш: толщиной 1 арш: с отчисткою мусора и складкою годной плиты в сажени на показанное место, всего куб. саж. 12». Затем начинались работы по «построению вновь теплицы», с новыми фундаментами и использованием «толщиною в 2 кирпича потребно 24 840 за разбутку с лицевой стороны позади у окольной стены кирпичем длиною погон: 12 саж: вышиною 8 верш: квадратных 2 саж: толщиной в 2 кирпича, потребно 1840 штук кирпича, для кладки стены кирпичем сверх фундамента двух простенков кои отделяют топку от теплицы длиною погон: 8 саж: вышиною 6 арш: квадрат: 16 саж: толщ: в 2 кирпича и на наделку сбоку над старой сливовой теплицею, вышиною противу профили 14 720 штук кирпича а всего в кладку с выведением над заднею стеною пояса, 41 400... вставку стекол в тепличные переплеты 360 стекол длиною и шириною 16 вершк: что составит погон: аршин фальцев в рамах 1440». Для защиты слив от холода и палящих лучей солнца изготавливаются ставни в количестве шестидесяти штук «длинною от 2 до 5¼ арш: шириною 1 арш: 8 верш: с выстругкою досок и фальцовкою оных, с прибивкою и скреплением на планках, с навешиванием 25 на место».

Перестройка оранжереи для выращивания роз предполагала полную перестройку, как и теплица для слив. Вновь особым пунктом идет изготовление оконных ставней в количестве восемнадцати штук, позволяющих регулировать интенсивность солнечного света внутри оранжереи. Длина ставней «от 4 до 4½ ар: шириной 1 ар: 8 вер: с выстругкою досок, фальцовкой оных, прибивкою и скреплением на планках, с навешиванием на петли и покрытием шипцов». В оранжерее проектируется оборудова-

ние для размещения саженцев: «под цветы полук по каналу в один ряд 6 саж: и пирамид с полками в 12 рядов, одной в 3 ряда, одной по тетевам и прогонам, с обтескою для сего бревен, выстругкою досок сделанию обвязки и установкою по каменным стульям».

Мы видим, что ремонтно-реставрационные работы, производимые А. М. Байковым в оранжерейном комплексе в 1847 году, можно назвать перестройкой сооружений на их исторических местах, поскольку замена была полной — даже печи выстраивались на новом фундаменте. При этом сохранялось предназначение построек — на месте сливовой выстраивают вновь сливовую теплицу, на месте оранжереи для роз возводят розовую оранжерею. Подобная традиционность подхода перенимается при последующих реставрациях и перестройках комплекса Больших оранжерей.

Библиографический список

1. РГИА. Ф. 491, Оп. 2. Д. 86.

Деятельность В. К. Макарова в комиссиях по выяснению ущерба, нанесенного Петергофским и Ораниенбаумским дворцам-музеям и паркам в 1943–1944 годах

Иллюстрации на стр. 131-135



Павел Владимирович Петров,
доктор исторических наук, заведующий отделом музейных исследований ГМЗ «Петергоф»

Тема, о которой далее пойдет речь, на первый взгляд может показаться незаметной и малозначительной среди важнейших событий Великой Отечественной войны. Но это довольно обманчивое впечатление, зачастую скрывающее от нас важную и кропотливую работу специалистов, от которой напрямую зависит принятие тех или иных судьбоносных решений. В данном случае речь пойдет о таком малоизученном аспекте деятельности искусствоведа и музейного деятеля Владимира Кузьмича Макарова, как его участие в 1943–1944 годах в качестве эксперта в комиссиях по определению ущерба, нанесенного дворцово-парковым ансамблям Петергофа и Ораниенбаума. Роль Макарова в работе комиссии представляется настолько несомненной и важной, что о ней следует сказать отдельно.

Но для начала следует сказать несколько слов о предыстории вопроса. 6 мая 1943 года решением Исполкома Ленгорсовета № 91-1 была создана Ленинградская городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЛГК). Одной из ее задач было установление и расследование ущерба, причиненного «государственным предприятиям и учреждениям города Ленинграда (включая Кронштадт, Колпино, Пушкин, Петергоф и дворцы и парки в Красногвардейске, Слуцке и Ораниенбауме)» [1, л. 1]. Этим же решением были назначены ее председатель – второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецов – и члены – председатель Исполкома Лен-

горсовета П. С. Попков, начальник Управления НКВД по Ленинградской области П. Н. Кубаткин, заместитель председателя Исполкома Ленгорсовета Е. Т. Федорова, главный архитектор Ленинграда Н. В. Баранов, управляющий Ленэнерго Б. П. Страупе, а также утверждено Временное положение о комиссии [1, л. 1–3], ее структура и штаты [1, л. 4, 6–6 об.].

16 июля 1943 года очередным решением Исполкома Ленгорсовета № 95-5 было создано оценочно-экспертное бюро при Комиссии, председателем которого назначили главного архитектора Государственной инспекции по охране памятников (ГИОП) Ленинграда Н. Н. Белехова. Членами бюро назначались главный хранитель Эрмитажа, доктор искусствоведческих наук М. В. Доброклонский, главный хранитель Русского музея профессор М. В. Фармаковский, доктор архитектуры И. И. Фомин, доктор технических наук Л. П. Шишко, главный инженер ГИОП М. Ф. Броницкий и другие [1, л. 118–118 об., 122–122 об.]. Причем оценочно-экспертному бюро предоставлялось право «привлекать к участию в экспертизах и оценках ущерба, причиненного немецкими оккупантами и их сообщниками, необходимых специалистов» [1, л. 118 об., 122 об.]. Именно поэтому в качестве экспертов к работе бюро были привлечены такие авторитетные специалисты, как консультант ГИОП Ленинграда В. К. Макаров, сотрудники Государственного Эрмитажа профессора Г. Г. Гримм, Э. К. Кверфельдт и другие [2, с. 40]. В качестве эксперта бюро при ЛГК Владимир Кузьмич Макаров стал регулярно выезжать в ленинградские и пригородные музеи, где обследовал состояние дворцов и павильонов, пострадавших в результате неприятельских артобстрелов и бомбардировок, и в качестве члена разных комиссий участвовал в составлении актов и отчетов.

Параллельно с этим Макаров входил в состав Научного совета при Отделе музеев и памятников Управления по делам искусств Исполкома Ленгорсовета. Этот совет был образован 12 октября 1943 года приказом № 264 начальника Управления по делам искусств Б. И. Загурского «для разрешения научных вопросов, связанных с хранением музейных ценностей». Председателем Научного совета являлся профессор В. К. Макаров [3, л. 6]. В состав совета вошли: заместитель председателя, старший научный сотрудник Объединенного хозяйства музеев (ОХМ) С. Н. Балаева, консультанты-профессоры М. В. Фармаковский, Э. К. Кверфельдт, А. П. Удаленков, а также научные сотрудники и хранители ленинградских и пригородных музеев Н. В. Успенский, А. И. Зеленова, Е. И. Лединкина, М. А. Тихомирова и Б. С. Волкинд [3, л. 6]. Следует заметить, что к помощи Макарова как видного эксперта в области музейного дела Отдел музеев и памятников Управления по делам искусств Исполкома Ленгорсовета часто прибегал еще в первой половине 1943 года, до создания Научного совета. В частности, его помощь была необходима при «контрольном просмотре

некоторых экспонатов», находившихся в Объединенном хозяйстве музеев, а также «для установления необходимых реставрационных работ» [4, л. 49].

Таким образом, мы видим, что В. К. Макаров был широко вовлечен в качестве научного эксперта в деятельность разных организаций, связанных с работой музеев. Может возникнуть вопрос, почему именно к Макарову обращались как одному из главных, признанных специалистов в области музейной работы. Впрочем, на этот вопрос он сам ответил в марте 1944 года в ходе научно-технической конференции, посвященной вопросам реставрации пригородных дворцов-музеев: «Товарищи, я — один из тех немногих работников музея, которые с самых первых дней нашей новой эры — революции, занялись загородными дворцами. Мне пришлось при Временном правительстве войти одним из первых во все дворцы Петергофа, хорошо знаю Гатчину (отдал ей в полном смысле слова десять лет жизни). Приходилось, конечно, знакомиться и с Детскосельским и с Павловским дворцами...» [5, л. 8]. По свидетельству бывшего главного хранителя дворцов-музеев и парков г. Петродворца М. А. Тихомировой, Макаров «прекрасно знал все пригороды с их дворцовым имуществом и, имея огромный опыт в музейно-хранительской работе, оказывал нам немалую помощь своими советами» [6, с. 29–30]. Нет сомнения в том, что В. К. Макаров являлся одним из крупнейших знатоков ленинградских и пригородных дворцов-музеев. Но нас интересует в первую очередь его работа в комиссиях об ущербе, нанесенном дворцам Петергофа и Ораниенбаума в ходе боевых действий под Ленинградом в 1941–1944 годах.

Первые обследования дворцов и парков Ораниенбаума стали предприниматься в 1943 году. Вероятно, это было связано с общим улучшением военной ситуации под Ленинградом, где в январе была наконец-то прорвана блокада. На ораниенбаумский плацдарм стали осуществляться периодические командировки специалистов. В феврале 1943 года для технического осмотра и составления перечня ремонтных работ в Ораниенбаум был командирован бывший главный инженер Управления культурно-просветительными предприятиями Ленгорисполкома (УКППЛ) В. А. Богданович. А 6 июля для осмотра объектов туда выехала уже целая комиссия в составе начальника Управления по делам искусств Исполкома Ленгорсовета Б. И. Загурского, главного архитектора Государственной инспекции по охране памятников Ленинграда Н. Н. Белехова, консультанта Инспекции профессора В. К. Макарова, инженера В. А. Богдановича [4, л. 51 об.].

Об этой поездке Макаров в своем дневнике¹ записал следующее: «Поездка в Ораниенбаум (6–7, 8, 9). Вернулись через Кронштадт. Туда: Ли-

¹ Автор выражает благодарность ученому секретарю ГМЗ «Гатчина», к.и.н. М. В. Кирпичниковой за предоставленные фрагменты дневников В.К. Макарова, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

сий Нос – Кронштадт – О[раниенбаум]. Загурский, Белехов, Крылов, архитектор-инженер... и я. Жили в „Китайском дворце“ [7, л. 90]. (Вероятно, судя по составленным впоследствии актам, комиссия тогда же посетила еще и Старый Петергоф, находившийся на линии фронта и занятый войсками Приморской оперативной группы Ленфронта, где осмотрела остатки Английского дворца.)

Комиссией было зафиксировано, что Китайский дворец «имеет повреждения кровли от прямых попаданий артиллерийских снарядов». Благодаря своевременно принятым мерам по заделке кровли комендантом Н. М. Михайловым было предотвращено возможное разрушение внутренней отделки дворца от протечек дождевых вод. Необходимый материал для заделки пробоин в кровле был туда отправлен, подготовка здания к зиме шла усиленно и закончилась своевременно. В сентябре было решено направить научного сотрудника Отдела музеев и памятников «для проверки и принятия профилактических мер по содержанию музейных экспонатов» [4, л. 51 об.]. Помимо Китайского дворца комиссией осматривались и другие архитектурные объекты ансамбля Ораниенбаума: Большой (Меншиковский) дворец, павильон Катальной горки, Дворец Петра III.

Вероятно, результаты июльского обследования архитектурных объектов Ораниенбаума и Петергофа с участием В. К. Макарова были зафиксированы в актах, составленных уже в конце сентября 1943 года. В частности, акт об ущербе, нанесенном Большому (Меншиковскому) дворцу, был 28 сентября подписан комиссией, включавшей как гражданских лиц, так и большую группу военных – представителей Краснознаменного Балтийского флота. Последнее обстоятельство объяснялось тем, что здание дворца с 1935 года принадлежало Военно-Морскому Флоту СССР и числилось по данным местной инвентаризации как «городок № 7, здание № 1» общим объемом 46811 м³ [8, л. 7–8]. В качестве экспертов здесь фигурировали консультант ГИОП профессор В. К. Макаров, районный архитектор ГИОП И. Г. Капцюг и научный сотрудник инспекции Л. А. Медерский (илл. 1–2).

Экспертами комиссии был зафиксирован ущерб, нанесенный Большому (Меншиковскому) дворцу в ходе боевых действий 1941–1943 годов. Общая стоимость уничтоженного, разрушенного и поврежденного имущества, относящегося к зданиям различного назначения этого ансамбля, составила 47 млн 880 тыс. 200 рублей [8, л. 7 об.]. Само здание Большого дворца было повреждено на 11,88%. Все вышеперечисленные убытки и нанесенный Большому дворцу ущерб произошли, как было указано в акте, в период с октября 1941 по 1 мая 1943 года, и «в результате интенсивных артиллерийских обстрелов противником из 8–12” орудий произведены разрушения перекрытий, окон, дверей, внутренней и наружной

штукатурки, печного отопления, перегородок, стен, полов, крыш, лестниц, электроосвещения и фундамента» [8, л. 7].

В более развернутом виде итоги обследования всех дворцов и павильонов Ораниенбаума были зафиксированы в десятистраничном «Акте об ущербе, причиненном за время войны и блокады Ораниенбаумскому дворцу-музею и паркам» (илл. 3), утвержденном Ленинградской городской комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников 29 ноября 1944 года [9, л. 1–45]. Этот акт составлялся уже после полного снятия блокады Ленинграда, когда появилась возможность без помех со стороны противника провести детальное обследование зданий и парка на предмет их сохранности. В составлении данного акта в качестве эксперта оценочно-экспертного бюро при ЛГК, вновь принимал активное участие В. К. Макаров (помимо него, в качестве экспертов привлекались профессор А. П. Удаленков и главный хранитель Государственного Русского музея профессор М. В. Фармаковский).

В тексте акта группа экспертов указывала, что «с начала Великой Отечественной войны Ораниенбаумский дворцово-парковый комплекс неоднократно являлся объектом варварских вражеских бомбардировок с воздуха», а в период с сентября 1941 по январь 1944 года в ходе блокады ораниенбаумского плацдарма ансамбль подвергался «систематическим разрушениям наземными артиллерийскими обстрелами немецко-фашистских захватчиков» [9, л. 7]. В результате вражеских обстрелов и бомбардировок «значительно пострадали конструктивные элементы и архитектурное убранство Китайского дворца, Петерштадта, павильона Каталальной горки и здания бывшей дворцовой кухни». Также был причинен огромный ущерб парку, где сотни деревьев были уничтожены, а тысячи повреждены и «обречены на умирание в будущем», а парковая скульптура, мосты и ограды частично повреждены [9, л. 7]. Стоимость уничтоженного, разрушенного и поврежденного имущества ансамбля Ораниенбаума составила 262 млн 6 тыс. рублей, из которых 34 млн 682 тыс. рублей приходились на здания культурно-бытового назначения (Китайский дворец, дворец Петра III, павильон Каталальной горки), 204 млн 704 тыс. рублей – на лесные насаждения, свыше 21 млн рублей – на музейные экспонаты, садовую скульптуру и хозяйственное имущество [9, л. 8].

Кроме того, В. К. Макаров принимал участие в составлении экспертного заключения о стоимости ущерба предметного убранства Ораниенбаумских дворцов-музеев. Основное внимание в нем уделялось Китайскому дворцу как единственному действовавшему до войны музею. В ходе неприятельских артиллерийских обстрелов здание получило ряд повреждений, а от сотрясений в ходе попаданий вражеских снарядов пострада-

ли зеркала, фарфор и прочие хрупкие предметы [9, л. 21]. По части комнатного убранства самой крупной потерей стал огромный плафон кисти Дж. Б. Тьеполо «Отдых Марса», находившийся в Большом зале Китайского дворца и вывезенный в сентябре 1941 года в Петергофские дворцы-музеи, где он пропал в ходе немецкой оккупации. Он оценивался экспертами в 15 млн рублей. Что касается живописи Китайского дворца, то ущерб здесь определялся экспертами в плане общего ухудшения их физической сохранности в ходе эвакуации в Ленинград и оценивался в 1 млн 380 тыс. рублей [9, л. 21]. Получили серьезные повреждения зеркала Китайского дворца, что было оценено в 600 тыс. рублей. Seriously пострадала группа предметов мебели XVIII – начала XIX века (90 единиц), которая утратила от 25 до 100% своей сохранности от сырости, повреждений при эвакуации и попаданий снарядов. Эксперты оценили данный ущерб в 2 млн 800 тыс. рублей [9, л. 21].

14 января 1944 года началась наступательная операция войск Ленинградского фронта «Январский гром», имевшая своей целью полное снятие осады Ленинграда немецкими войсками. В результате успешного наступления вечером 19 января советские войска полностью освободили Петергоф, а 27 января была окончательно снята блокада Ленинграда. Закончилась немецкая оккупация территории Нового Петергофа, длившаяся два с половиной года и нанесящая колоссальный ущерб его дворцам, паркам, фонтанам и коллекциям. На территории дворцов и парков Петродворца² сразу же побывали деятели культуры и представители городских властей, оценивавшие общее состояние ансамбля, а с весны 1944 года начались работы по разминированию и расчистке его территории.

Для оценки урона, нанесенного городу Петергофу и его мирному населению, а также дворцам, паркам и музейному имуществу за период немецкой оккупации с сентября 1941 по январь 1944 года, начинает работу Ленинградская городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Итогом работы комиссии стал двадцативосьмистраничный «Акт о варварском разрушении немецко-фашистскими захватчиками Петродворца (Петергофа) и их злодеяниях над мирным населением», составленный в мае 1944 года [10, л. 1–28; 11, л. 1–28]. Вероятно, что качестве одного из экспертов при Комиссии в ее работе принимал участие и профессор В. К. Макаров³. Урон, нанесенный музейному комплексу Петергофа (Петродворца) – его дворцам, фонтанам и паркам – в период немецкой

² Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 января 1944 года город Петергоф был переименован в Петродворец.

³ Подписи экспертов в конце акта не были приведены (только членов комиссии), в отличие от других актов об ущербах.

оккупации, был отражен в отдельном двадцатидвухстраничном «Акте об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками музейному комплексу дворцов и парков в г. Петродворец» и приложениях к нему (илл. 4–5), утвержденных 15 сентября 1944 года [12, л. 1–101]. Акт был подписан председателем комиссии, главным архитектором Ленинграда Н.В. Барановым, а также членами – начальником Управления по делам искусств Б. И. Загурским, начальником ГИОП Ленинграда Н. Н. Белеховым, директором Государственного Эрмитажа академиком И. А. Орбели и другими лицами [12, л. 1, 20].

В его подготовке принимал участие в качестве одного из экспертов оценочно-экспертного бюро ЛГК профессор В. К. Макаров, а также член-корреспондент Академии наук СССР профессор М. В. Доброклонский, главный хранитель Государственного Русского музея профессор М. В. Фармаковский, профессор А. П. Удаленков, профессор Э. К. Кверфельдт, кандидат архитектурных наук В. И. Пилявский, кандидат искусствоведческих наук Г. М. Преснов и другие специалисты [12, л. 2, 21–22].

В этом акте указывалось, что после захвата Нового Петергофа немецкие войска «немедленно приступили к ограблению всего дворцового имущества и планомерному разрушению тех сооружений, которые ими не использовались с военно-стратегической целью» [12, л. 8]. Здесь же говорилось, что в первый же день прихода немецких войск был подожжен и подвергся разграблению Большой петергофский дворец с Церковным корпусом, а позднее оккупантами был сожжен Екатерининский корпус Монплезира и уничтожен ряд парковых сооружений [12, л. 8–9]. Дворцы, расположенные на берегу моря: Марли, Эрмитаж, Монплеzir и Нижняя дача, – были превращены немцами в «сильно укрепленные и специально оборудованные узлы сопротивления с закладкой проемов кирпичом и устройством амбразур», а их использование в качестве передовых военных объектов было расценено экспертами как «несравненный акт вандализма» и имевшее «необычайно варварский характер» [12, л. 9].

Далее эксперты перешли к исчислению материальных потерь, связанных с разрушением, разграблением и повреждением музейного имущества Петродворца. Зданиям культурно-бытового назначения (музеям) был нанесен общий ущерб в 942 млн 561 тыс. рублей, жилым зданиям – 42 млн 757 тыс. рублей, многолетним зеленым насаждениям – 1 млрд 702 млн рублей, водоподводящей системе и фонтанным сооружениям – 366 млн 57 тыс. рублей, а различным видам музейного и прочего имущества (музейные экспонаты, коллекции, библиотека, садово-парковая и фонтанная скульптура и пр.) – 2 млрд 518 млн рублей. Общий же ущерб музейного комплекса достигал колоссальной суммы в 5 млрд 584 млн рублей [12, л. 11]. Помимо текста самого акта бали составлены девять

отдельных экспертных заключений, посвященных ущербам различных зданий, сооружений или музейного имущества (Большой дворец, малые дворцы, предметное убранство, жилые здания и постройки, водоподводящая система и фонтаны, парковые сооружения, зеленые насаждения, хозяйственное имущество). Причем в составлении двух важных заключений (по предметному убранству дворцов, а также водоводу и фонтанам) принял непосредственное участие Владимир Кузьмич Макаров [12, л. 48–56, 69–84].

Здесь надо отметить, что для подготовки количественных данных для указанного акта и приложений к нему 14 июня 1944 года была создана специальная комиссия по определению ущерба, нанесенного пригородным дворцам-музеям и паркам (Пушкина, Петродворца, Павловска, Гатчины). Идея создания этой комиссии и включения в ее состав В. К. Макарова возникла еще 26 мая у академика Грабаря, который, по словам Макарова, «хочет привлечь меня к работе по загородам» [7, л. 158 об.]. С этой целью было решено создать научную часть или комиссию по ущербам, о чем уже спустя два дня, 28 мая, вновь писал Макаров: «Будет научная часть, в которую, вероятно, буду введен» [7, л. 160]. Ее состав носил узкий характер и включал лишь четырех человек: консультанта ГИОП профессора В. К. Макарова, главного хранителя Государственного Русского музея профессора М. В. Фармаковского, доцента Академии художеств кандидата искусствоведческих наук Г. М. Преснова, а также старшего научного сотрудника дворцов-музеев г. Петродворца М. А. Тихомирову [13, л. 6]. Причем М. А. Тихомирова входила в нее в качестве ответственного лица от дворцов-музеев и парков Петродворца и готовила все необходимые расчеты и справочные материалы. В ходе своей работы она постоянно консультировалась с экспертами, и чаще всего – с В. К. Макаровым.

Используя три важных источника: «Дневник восстановительных работ в дворцах-музеях и парках г. Петродворца с мая 1944 по 1949 г.», дневник М. А. Тихомировой и дневник В. К. Макарова за июнь-июль 1944 года, можно достаточно точно реконструировать деятельность комиссии по учету ущербов в июне – начале июля 1944 года, когда экспертами была завершена основная работа по выяснению потерь, понесенных дворцово-парковым ансамблем Петродворца, и были доложены руководству Управления по делам искусств Исполкома Ленгорсовета основные итоги.

3 июня М. А. Тихомирова к совещанию производила работу по учету ущербов, и в частности подсчет предметов дворцовых фондов и составление характеристики библиотеки. А 9 июня проводилось совещание рабочей комиссии по учету ущербов по ансамблям Петродворца и Гатчины с участием В. К. Макарова, М. В. Доброклонского, М. Ф. Броницкого. В ходе совещания М. А. Тихомирова озвучила свои подсчеты потерь по Петро-

дворцу: ориентировочная общая сумма ущерба достигала 4,5 млрд рублей, из которых утраченное комнатное имущество оценивалось ею в 1 млрд, ущерб архитектурным объектам – 2 млрд, ущерб фонтанам – 1 млрд и ущерб садам и паркам – около 1 млрд рублей [13, л. 4, 5; 14, л. 33–34; 15, л. 1]. 14 июня в Управлении по делам искусств Исполкома Ленгорсовета, с 16 до 19 часов, проводилось совещание Научного совета по восстановлению пригородных дворцов, на котором было решено выделить отдельную комиссию по ущербам по Петродворцу. В нее включались В. К. Макаров, М. В. Фармаковский, Г. М. Преснов и М. А. Тихомирова. Было решено 17 июня сдать в комиссию все сведения по нанесенному дворцам и паркам ущербу. 16 июня Тихомирова была у В. К. Макарова в Ленинграде на консультации по экспертным заключениям об учете ущербов. На следующий день, 17 июня, Тихомирова составляла экспертные заключения по ущербу, нанесенному объектам Петродворца, а 19-го числа она завершила составление заключений по утратам скульптуры. Наконец утром 20 июня состоялось утверждение составленных М. А. Тихомировой экспертных заключений по Петродворцу: по комнатному убранству – у В. К. Макарова, по скульптуре – у Г. М. Преснова [7, л. 170; 13, л. 4, 5; 14, л. 3–34; 15, л. 1]. Согласно дневнику С. Н. Балаевой, все экспертные заключения были переданы В. К. Макарову тогда для редактирования [16, с. 153]. В целом, как указывалось в отчете научного отдела дворцов-музеев г. Петродворца за июнь 1944 года, в течение этого месяца был «закончен подсчет ущербов по предметно-вещевому убранству дворцов-музеев и садовой скульптуре» [17, л. 39].

4 июля Тихомирова согласовывала заключения по ущербам с директором дворцов-музеев и парков Петродворца и Ораниенбаума В. А. Богдановичем, а на следующий день, 5 июля, на заседании бюро Комиссии по учету ущербов производилось утверждение расценок петергофской скульптуры. Согласно дневнику Тихомировой, было «утверждено вместо 2,5 млрд – 1,5 млрд, которые нужно дифференцировать» [13, л. 10 об.; 18, л. 3, 4]. Затем в июле-августе 1944 года шла работа по «перередактированию» составленных в музее экспертных заключений [16, с. 158]. Наконец, 26 августа состоялась окончательная сдача актов от музеев [16, с. 160].

Очень важным результатом работы комиссии по ущербу, нанесенному дворцам, фонтанам и паркам Петродворца, в которой активное участие принимал В. К. Макаров, стала «Сводная таблица учета стоимости ущербов по предметному убранству Петергофских дворцов-музеев» со списком утраченных музейных предметов на 43 листах, утвержденная директором дворцов-музеев и парков г. Петродворца Я. И. Шурыгиным в конце августа 1944 года [19, л. 2–45]. В этом списке перечислялись музейные предметы, оставленные на месте осенью 1941 года и утраченные в ходе оккупации.

Согласно «Сводной таблице», общая сумма ущерба, нанесенного интерьерам дворцов и павильонов, составила сумму в 980 млн 459 тыс. рублей. Наибольшие потери понес Большой петергофский дворец – 418 млн рублей (оставлены и утрачены в экспозиции 2441 предмет, а в музейных фондах – еще 2271 предмет), дворец Марли – 229,8 млн (234 предмета), дворец Коттедж – 223,5 млн рублей (3870 предметов), Екатерининский корпус – 51,5 млн (1091 предмет), дворец Монплеизр – 43,2 млн рублей (223 предметов) и другие объекты [19, л. 3, 24–25, 27–28, 30, 32, 36, 38–39, 43].

В уточненном виде подсчеты потерь комнатного убранства петергофских дворцов и павильонов были зафиксированы в приложении № 3 – «Экспертном заключении о стоимости утраченного предметного убранства дворцов-музеев в г. Петродворце» – к вышеуказанному акту от 15 сентября 1944 года, составленном группой экспертов с участием В. К. Макарова. Стоимость утраченного музейного имущества определялась специалистами по следующему принципу: из всего имущества дворцов выделялись историко-бытовые и историко-художественные неделимые комплексы вещей (например Дубовый кабинет Петра I, Китайские кабинеты и Ольгинская половина в Большом дворце, Японский кабинет в Монплеизре), стоимость которых определялась не по отдельным предметам, а по исторической и художественной значимости всего комплекса. Музейное имущество остальных дворцов оценивалось попредметно [12, л. 48–49].

В этом экспертном заключении подверглась корректировке в сторону увеличения сумма ущерба по Большому дворцу, куда вошли: потери анфилады парадных залов – 122 млн 517 тыс. рублей, Дубовый кабинет Петра I – 150 млн, Китайские кабинеты – 40 млн, одноколка Петра I на первом этаже дворца – 5 млн, Церковный корпус – 8 млн 750 тыс., Ольгинская половина – 56 млн 550 тыс., фонды – 39 млн 870 тыс., библиотека дворца – 1,5 млн рублей [12, л. 49–52]. Таким образом, окончательная сумма ущерба по Большому петергофскому дворцу составила 424 млн 187 тыс. рублей. Кроме того, в экспертном заключении появился такой музейный объект, не учтенный ранее в «Сводной таблице» дворцов-музеев г. Петродворца, как вагоны Николая II в парке Александрия стоимостью в 50 млн рублей [12, л. 55]. В итоге общая сумма ущерба предметного убранства петергофских дворцов и павильонов достигла суммы в 1 млрд 35 млн 809 тыс. рублей.

Отдельное экспертное заключение (приложение № 5 к акту от 15 сентября 1944 года) было посвящено ущербу, нанесенному петергофской водоподводящей системе, каскадам и фонтанам, а также фонтанной скульптуре ансамбля. В целом эксперты в лице В. К. Макарова и других

отмечали, что «многие гидротехнические сооружения, представляющие собою одновременно ценные памятники архитектуры, имеющие художественную отделку полированным черным гранитом, мрамором, бронзой, украшенные скульптурами и т. п., частично разрушены, а в ряде случаев полностью взорваны» [12, л. 70]. Используя разные коэффициенты, учитывавшие историческую значимость петергофского водовода и поправку в ценах, эксперты определили общую стоимость ущерба фонтанной системы в 290 млн 280 тыс. рублей [12, л. 74]. Затем В. К. Макаров с коллегами оценили материальный ущерб, нанесенный каскадам и фонтанам Петродворца, где больше всего пострадали следующие сооружения: Большой каскад – на 1 млн 796 тыс. рублей (также утрачены скульптура «Самсон» – на 500 тыс. рублей и скульптура, барельефы и маскароны Большого каскада – на 600 тыс. рублей), каскад «Золотая гора» – на 15 млн 50 тыс. рублей, каскад «Шахматная гора» – на 4 млн 437 тыс. рублей, Львиный каскад – на 19 млн 493 тыс. рублей (утрачена скульптура на 3 млн рублей) и прочие [12, л. 75–76, 78–79, 81].

Подводя итог описанию колоссальных разрушений музейного комплекса, эксперты пришли к общему выводу, что «последовательность и систематичность, с которой немцами производились разгром и разрушение Петродворца, с несомненностью свидетельствуют о преднамеренности их стремления уничтожить его как выдающийся исключительный памятник русской художественной культуры» [12, л. 10]. Однако констатация данного факта была всего лишь началом большого дела: все эксперты прекрасно понимали, какую огромную работу по восстановлению ансамблей пригородных дворцов еще предстоит выполнить. Именно об этом шла оживленная дискуссия в ходе заседания Сектора охраны памятников при Управлении по делам искусств Исполкома Ленгорсовета 18 февраля [20, л. 1–20; 21, с. 129–138] и на научно-технической конференции, посвященной вопросам реставрации пригородных дворцов (Петергоф, Пушкин, Павловск, Гатчина) 21–22 марта 1944 года [22, л. 1–37; 21, с. 149–165].

И в заключение хотелось бы привести фрагмент из воззвания к работникам искусств Ленинграда, написанного В. К. Макаровым по поручению начальника ГИОП Ленинграда Н. Н. Белехова во второй половине апреля 1944 года [23, с. 96]. Вероятно, данное воззвание готовилось им в связи с подготовкой известного решения Исполкома Ленгорсовета № 112-22 от 23 апреля 1944 года «О первоочередных мероприятиях по сохранению пригородных дворцов и парков-музеев» [24, л. 80–83, 87–89]. Говоря о тех колоссальных потерях, которые понесли дворцы-музеи Петергофа, Пушкина, Павловска и Гатчины за время немецкой оккупации, Макаров призывал взяться общими силами за восстановление разрушенных памятников архитектуры и вернуть их к жизни. По сути, он излагал

в своем воззвании общую программу будущего возрождения ансамблей, выражая твердую уверенность в ее осуществимости. Макаров писал следующее: «...И мы не можем, не должны лишиться этих блестящих картин нашей культуры, воспитывавших в нас гордость, уверенность в наших силах. Эту гордость и уверенность хотел отнять у нас враг. Наши пригороды не должны обеднеть. У нас есть люди, знания, таланты и средства, чтобы восстановить пригороды Ленинграда... Мы призываем к мобилизации все наши художественные силы. Мы ставим перед собой великую ясную задачу, перед которой должны смолкнуть все разногласия. Будущие поколения не простят нам, если мы, которые знали, видели, осязали все это находящееся сейчас в опасности рассеяния культурное наследие нашей Великой Родины, не сделаем всего, чтобы восстановить художественные памятники Петергофа, Пушкина, Павловска и Гатчины...

Товарищи! Когда перед хирургом на операционный стол кладут вынесенного из боя израненного бойца, он не приходит в отчаяние, не опускает рук, а быстро и умело приступает к благородной работе – возвращению жизни и смысла этому искалеченному, недавно такому красивому организму. Так должны поступить и мы» [25, л. 4–5].

В целом, оценивая деятельность Владимира Кузьмича Макарова в работе разных комиссий по ущербу, нанесенному музейным комплексам Петергофа и Ораниенбаума в период блокады Ленинграда в 1941–1944 годах, необходимо отметить его значительный вклад как специалиста-искусствоведа. К его консультационной помощи постоянно прибегали музейные учреждения и органы управления культуры Ленинграда. Именно такому человеку с большим довоенным опытом работы в ленинградских музеях и высокой квалификацией, как В. К. Макаров, было проще разобраться и оценить реальные масштабы культурных утрат, понесенных пригородными ансамблями в ходе немецкой оккупации.

Библиографический список

1. ЦГА СПб. Ф. Р-8557. Оп. 1. Д. 2.
2. Кормильцева, О. М., Леонтьев, А. Г., Петрова, М. А. «Успеть поработать для вечности...»: Н. Н. Белехов, А. Н. Петров, Е. Н. Петрова. Жизнь и творчество. – Санкт-Петербург : ПРОПИЛЕИ, 2009.
3. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 1.
4. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-276. Оп. 1. Д. 58.
5. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 118.
6. Тихомирова, М. А. Памятники, люди, события. Из записок музейного работника. – Ленинград : Художник РСФСР, 1970.

7. ОР РНБ. Ф. 1135. В. К. Макаров. Ед. хр. 54.
8. ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 2. Д. 463.
9. ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 30. Д. 1291.
10. ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 30. Д. 1729.
11. ЦГА СПб. Ф. Р-8557. Оп. 6. Д. 1112.
12. ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 30. Д. 1583.
13. Архив ГМЗ «Петергоф». Л. ф. 7. Д. 8 (ПДМП 6734/1-ар).
14. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-510. Оп. 1. Д. 38.
15. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-510. Оп. 1. Д. 41.
16. Балаева, С. Н. Записки хранителя Гатчинского дворца. 1924–1956. Дневники. Статьи. – Санкт-Петербург : ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России», 2005.
17. Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 2089-ар.
18. Архив ГМЗ «Петергоф». Л. ф. 7. Д. 31 (ПДМП 6734/24-ар).
19. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 111.
20. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 117.
21. Петергоф в Великой Отечественной войне: 1941–1945 / сост.: П. В. Петров, Т. Г. Яковлева. Том II. – Санкт-Петербург : ГМЗ «Петергоф», 2019.
22. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 118.
23. Третьяков, Н. С. «Мы... должны считать себя мобилизованными для борьбы и победы...»: Из дневников хранителей пригородных дворцов-музеев Ленинграда. 1941–1945 гг. // Отечественные архивы. 2007. № 1. С. 82–97.
24. ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 18. Д. 1534.
25. ОР РНБ. Ф. 1135. В. К. Макаров. Ед. хр. 24.

Практический опыт реставрации Павильона Орла и Горбатого моста, расположенных на Длинном острове в границах объекта культурного наследия федерального значения «Ансамбль Гатчинского дворца и парка», по данным работ за 2022–2023 годы

Иллюстрации на стр. 136–147



Роман Игоревич Хейнонин,
Научный руководитель проектов ООО «Возрождение Петербурга»,
член Санкт-Петербургского отделения ИКОМОС Россия,
член комитета по промышленной архитектуре и инженерному
искусству ИКОМОС Россия

Из истории создания дворцово-паркового ансамбля

В 1764–1765 годах Гатчинское имение было приобретено императрицей Екатериной II, расширено и подарено ею фавориту Григорию Григорьевичу Орлову. С этого момента начинается история возникновения дворцово-паркового ансамбля. Далее можно выделить два этапа развития парка: «орловский» (1770-е – начало 1780-х годов), и «павловский» (1790-е годы).

Для графа Г. Г. Орлова на месте небольшой мызы в 1766 году архитектор Антонио Ринальди начинает возводить дворец (закладка дворца состоялась в 1766 году) в новых классических формах (илл. 1). При этом выбор архитектора был произведен совместно Екатериной II и графом Орловым [9, с. 12]. Строительство дворца продолжалось пятнадцать лет, но одновременно шли работы по планировке прилегающей территории – вокруг дворца был разбит обширный парк в модном пейзажном (английском) стиле.

Дворцовый парк распланирован в системе двух рек и нескольких озер: обилие воды стало особенностью гатчинских садов. Основой всего Дворцового парка являются Английский сад с Белым и Серебряным озе-

рами, и часть прибрежных территорий. Гатчинские парки включают в себя три самостоятельные части: Дворцовый парк, где расположен дворец и основные парковые сооружения, Приоратский парк с Приоратским дворцом и двумя озерами (Глухим и Черным) и «Зверинец» – обширный лесопарк, располагающийся к северу от Дворцового парка. Дворцовый парк состоит из нескольких участков, различных по планировке и времени создания: Собственного садика, Голландских садов, Липового сада, Английского сада, Ботанического сада и Сильвии. Территориально самым большим в Дворцовом парке является Английский сад. Острова в пространствах озер разделяют его на левобережную и правобережную части. Для придания большей живописности береговая линия озер была дополнительно изрезана глубокими заливами, скругленными мысами, украшена многочисленными островами.

После смерти графа Орлова в 1783 году Екатерина II выкупила поместье у его родственников и подарила сыну Павлу Петровичу (6 [17] августа 1783 года). Из записей в камер-фурьерском журнале за 1783 год известно, что переезд Павла Петровича в Гатчину состоялся в конце сентября [10, с. 17]. Благоустройство Гатчинского парка продолжалось на протяжении всего «орловского» и «павловского» периодов, однако основные постройки и оформление парка при Павле I проведены в 1790-х годах. До этого будущий император Павел I был занят строительством своей резиденции в Павловске и ограничен финансированием. Восшествие Павла I на российский престол ознаменовалось началом масштабных строительных работ в Гатчине.

К 1790-м годам XVIII века относятся перестройка дворца и возведение сооружений парка, за исключением Чесменского обелиска и Колонны Орла, установленных при Г. Г. Орлове в 1770-х годах XVIII века [10, с. 157]. Работы в 1790-х годах проводились под руководством архитектора Винченцо Бренны и при деятельном участии самого Павла Петровича под впечатлением от его зарубежных поездок. В конце 1790-х годов к работам в Гатчине были привлечены и другие выдающиеся зодчие: А. Д. Захаров и Н. А. Львов. Архитектурные сооружения гатчинских парков являются составной частью его пейзажей.

После трагической гибели Павла I в 1801 году Гатчина перешла к его вдове Марии Федоровне и работы в парке приостановились. В основном работы в данный период были направлены на поддержание состояния парка и планировочной структуры, которую он обрел к началу XIX века. В 1828 году резиденция в Гатчине перешла от Марии Федоровны к Николаю I. В годы его правления дворец был перестроен, Николай I уделял большое внимание парку. В том числе государь следил, чтобы при проведении ремонтных работ парковые сооружения сохраняли свой первоначальный облик. В 1857 году, во время царствования императора Алек-

сандра II, в Гатчину была переведена Императорская охота – ведомство, занимавшееся организацией царских охот.

Особенно любил Гатчину император Александр III. В 1881 году состоялся его переезд в Гатчину. Дворцово-парковый ансамбль за тринадцать лет царствования Александра III был приведен в идеальное состояние. Многие парковые сооружения XVIII века в эти годы были капитально отремонтированы. После смерти Александра III серьезные работы в Дворцовом парке не производились.

В 1917 году Гатчинский парк был национализирован и открыт для посещения. С 1917 по 1941 год в парке не проводились какие-либо значительные изменения в планировке и благоустройстве, и даже работы по поддержанию его в качестве общественного парка проводились минимальные.

Дворцовый парк серьезно пострадал в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годы). Когда с 1941 по 1944 год Гатчина была оккупирована немецкими захватчиками, на территории парка вырубались деревья, взрывались мосты, пострадало большинство сооружений. Работы по восстановлению дворцово-паркового комплекса начались сразу после освобождения города: разбирали сооружения, не имеющие отношения к парку, убирали валежник и сухостойные растения, вели раскопки захороненной в 1941 году скульптуры. 17 июня 1945 года состоялось торжественное открытие парка. Однако целый ряд парковых сооружений не восстановлен до наших дней.

Дворцовый парк весь советский период был открытым городским парком «для отдыха трудящихся». Другая ситуация после Великой Отечественной войны оказалась с Гатчинским дворцом. В 1951 году он был передан Министерству обороны для размещения военного училища, затем в здании располагался научно-исследовательский институт. Только в 1985 году Гатчинский дворец открылся в качестве музея. Дворцовый парк и дворец снова стали единым культурным пространством.

Из истории создания сооружений Длинного острова

Архитектурные сооружения Гатчинского дворцово-паркового ансамбля создавались по проектам значимых архитекторов XVIII века: А. Ринальди, А. Д. Захарова, Н. А. Львова, В. Бренны. Центр паркового ансамбля – Белое озеро, вокруг которого располагается немало архитектурных сооружений, в их числе Горбатый мост, терраса-пристань, Павильон Орла, Павильон Венеры и другие (илл. 2–3).

Длинный остров Гатчинского парка представляет собой элемент ландшафтного деления всего парка, основными акцентными сооружениями

которого являются Павильон Орла, Горбатый мост и терраса-пристань на Белом озере – отдельные объекты культурного наследия федерального значения, из которых первые два стали предметом параллельных исследований, проводившихся в 2020–2021 годах (илл. 4).

Павильон Орла

Павильон Орла – декоративное парковое сооружение, построенное предположительно в 1796 году по проекту архитектора В. Бренны – он же осуществлял большую часть работ по перестройке дворца в конце XVIII века. Павильон Орла ориентирован своим главным фасадом в сторону южного простора Белого озера и является составным элементом в композиции ландшафтов для многих точек этой части парка. В 1846 году по желанию императора Николая I Павильон Орла (или, как его называли в первой половине XIX века, Темплъ, или Храм каменный) был переименован в Круглую беседку. На фотографии конца 1870-х – начала 1880-х годов видно, что вокруг Павильона Орла были высажены цветы, ампельные растения спускались с колоннады и в виде небольшой арки украшали скульптуру орла.

На фотографиях конца XIX – начала XX века видны различия в окраске Павильона Орла. На некоторых фотографиях внутренняя часть полукупола между лепниной вместе с лепной раковиной окрашена в светлый цвет, в то время как на других фотографиях – в темный. Встречаются и фотографии одного года с различным тоном внутренней части полукупола. В документе гатчинского архива говорится, что под руководством архитектора С. Шестакова в 1885 году был произведен первый обмер Павильона Орла и составлена смета на его ремонт, который был произведен в том же году. В процессе ремонта часть цоколя была заменена новым путиловским камнем на портландском цементе, из путиловского камня были сделаны новые ступени (илл. 5).

Горбатый мост

Горбатый мост расположен в центре Гатчинского пейзажного парка на Длинном острове. Длинный остров – название условное. Это цепь островов и полуостровов, соединенных между собой двумя мостами – Карпиным и Горбатым, последний виден со многих точек и наилучшим образом вписывается в композицию ландшафтов. Аллея от Горбатого моста плавно ведет по зеленому массиву Длинного острова. Кроме того, в конце XVIII века Горбатый мост называли «мостом между островами», так как он единственный в парке связывал острова между собой, другие

мосты в парке соединяли острова с материком. Привлекает и положение моста у самого широкого разлива Белого озера. Горбатый мост как бы фокусирует все значительные сооружения, расположенные по периметру озера, и одновременно создает архитектурный переход от павильона Орла к террасе-пристани. Такое расположение моста делает его идеальной обзорной площадкой.

В 1783 году штурман Крыласов был составил «Журнал береговой описи Гатчинских озер», где было сказано, что на месте нынешнего Горбатого моста между двух озер стоял «на козлах деревянный мосточек длиною 10 сажень». В исторической справке сказано, что это подтверждается картиной Меттенлейтера «Вид Гатчинского парка в сторону старой мызы», которая была написана в 90-е годы XVIII века. Там мост изображен в ином виде, с отличающейся архитектурой по сравнению с нынешним Горбатым мостом. Также в анализируемом тексте делается предположение о том, что архитектором сооружения может быть В. Бренна, однако множество более поздних источников и упомянутые в них подписанные документы говорят о том, что архитектором проекта является архитектор А. Д. Захаров.

В конце 1799 года В. Бренна был занят в строительстве Михайловского замка, и по повелению Павла I А. Д. Захаров становится архитектором города Гатчины, где находилась загородная резиденция императора. Фактически он становится придворным архитектором, принимая деятельное участие в завершении работ по перестройке Гатчинского дворца, в проектировании и строительстве многочисленных городских и дворцово-парковых сооружений. Захаров успел создать Горбатый мост (илл. 6), напоминающий венецианские мосты, Львиный мост через протоку, идущую от Карпина моста в Приоратский парк; павильоны «Ферма» и «Птичник».

Среди материалов Гатчинского дворцового архива сохранилась смета на постройку каменного моста в Дворцовом саду между островами, составленная А. Д. Захаровым, а также подписанные им кондиции на работы, датированные ноябрем 1800 года. В связи с этим мы можем говорить об этой дате как о начале постройки Горбатого моста. Окончением же его постройки считается 1801 год. 3 августа 1801 года Захаров подал рапорт, в котором отмечал «медленность работы на мосту, что между островами», и просил принять меры к их скорейшему окончанию. Мост задуман и решен со свойственной А. Д. Захарову величавой простотой и целостностью, которой подчинена каждая деталь. Все это отражено в конструкции и композиции моста.

Подъем на верх моста меняет точки обзора, оживляя впечатление. Таким образом, перед взором каждого, кто поднимается на мост, стоит на нем или спускается с него, чередуется ряд пейзажных картин. Вместе с тем мост предназначен для внимательного и длительного рассматривания открываю-

щихся панорам, для любования окружающей природой, что полностью отвечает духу романтических парков и их поэтическому осмыслению.

Павильон Орла – описание и выявленные факты при работах по реставрации

Павильон Орла расположен в западной части Длинного острова и представляет собой круглое в плане сооружение на поднятом цоколе из путиловского известняка, типа ротонды, открытой со стороны Белого озера: десять римско-дорических мраморных колонн, восемь из которых стоят попарно и поставлены по полукругу. Лестницы с трех сторон колоннады в три ступени сложены из Путиловского известняка.

Колонны выполнены из серого с белыми прожилками рускеальского мрамора на массивных пьедесталах из пудостского известняка (туфа). Колоннада главного фасада увенчана антаблементом из каменных блоков пудостского известняка (туфа). Отвечает лицевому фасаду полуциркульная глухая стена из пудостского известняка.

Полукупол над объемом образованного внутреннего пространства украшен кессонами в обрамлении гипсовых порезок с лепными розетками и рельефом нимфы по центральной оси. Полукупол образован деревянной несущей конструкцией из кружал со сплошной обрешеткой, покрыт кровлей из металла по типу «чешуя».

Внутри глухой стены прорезаны три ниши, которые подразумевались согласно разработанному проекту Павильона 1790-х годов и включали установку в них трех каменных скульптур, которые не были выполнены к моменту завершения работ и отсутствовали во все периоды бытования объекта. Внутреннюю поверхность стены над нишами украшает лепной фриз с растительным орнаментом невысокого рельефа из ветвей аканта и пальметок.

На момент описания, датирующегося 1949 годом, конструкции полукупола выполнены из дерева, хотя имеют выражение в каменных формах. Вся сферическая поверхность купола выполнена из кружал, установленных на ребро. Этим объясняется малая рельефность кессонов. Характер кровли полукупола – чешуйчатое ромбовидное покрытие из кровельного железа. Центральную часть полукупола украшает лепная раковина (рельеф нимфы с вуалью) из гипса, ранее выполненная из терракоты, вместе с другими лепными украшениями павильона выполненная известным и почитаемым мастером того времени Д. И. Квадри. Терракотовый рельеф снят с передан в музей при работах в 1970-х годах. Колоннада увенчивалась высеченным из камня одноглавым орлом (пудостский известняк) с гирляндой через правое крыло и короной на голлове, в лапах он держал щит с вензелем императора Павла I. Орел

был расположен над антаблементом в центре главного фасада и окрашен в белый цвет (илл. 7–8).

Имеющийся в Кушелевском альбоме чертеж Павильона Орла значительно отличается с натурой и обмерными чертежами, выполненными архитектором Красовским в 1938 году. Одно из самых ранних дошедших до нас изображений Павильона Орла — акварель Г. С. Сергеева 1798 года, сделанная вскоре после постройки Павильона. На изображении виден орел, окрашенный в светлые тона, с вензелем Павла I.

В 1938 году М. В. Красовским были сделаны обмеры Павильона Орла. На фотографии 1940 года можно увидеть, что перед нанесенным во время войны уроном павильон сохранял все свои основные элементы, хотя и нуждался в ремонте: орел был расколот на две части, а покраска требовала обновления. Во время Великой Отечественной войны Павильон Орла значительно пострадал в результате взрыва близ него фугасной бомбы: две колонны были сброшены в сторону озера, значительная часть купола и антаблемента обрушилась, стены были повреждены осколками снарядов, скульптура Орла разбита. В архивных фондах Гатчины найдено множество фотографий военного и послевоенного периода, что позволяет более точно оценить масштабы разрушений (илл. 9–10).

В 1962 году по заказу дирекции Гатчинского дворца-музея и парка СНРПМ Леноблисполкома была выполнена первоначальная стадия реставрационных работ. Эти данные были использованы при масштабной реставрации Павильона Орла в 1969–1970 годах, проект которой разработала архитектор А. Н. Наумова. Из имеющихся старых фрагментов с добавлением нового мрамора следовало воссоздать недостающие колонны, восстановить сводчатое перекрытие с лепным декором, а также реставрировать лепной фриз, по которому принято решение о его снятии и передаче в музей с воссозданием в гипсе. Пол Павильона необходимо было восстановить из лещадных плит. В 1971 году была произведена расчистка стен в местах, где хранились красочные слои. В 1969 году были выполнены рабочие чертежи к проекту 1962 года, произведены запланированные реставрационные работы, после которых Павильон Орла приобрел прежний вид, однако орел так и не был восстановлен (илл. 11–12).

В 2021 году по заказу ГМЗ «Гатчина» силами организации ООО «СПб-ПроектРеставрация» архитектором Е. Л. Богословской с участием инженера М. С. Носкова были проведены комплексные научные исследования паркового сооружения под научным руководством Р. И. Хейнонина. Проведенные научные исследования позволили зафиксировать пространственное положение объекта при помощи лазерного сканирования с подготовкой комплекта архитектурно-археологических обмеров, уточнить номенклатуру камня элементов объекта по результатам петрографического

анализа материала, зафиксировать материалы лепного декора, штукатурных и окрасочных покрытий с проведением стратиграфического анализа. Обследование показало удовлетворительную сохранность элементов, удалось выявить состояние фундамента, мраморных колонн, собранных при последней реставрации из исторических фрагментов мрамора, деревянных кружал полукупола и кровли. Проведенные комплексные научные исследования позволили составить технологические рекомендации по реставрации объекта, а также подробный перечень работ (илл. 13–14).

Работы по реставрации и ремонту объекта культурного наследия выполнены 2022–2023 годах в соответствии с согласованной научно-проектной документацией под надзором авторов проектной документации. Проведены следующие реставрационные работы по сохранению объекта культурного наследия:

1) для очистки каверн и поверхности туфа от черных и серых загрязнений, биологических образований, частичек растворов, шпаклевок и красок и т. п. использовался метод струйной вихревой абразивной очистки (СВАО). Размер наполнителя подбирался эмпирическим, пробным путем;

2) удаление загрязнений на поверхности мрамора выполнялось последовательно от наименее активных составов к более активным небольшими по площади участками. Время экспозиции составов на поверхности определялось эмпирическим путем пробных расчисток на неотчетственных местах. В процессе работ использован биоцидный препарат и нейтральное ПАВ средство.

Для доочистки в локальных местах был применен паровой метод, позволивший удалить глубокие биоповреждения в местах ранее происшедшего разрушения мрамора;

3) воссоздание утраченных, демонтированных деструктурированных до невозможности состояния фрагментов элементов и замена части поздних деструктурированных вставок из исторического материала – рускельского мрамора, путиловского известняка, а также пудостского известняка. Весь отобранный камень перед изготовлением вставок проходил полное обследование для диагностики возможных дефектов, оба вида обнаружены на хозяйственном дворе ГМЗ «Гатчина» без маркировки, предположительно камень перевозился со всех объектов ГМЗ после начала работ в период 1940–1950-х годов. Образцы камня утверждались после проведения петрографического анализа. По окончании работ выполнена консервация поверхности мрамора колонн воском.

Для защиты пудостского известняка (туфа) по завершении работ с ним выполнена известковая окраска материалом на основе гидравлической извести под тонкий слой для предотвращения дальнейшего развития дефектов и сохранения фактуры камня;

4) технология мастиковки (докомпановки) дефектов камня основана на полученных в результате научно-исследовательских работ данных о составе, особенностях строения, свойствах, состоянии и степени сохранности мрамора, известняка и туфа, видов деструкции камня, ранее выполненных лабораторных исследований по изучению различных домастиковочных материалов и опыта работ по домастиковкам утрат на памятниках декоративно-прикладного искусств, фасадных каменных материалах и декоре.

Работы по докомпановке дефектов проводились после полной комплексной расчистки поверхности камня и после восполнения утрат вставками. Обработка поверхности мастиковок выполнена под фактуру оригинала камня. По окончании работ выполнена консервация поверхности мрамора воском;

5) реставрация гипсового декора выполнена с сухой ручной расчисткой от всех видов легкоудаляемых поверхностных загрязнений, доочисткой вручную от красочных слоев, ручной расчисткой от деструктированного и сыпучего гипса, ремонтных вставок с последующим антисептированием поверхности. Далее происходило устранение дефектов поверхности гипсом – догипсовка мелких утрат гипсового декора, снятие форм с сохранившихся элементов, воссоздание декора методом отливки и их монтаж. По завершении работ с гипсом выполнены грунтование и финишная покраска гипсового декора (илл. 15);

6) копирование скульптуры «Орел» происходило ввиду серьезных разрушений оригинальной исторической скульптуры, хранящейся в ГМЗ «Гатчина». Скульпторами были начаты работы с подготовки модели на основе проектного предложения, а также существующего оригинала из камня, после проведенного архитектором сравнительного анализа. После завершения модели в мягком материале выполнено снятие формы и отливка промежуточной гипсовой модели с последующей доработкой. После утверждения гипсовой модели проведено снятие с нее формы последующей отливкой в материале фибробетон. Монтаж отливки происходил при помощи ручных талей, отливка выполнена непосредственно на объекте. При завершающей стадии выполнены грунтование и финишная покраска скульптуры, способствующая защите материала от биоповреждений, консервация скульптуры на зимний период не предусматривается ввиду сложности и необходимости такелажных работ, расположения объекта. Воссоздание скульптуры производилось с согласованием всех этапов изготовления изделия с авторским надзором до момента его монтажа (илл. 16).

В результате был проведен комплекс мероприятий, направленных на сохранение объекта культурного наследия, примененные методы ре-

ставрационных процессов не исказили его исторический облик. Были сохранены следы бытования объекта, позволяющие оценить степень его сохранности. Основным методическим направлением проектных, научно-исследовательских работ можно считать корректные решения по реставрации, ремонту объекта культурного наследия и сохранение облика без изменения исторических материалов.

Важно отметить необходимость соблюдения методических рекомендаций по эксплуатации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, осуществление контроля за состоянием объекта, который осуществляется путем проведения плановых и, при необходимости, внеочередных осмотров. При этом выявляются дефекты и причины их появления, составляются акты осмотра, позволяющие на стадии разработки проектной документации проводить аналитическую работу. Все собранные сведения должны отражать не только историю эксплуатации объекта, но и техническое его состояние на каждый данный период времени и могут использоваться при планировании дальнейших работ.

Горбатый мост – описание и выявленная проблематика

Горбатый мост расположен в центре Гатчинского пейзажного парка на Длинном острове. Аллея от Горбатого моста плавно ведет по зеленому массиву Длинного острова. Горбатый мост можно смело назвать одним из лучших «по конструктивным и художественным качествам парковых мостов стиля высокого классицизма». Привлекает и положение моста у самого широкого разлива Белого озера. Горбатый мост как бы фокусирует все значительные сооружения, расположенные по периметру озера, и одновременно создает архитектурный переход от Павильона Орла к террасе-пристани. Такое расположение моста делает его идеальной обзорной площадкой.

По боковым устоям моста устроены площадки, по сторонам этих площадок стояли каменные скамьи, которые на момент исследований были утрачены. Средняя часть моста, в пределах каменной арки, имеет меньшую ширину в сравнении с боковыми площадками. Над замковой частью арки устроена верхняя площадка со скамейками по обе стороны. Таким образом, Горбатый мост состоит из трех основных частей – двух мощных береговых устоев и арочного пролета. В среднюю часть каждого из береговых устоев вписана полусферическая ниша с профилированным архивольтом и замковым камнем, который акцентирован веерной фигурной выкладкой. Ниши подчеркивают монолитность устоев и вводят дополнительный динамический мотив в арочную опору. Трапециевидные устои с нишами

и арка пролета ограничиваются рельефным прямолинейным карнизом, выше которого шла утраченная балюстрада. Все это при смене освещения в разные времена года или суток создает постоянное движение светотени, которая как бы непрестанно «лепит» фактуру моста. Одна из удивительных творческих находок архитектора Захарова, запечатленная в облике моста, состоит в особой динамической ритмике, которая достигнута сочетанием и противопоставлением «пружинящих» дуг ниш и пролета арки со строго линейным очертанием и размеренным «шагом» балюстрады.

Мост полностью сложен из каменной кладки, доломитизированного известняка и каменной забутовки толщи береговых устоев, сложенных из доломита и известняка. Облицовка моста геометрического рисунка с рустом и фасками устроена из доломитизированного известняка, исследования показали принадлежность камня к гатчинским месторождениям, как основной материал использовался камень Борницкого месторождения, а также камень из Черницкой и Парицкой разработок, что говорит о смешанном применении камня.

В архитектуре Горбатого моста есть еще одна немаловажная особенность. Выполняя функцию перехода между островами, он одновременно является своего рода открытым павильоном-бельведером. В полном смысле французского выражения (*belle vue* – прекрасный вид) он не только расположен в идеальной точке обзора, но и построен так, чтобы служить удобным местом для этой цели. Каждая из трех частей моста решена как видовая терраса. С двух нижних площадок начинаются круто идущие вверх десятиступенчатые лестницы, которые, как и весь мост, выстроены из черницкой плиты. Они сходятся на верхней террасе, где установлены скамьи. Основания опор (устоев) устроены на сваях с деревянным ростверком (илл. 17–18).

За время своего существования Горбатый мост неоднократно ремонтировался. В 1841 году ремонтировался свод моста. В период с 1881 по 1885 год работы повторились, при этом были заменены замковые камни. Разборка замка из семи камней велась постепенно по всей ширине моста. Вынутые камни сразу же заменялись новыми. Во время капитального ремонта с 1881 года была выполнена полная смена облицовки и отремонтирована балюстрада (илл. 19). В 1939 году М. В. Красовским были сделаны фиксационные обмеры Горбатого моста.

До Великой Отечественной войны мост находился в исправном состоянии. В период оккупации Гатчины немецкими войсками он был значительно поврежден: разрушены часть балюстрады (большинство балясин-разбито, устои перил сброшены в воду) и каменные скамьи на южной стороне. Мост был подготовлен для взрыва, как и все другие каменные мосты Гатчинского парка. На широких площадках моста были вырыты глубокие

колотцы для закладки зарядов, примерно по центральной оси каменного свода пробито отверстие для закладки заряда, и только благодаря непригодности моста для прохода военной техники подрыва удалось избежать. По сути, это единственный каменный мост Дворцового парка, который чудом уцелел во время войны.

По некоторым фотографиям послевоенных лет видно, что балюстрада моста была разрушена не полностью: со стороны северного фасада осталась сохраненной ее половина. Детальный обмер моста был произведен в 1948 году научно-исследовательским сектором Ленинградского инженерно-строительного института под руководством старшего научного сотрудника архитектора Абрамова (илл. 20–21).

В соответствии с сохранившимися материалами по восстановлению Горбатого моста в 1962 году, его общее состояние на тот момент характеризовалось как сильно поврежденное. В заключении к техническому состоянию было решено выполнить ряд работ, включая реставрацию боковых поверхностей устоев, очистить кладку, забетонировать очищенные ниши в устоях, реставрировать облицовочные камни, тротуарные плиты наверху устоев и ступени по своду разобрать, выровнять поверхность кладки и др. Также в делах архива Гатчины хранятся светокопии с чертежей Горбатого моста А. А. Кедринского за 1955 год и фотофиксация к проекту реставрации Горбатого моста за 1962 год (илл. 22).

После завершения реставрационных работ в 1960-х годах мост приобрел первоначальный вид (илл. 23). Однако по имеющимся фотографиям и материалам (из архива ГГИОП), начиная с конца 1970-х годов состояние объекта начинает ухудшаться. По фотографиям 1980-х годов часть балясин и поручней ограждения вновь утрачена или отсутствует, имеются множественные повреждения каменной облицовки.

По данным архива ГМЗ «Гатчина», состояние моста на 2001 год было неутешительно: «кладка устоев и арки из известняковых камней расстроена. Балюстрада и каменные скамьи на нижних площадках утрачены. Ступени с многочисленными дефектами местами отсутствуют. Раствор между элементами вымыт, швы заросли травой. Кладка арочного свода имеет многочисленные повреждения. <...> Наблюдаются серьезные трещины по основному объему. Из-за нарушения гидроизоляции поверхность свода покрыта следами протечек. Швы размыты водой и разрушены. Каменная кладка в месте опирания арки в уровне горизонта воды разрушена. Разрушение и смещение известняковой кладки массивных устоев». Таким образом, можно сделать вывод, что Горбатый мост, построенный в 1800–1801 годах, за время своего существования не раз восстанавливался из-за систематических повреждений каменной облицовки и ограждения, а также покрытия площадок (илл. 24).

Согласно проведенным научным исследованиям 2020–2021 годов силами специалистов Е. Л. Богословской, М. С. Носкова и Р. И. Хейнонина, можно выделить основную проблематику по облицовке моста, выполненной из каменной кладки, сложенной из доломитизированного известняка из гатчинских месторождений. Аналитика имеющихся архивных данных позволила сравнить основную периодику работ, проведенных по объекту, с 1960-х годов. Уже к 1990-м годам, менее чем за 30 лет эксплуатации, мост вновь приобрел руинированное состояние. В дореволюционный период, на основании анализа, работы по поддержанию состояния проводились не чаще одного раза в 50 лет. В 2022–2023 годах начавшиеся работы по реставрации и ремонту объекта культурного наследия выполнялись в соответствии с согласованной научно-проектной документацией при ведении надзора авторами проектной документации. При работах проведены следующие научные исследования и реставрационные мероприятия по сохранению объекта культурного наследия:

1) установлены неинвентарные строительные леса с кровлей для временного укрытия объекта культурного наследия на этап проведения реставрации объекта и обеспечения возможности его просушки в процессе и выполнения реставрационных работ на объекте во время осадков;

2) выполнена расчистка конструкций, береговой зоны от крупного мусора. Выполнен подъем обломков камня, находящихся в воде по периметру объекта (илл. 25–26).;

3) произведены работы по маркировке и демонтажу ступеней маршей лестницы, ведущих к верхней площадке из известняка, с сохранением не разрушенных ступеней;

4) выполнена разборка наружной каменной облицовки моста с созданием маркировочной схемы и заменой разрушенных разрушенных блоков из аналогичного материала и габаритов блоков;

5) выполнена расчистка поверхности каменных блоков моста с удалением разрушенного камня;

6) в уровне обреза воды произведена установка изготовленных гранитных блоков для предотвращения дальнейшего разрушения существующей облицовки;

7) выполнена реставрация бутовой кладки каменных устоев (фундамента) объекта с вычинкой поврежденных камней кладки из известняка и последующим инъектированием пустот каменной кладки устоев;

8) произведено инъектирование трещин в каменной кладке свода главного пролета моста с верхней грани свода после разборки сохранившихся ступеней и предварительной очистки поверхности свода;

9) воссоздана облицовка каменных блоков моста с удалением бетон-

ной забутовки для предотвращения разрушения каменных блоков, крепление блоков выполнялось по исторического образцу по выявленным аналогам крепежных элементов;

10) произведены работы по восстановлению балясин в материале доломитизированный известняк.

Проведенные работы представляют собой часть программы реставрации Горбатого моста, дальнейшие циклы работ запланированы на 2024–2025 годы.

Библиографический список

1. Макаров, В. К. Гатчинский парк. – Петроград : Гос. изд., 1921.
2. Гатчина: Альбом / Вступительная статья и сопроводительный текст С. Н. Балаевой и А. В. Помарнацкого. – Москва : Искусство, 1952.
3. Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. XVIII век. Санкт-Петербург, 2006.
4. Историческая панорама Санкт-Петербурга и его окрестностей. Вып. 8: Петергоф, Ораниенбаум и Гатчина / А. И. Успенский. – [Москва] : Т-во «Образование», [1912].
5. Красовский, Ю. М. Воспоминания об отце / вступительная статья Ю. Р. Савельева // История Петербурга. 2004, № 5 (21).
6. Кючарианц, Д. А., Раскин, А. Г. Гатчина: Художественные памятники. – Санкт-Петербург : Лениздат, 2001.
7. Алешина, Л. С. Памятники искусства Советского Союза. Ленинград и окрестности. – Москва : Искусство, 1980.
8. Лансере, Н. Е. Гатчина при Павле Петровиче, цесаревиче и императоре: Санкт-Петербург : Лига, 1995.
9. Макаров В. К., Петров А. Н. Гатчина. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Изд-во Сергея Ходова, 2005.
10. Макаров, В. К., Петров, А. Н. Гатчина. – Санкт-Петербург, 2007.
11. Пирютко, Ю. М. Гатчина: Художественные памятники города и окрестностей: Путеводитель. – Ленинград : Лениздат, 1975.
12. Столетие города Гатчины, 1796 11/XI 1896 г / Сост. под ред. С. Рождественского. Т. 1. – Гатчина : Гатчин. дворцовое упр., 1896.

Программа «Гатчинская стипендия» 2023/2024

Воспитание новых кадров — один из самых насущных вопросов современных музеев. Именно воспитание, потому что опыт показывает, что образования, набора неких теоретических знаний, пусть и преподанных очень хорошо, недостаточно. Зачастую студенты, даже прошедшие во время обучения музейную практику, до конца не представляют, с чем им придется столкнуться, и не сориентированы в профессии, они с трудом понимают, чем хотят заниматься — выставками, хранением, исследовательской работой... Еще хуже обстоит ситуация с кадрами в «зеленом хозяйстве». В вузах не готовят специалистов, которые не только могут заниматься благоустройством территории, но и анализировать историческую ситуацию, знать историю садово-паркового дела и уметь применять эти знания на практике.

К тому же нам кажется, что именно в музее важно наставничество. Музейная сфера — одна из тех, где для погружения в профессию необходимо встретить Учителя, причем учителя-практика, хорошо знающего ту или иную область музейной деятельности.

Инициатором и идейным вдохновителем программы «Гатчинская стипендия» был директор ГМЗ «Гатчина» Василий Юрьевич Панкратов. При его участии для программы отобрали несколько тем, связанных с исследованиями и перспективными направлениями развития музея, и их список разослали в десять высших учебных заведений, где были интересные ГМЗ «Гатчина» направления.

Специалистами музея было предложено девять тем. Причем выбраны только актуальные и мало разработанные. Мы понимали риски и осознавали, что окончательные работы могут оказаться не идеальными. Однако приоритетным в данном случае была не столько практическая польза для музея, сколько осознание самими студентами важности и нужности той работы, которой они занимаются.

При отборе комиссия, созданная из сотрудников музея, старалась отдавать предпочтение студентам старших курсов, так как они более осознанно подходили к работе над предложенными темами. Однако решающим все равно было обоснование мотивации, а потому среди участников оказалась даже студентка второго курса. Часть заявок была отсеяна еще на первом этапе, однако для того, чтобы сделать выбор по некоторым темам, соискателей пригласили в музей для отдельного разговора.

По итогам собеседования было отобрано десять студентов и к каждому прикреплены кураторы от музея – опытные сотрудники, хорошо себя зарекомендовавшие при создании разного рода проектов. С октября 2023 года по июнь 2024 года студенты работали по утвержденному плану, каждый месяц сдавали отчеты и раз в месяц мы старались собирать их в музее, чтобы обсудить работу, узнать о сложностях и предложить познавательную программу: участие в музейном мероприятии, посещение выставки, знакомство с работой одного из отделов.

В феврале 2024 года студенты приняли участие в Макаровских чтениях. Один день был полностью отдан участникам программы, и они в своих выступлениях перед сотрудниками музея и приглашенными гостями должны были рассказать о работе, подвести итог уже сделанному и наметить перспективы.

Несмотря на то, что читателям сборника представлен результат еще не завершенных исследований, мы уже считаем проект успешным. Большинство студентов продемонстрировали готовность учиться, заинтересованность в результатах работы и в своем музейной будущем, что для нас является главной целью. Если после «Гатчинской стипендии» студенты выберут работу в музее – пусть даже не в Гатчинском дворце – для нас это будет успехом.

Александра Николаевна Фарафонова,
научный руководитель, заведующий научно-фондовым отделом ГМЗ «Гатчина»

Влияние почвенно-гидрологических условий на состояние древесных насаждений Дворцового парка

Иллюстрации на стр. 117



Анастасия Вячеславовна Гришина,
магистрантка, студентка Санкт-Петербургского
государственного лесотехнического университета им. С. М. Кирова
(СПбГЛТУ)

Парковые территории невозможно представить без древесно-кустарниковой растительности, основного компонента планировки и ландшафтных композиций. Пейзажная и регулярная части Дворцового парка создавались при помощи различных способов садово-паркового искусства. Сохранение старовозрастных насаждений и уход за ними необходимы в целях поддержания исторического облика парковой территории. Такие деревья в большей степени подвержены влиянию внешних факторов, среди которых и погодные условия (солнечная радиация, водный и почвенный режим, повышение температуры), и антропогенное влияние (рекреационная дигрессия, вандализм и др.).

Дворцовый парк планировался вокруг Серебряного и Белого озер, повлиявших на композиционную составляющую прилегающих территорий и их почвенно-гидрологический режим. Вода, являясь наравне с дворцом основной особенностью и главным привлекающим элементом Дворцового парка, также в своем избытке может причинять вред произрастающим на парковой территории насаждениям.

Из-за природных процессов, таких как выпадение дождя и снега, объем которых превышает норму испарения, происходит задержка воды на поверхности почвы. В результате длительного влияния эти процессы могут привести к избыточной влажности в верхних слоях почвы, что может затруднять нормальный рост и развитие растений, а также вызывать подъем уровня грунтовых вод. Повышенный уровень воды в верховодке, в верхнем временном слое почвы, может привести к застою в корневой системе растений, ограничивая их аэрационный режим. Корневые системы

определяют рост всего дерева в целом, в то время как на развитие самих корней оказывают сильное влияние почвенно-гидрологические условия. При любом типе почв граница зоны избыточной влажности является также границей распространения корней растений.

Для Дворцового парка среди индикаторов переувлажнения почвы и ухудшения состояния насаждений характерна близость уровня грунтовых вод к поверхности. При оценке положения грунтовых вод учитываются сезонные изменения и величина выпадения осадков. Уровень грунтовых вод подвержен четкой сезонной динамике: повышение происходит в весенний и осенний период, в то время как понижение – в летний и зимний. О степени переувлажнения нельзя судить только по глубине залегания грунтовых вод. Уровень воды на определенной территории необходимо сопоставлять с уровнем воды на территории с благополучным гидрорежимом [1, с. 56].

При проведении геоботанического исследования на территории Дворцового парка в 2018 году [2] вместе с изучением древесных насаждений закладывались пробные площади с определением почвенного состава и уровня грунтовых вод. Работа позволила выявить в нескольких кварталах неблагоприятные изменения экологических факторов, оказывающих влияние на растительность. Эти факторы в первую очередь связаны с высоким стоянием грунтовой воды, которое было выявлено в кварталах № 2 и № 3. Из-за отсутствия пробных площадей на каждом квартале вероятно повышение уровня грунтовых вод и на необследованных участках. В весенний и осенний сезон подтопление, то есть образование долго не уходящей воды с поверхности газона, связано с активным таянием снега и обильными осадками, которые влияют также на поднятие уровня воды в озерах.

Одним из признаков длительного застоя грунтовых вод является оглеение почв, что характерно для глинистых и суглинистых почв. Под оглеением в данном случае понимается почвообразовательный процесс, протекающий в анаэробных восстановительных условиях при участии постоянного или продолжительного обводнения отдельных горизонтов почвы. Для песчаных и супесчаных почв этот процесс связан с образованием ортзандов и слоя ортштейна. Большое значение для парковой территории имеет положение таких горизонтов относительно поверхности: чем они ближе, тем сильнее переувлажнение оглеенных почв. При образовании плохо проницаемого слоя происходит застой воды в верхних слоях с последующим их переувлажнением без возможности пропуска воды в нижерасположенные горизонты [1, с. 56]. Образование подобных горизонтов, как показывает геоботаническое исследование, характерно и для Дворцового парка.

Под влиянием почвенно-гидрологических условий глубина проникновения корней древесных растений может изменяться. При высоком залегании грунтовых вод глубина проникновения корней ограничивается самим уровнем. В таком случае возможно несколько вариантов влияния воды на развитие корневой системы и дерева в целом. Если уровень грунтовых вод повысился уже при сформировавшейся корневой системе, то происходит отмирание подтопленной части корней, что отрицательно отражается на состоянии отдельных деревьев и на парковом древостое в целом (илл. 1). Степень ухудшения состояния повышается совместно с поднятием уровня грунтовых вод и возрастом насаждений, доводя ситуацию до критической. В том случае, когда уровень грунтовых вод остается стабильным с начала формирования насаждений, корневая система достигает доступной глубины и может изменить вертикальное направление роста на горизонтальное, образуя в слое почвы над расположением грунтовых вод интенсивно развивающийся второй ярус корней. Возможен и третий случай, когда при достаточно продолжительной амплитуде поднятия и опускания грунтовых вод корни деревьев и кустарников осваивают более глубокие горизонты почвы с понижением, а в период поднятия эта часть корней отмирает [3, с. 63–65]. При резком осушении затопляемых территорий необходимо учитывать существующую корневую систему, так как с уходом доступной влаги корни, расположенные в верхних слоях почвы и грунта, теряют свою способность к удержанию в земле и отмирают, приводя дерево к аварийному состоянию.

Глубина проникновения корней в почву, помимо активного влияния почвенно-гидрологических условий, главным образом зависит от генетически обусловленных особенностей древесных пород. Так, к деревьям с глубокой (от 400 см) корневой системой и произрастающим на территории Дворцового парка можно отнести дуб черешчатый (*Quercus robur*), сосну обыкновенную (*Pinus sylvestris*) и ель сибирскую (*Picea obovata*), с неглубокой (60–130 см) корневой системой – липу мелколистную (*Tilia cordata*), березу повислую (*Betula pendula*), ель обыкновенную (*Picea abies*) [3, с. 38].

Развитие корневой системы различных пород древесных насаждений изменяется в соответствии с повышением возраста (илл. 2). По этой характеристике этапы формирования корневой системы делят на пять периодов развития дерева [3, с. 61–62].

1. В возрасте 1–10 лет наблюдается интенсивный рост в длину горизонтальных корней первого порядка.

2. В возрасте 11–25 лет проявляется значительный рост горизонтальных и стержневых корней. В начале периода отмечается активное ветвление горизонтальных корней первого порядка, формируются вертикальные ответвления от горизонтальных корней.

3. В возрасте 26–40 лет прирост стержневого корня в глубину прекращается. Снижается до минимума прирост горизонтальных корней первого порядка, взаимно увеличивается рост в глубину вертикальных ответвлений.

4. В возрасте 41–60 лет прирост в глубину вертикальных ответвлений прекращается. Наблюдаются ветвление стержневого корня по всей его протяженности, рост корней третьего и других порядков горизонтальной ориентации. Увеличивается количество корней второго и третьего порядков и интенсивно растут вновь образованные ответвления. Происходит насыщение новыми корнями корнеобитаемого слоя.

5. В возрасте 60 лет и старше при активном ветвлении старых корней образуются и растут новые корни второго, третьего и более высоких порядков. Продолжается процесс насыщения корнями почвенного пространства

Учет анатомического и физиологического строения древесных насаждений позволяет при посадке и организации мелиоративных мероприятий учитывать возможность затопления корневых систем.

Корневые системы различных пород проходят онтогенетический путь развития, заполняя различные слои почвы и грунта, таким образом формируя корнеобитаемый слой. В зависимости от водного режима этот слой может быть ограничен поднятым уровнем грунтовых вод и формироваться над зеркалом воды. То же самое характерно при наличии горизонта оглеения. Подтопление корневых систем сильно влияет на состояние всех насаждений, и в частности на старовозрастные деревья и новые посадки, для которых резкое изменение водного режима или высокий уровень стояния грунтовых вод формирует неустойчивую поверхностную корневую систему. Это может привести к быстрой аварийности дерева или усыханию молодых посадок. В переувлажненных почвах появляется недостаток кислорода, что приводит к анаэробному замедленному разложению органических остатков и накоплению в толще земли грубого гумуса и торфа. Эти процессы вызывают также появление токсичных веществ (закиси железа, сероводорода), оказывающих губительное действие на корневую систему деревьев. Для исправления ситуации в лесном и сельском хозяйстве используют различные нормы осушения. Для парковых территорий это понятие используется в ином значении – это наименьшее понижение уровня грунтовых вод в наименее осушенной зоне, при котором достигаются оптимальные показатели почвенного плодородия и развития растений, используемых при создании ландшафтных композиций [1, с. 78].

Жизнедеятельность насаждений Дворцового парка целиком связана с гидрологическим режимом. При повышении потребности насаждений в воде, связанной с транспирацией, появляется избыток влаги, который

приводит к повышению уровня воды и постепенному заболачиванию. Корневая система непосредственно связывает дерево и почвенную влагу, определяя состояние и возможные причины его ухудшения, среди которых возможно образование корневых гнилей и инфекций. Старовозрастные насаждения, привыкшие к определенному почвенно-гидрологическому режиму, сильно страдают от постоянного повышения уровня воды и периодического заболачивания. Для их сохранения в первую очередь необходимо проводить мероприятия, которые позволят хорошо развитой, но угнетенной водой корневой системе получать воду в достатке, избыток уводя методами гидромелиорации.

Библиографический список

1. Сабо, Е. Д. Гидротехнические мелиорации объектов ландшафтного строительства : учебник для студ. высш. учеб. заведений / Е. Д. Сабо, В. С. Теодоронский, А. А. Золотаревский; под ред. Е. Д. Сабо. – Москва : Издательский центр «Академия», 2008. – 336 с.
2. Выполнение работ по геоботаническому обследованию территории Дворцового парка музея-заповедника «Гатчина». Пояснительная записка / ООО «Гелиантус». – Санкт-Петербург, 2018. – 226 с.
3. Калинин, М. И. Корневедение : Учебники и учебные пособия для студентов высших учебных заведений / М. И. Калинин. – Москва : Экология, 1991. – 173 с.

Исторический растительный ассортимент, используемый для оформления Гатчинского дворцово-паркового ансамбля в конце XVIII–XIX веке (на основе документов Российского государственного исторического архива)



Дарья Михайловна Дорофеева,
студентка 4 курса бакалавриата Санкт-Петербургского
государственного лесотехнического университета имени С. М. Кирова

Конец XVIII–XIX век – новая эпоха для садовой культуры России, «началось массовое, невиданное никогда прежде, увлечение новыми сортами и видами цветов» [16].

Они стали предметом особого интереса садоводов, их начали активно использовать в цветочном оформлении садов и парков. Акценты на территории усадьбы создавали посадки цветочных многолетников, цветущих с весны до осени. К многолетникам добавляли и однолетние цветочные культуры.

Изучение исторического ассортимента цветочного оформления невозможно без обращения к архивным документам. В процессе моего исследования были изучены документы Российского государственного исторического архива и Гатчинского научного архива. Во время работы особое внимание уделялось хозяйственным документам садовых мастеров, счетам на покупку семян и растений, реестрам цветочных растений и описи оранжерей.

Названия растений в архивных материалах в основном написаны рукописным шрифтом на русском и латинском языках, иногда русскими буквами написаны латинские названия, из-за чего достаточно трудно идентифицировать растения, но большую часть удалось расшифровать.

В результате исследования были выявлены растения, которые заказывались разными ведомствами для нужд дворцово-паркового ансамбля «Гатчина».

На период XVIII века сохранилось мало документов, передающих информацию о закупках растений и семян. В основном это письма с обращением к Григорию Ивановичу Вилламову. Он был взят на службу в 1801 году, после смерти Павла I, для «исправления дел» при государыне Марии Федоровне [17]. Именно к нему обращались при необходимости заказать те или иные растения.

Также сохранились записи за 1798 год, когда мастер Гаштам заказывал «для здешнего сада разных семян на 52 р.» [11] и садовый мастер Геккет выписал на 40 рублей «огородных семян и цветочных: гвоздики, астр, мальвы, мальвы зимней, левкоя летнего, левкоя зимнего, лаватер ... базилику голубого, подсолнечников...» [11].

На первую половину XIX века были обнаружены описи оранжерей и рапорты о получении растений и семян садовым мастером Марселлем [8].

Начиная со второй половины XIX – начала XX века больше всего заказов поступало от Регеля и Кессельринга, из садовых заведений А. Ушакова и К. И. Вагнера в Риге, семенного магазина «Северный букет» Ивана Сима. В основном заказы поступали от Управления императорской охоты, Дворцового управления либо от садовых мастеров.

В описях не указывается конкретное место, где были использованы данные растения, но благодаря выявленным документам теперь известна палитра исторического ассортимента цветочных культур, используемых для нужд садов Гатчинского дворцово-паркового ансамбля. Для уточнения исторического месторасположения цветников необходимо обратиться к планам парка XVIII века, которые хранятся в фондах графики в ГМЗ «Гатчина» [1–6]. В процессе изучения планов мною были выявлены цветники, которые присутствовали на планах, относящихся к 1790–1820 годам. Можно сделать вывод, что некоторые цветники сохраняют во времени свое расположение на большинстве планов, являясь неотъемлемой частью основной объемно-пространственной композиции и планировочной структуры Дворцового парка. В то же время на планах встречаются цветники, которые не повторялись на изученных исторических планах, а появлялись в разных местах, меняя расположение и конфигурацию. Это позволяет предположить, что цветочное оформление в Дворцовом парке осуществлялось в зависимости от модных тенденций и менялось в соответствии с функциональным использованием территории парка в разные периоды его существования.

В процессе работы изученные документы были условно разделены на четыре периода.

Первый период, на который выявлены списки цветочных растений для открытого грунта, относится к тому времени, когда хозяйкой Гатчины была вдовствующая императрица Мария Федоровна. Самые ранние обнаруженные списки относятся к концу XVIII века. Они принадлежат Оранжерейному хозяйству, то есть заказывались семена огородных культур и вместе с ними декоративные растения. Первые выписки выявлены за 1798 год.

Они были выполнены сотрудниками Гатчинского дворца. Более поздние хозяйственные документы относятся к началу XIX века, с 1812 по 1818 год [10]. В списках за этот период преобладают многолетние растения, но упоминается небольшое количество однолетних и двулетних цветочных культур. Например, упоминаются Пион белоцветковый розовый (*Paeonia albiflora* var. *Rosea*), Котовник крупноцветковый (*Nepeta grandiflora* M. Bieb.), Валериана головчатая (*Valeriana capitata* Pall. ex-Link), Тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium* L.), Коровяк гибридный (*Verbascum* x *hybridum* hort). Из двулетних растений встречаются Наперстянка ржавая (*Digitalis ferruginea* L.), Маргаритка многолетняя (*Bellis perennis* L.), Колокольчик средний (*Campanula medium* L.).

Также упоминаются и типичные однолетние культуры: Очный цвет женский (*Anagallis foemina* Mill.), Каллистефус китайский (*Callistephus chinensis* [L.] Nees), Базилик душистый (*Ocimum basilicum* L.), Барвинок травянистый (*Vinca herbacea* Waldst. & Kit.), биологические многолетники, выращиваемые в культуре как однолетники. Например, Пеларгония крупноцветковая (*Pelargonium grandiflorum* Willd.), Цикламен краснеющий (*Cyclamen purpurascens* Mill.), Подсолнечник яркоцветковый (*Helianthus laetiflorus* Pers.), Цикламен выемчатый (*Cyclamen repandum* Sibth. & Sm.), Лобелия ежевидная (*Lobelia erinus* L.), Свинчатка ушковидная (*Plumbago auriculata* Lam.).

В документе упоминаются некоторые душистые травы – Мята тонкая (*Mentha* x *gracilis* Sole) и Тимьян обыкновенный (*Thymus vulgaris* L.).

В том числе в списке есть растения, используемые для вертикального озеленения: Вигна Каракалла (*Vigna Caracalla*) и ломонос фиолетовый (*Clematis viticella* L.) – и растения, используемые в качестве кадочных и горшечных для расстановки в интерьерах дворца и летнего оформления террас: Камелия японская (*Camellia japonica* L.), Лептоспермум метловидный (*Leptospermum scorarium* J.R. Forst. & G. Forst.), Мимоза стыдливая (*Mimosa pudica* L.)

Второй период, на который были выявлены исторические списки растений, относится к правлению Николая I. В Гатчинском научном архиве хранятся списки растений за 1854 год [8], выполненные сотрудником Гатчинского дворца. Они представляют собой описи оранжерей, находящиеся-

ся в Гатчинском ведомстве. В них упоминаются как травянистые растения, так и кустарники. В списках преобладают многолетние и однолетние цветочные культуры. Представленные многолетники: Эхинацея пурпурная (*Echinacea purpurea* [L.] Moench), Шалфей кустарниковый (*Salvia fruticosa* Mill.), Флокс шиловидный (*Phlox subulata* L.), Георгина культурная (*Dahlia × cultorum* Thorsrud & Reisaeter), Лилия белоснежная (*Lilium candidum* L.).

Также в списках есть и двулетники: Наперстянка пурпуровая (*Digitalis purpurea* L.) и Колокольчик средний (*Campanula medium* L.)

В документах присутствуют такие типичные однолетники, как Очный цвет (*Anagallis foemina* Mill.), Розмарин лекарственный (*Rosmarinus officinalis* L.), Сенна туполистная (*Cassia candanensis* Dennst.).

Биологические многолетние культуры, выращиваемые как однолетние: Вербена гибридная (*Glandularia × hybrida* [Groenl. & Rümpler] G.L. Nesom & Pruski), Пеларгония крупноцветковая (*Pelargonium grandiflorum* Willd.), Лобелия ежевидная (*Lobelia erinus* L.), Бегония садовая (*Begonia × hortensis* Grafl et Zwicky), Левкой сизый (*Matthiola incana* [L.] W.T. Aiton), Лакфиоль Чери (*Erysimum cheiri* [L.] Crantz).

В документах есть сведения о необходимости дополнительной закупки душистых и съедобных трав. В этот период стали выращивать Стевию Ребо (*Stevia rebaudiana* [Bertoni] Bertoni) и Землянику лесную (*Fragaria vesca* L.).

Также в этих списках встречаются растения, используемые для вертикального озеленения: Вьюнок трехцветный (*Convolvulus tricolor* L.) и Кобея лазящая (*Cobaea scandens* Cav.).

Третий период относится к правлению Александра III. В архивах были найдены счета на покупку семян и растений и реестры цветочных растений. Обнаружены списки растений из цветочных магазинов и хозяйств, которые поставляли цветы в Гатчинский дворец с 1887 по 1894 год [9, 12–14]. Заказы поступали из Управления императорской охоты. Эти списки самые многочисленные. В них часто кроме видового названия указывались еще отдельные сорта, причем они не всегда указаны точными названиями, а предложено описание цвета, строения цветка, размера растения.

Среди многолетников встречаются современные виды, используемые в цветочном оформлении: Коровяк фиолетовый (*Verbascum phoeniceum* L.), Гвоздика садовая (*Dianthus caryophyllus* L.), Ирис гибридный (*Iris × hybrida hort.*), Лилия великолепная (*Lilium superbum* L.), Гладиолус блестящий (*Gladiolus splendens* [Sweet] Herb.)

Интересно, что среди цветов упоминаются и декоративные травы, такие как Полевица тонкая (*Agrostis tenuis* Sibth.), Ячмень гривастый (*Hordeum jubatum* L.), Перистощетинник лисохвостный (*Pennisetum alopecuroides* [L.] Spreng.).

Наряду с многолетниками присутствует много двулетников и однолетников с богатой цветовой палитрой. Среди двулетников встречается Маргаритка многолетняя (*Bellis perennis* L.), Шток-роза розовая (*Alcea rosea* L.), Колокольчик средний (*Campanula medium* L.)

В этот период из типичных однолетников заказывалось много сортов Каллистефуса китайского (*Callistephus chinensis* (L.) Nees): низкий букетный махровый, белый темно-красно-красный [13]. Указывался размер, в основном это низкие или крупные разновидности. Тем не менее в этот период в списках появляются и названия сортов Каллистефуса китайского, например «Принцесса Виктория», «Император», «Королева» [12], но в современных списках продаваемых растений их найти не удалось.

Также типичные однолетние цветочные культуры представлены следующими видами: Настурция большая (*Tropaeolum majus* L.), Циния изящная (*Zinnia elegans* Jacq.), Живокость полевая (*Delphinium consolida* L.), Флокс Драммонда (*Phlox drummondii* Hook.), Кларкия ноготковая (*Clarkia unguiculata* Lindl.), Бархатцы прямостоячие (*Tagetes erecta* L.).

Высаживали в этот период и однолетние лианы: Ипомею пурпурную (*Ipomoea purpurea* [L.] Roth), Чину широколистную (*Lathyrus latifolius* L.), Фасоль огненно-красную (*Phaseolus coccineus* L.).

Биологические многолетники, выращиваемые как однолетние, представлены богатой цветовой палитрой. Например, заказывался очень модный с середины XIX века Левкой седой (*Matthiola incana* [L.] W. T. Aiton) разнообразной окраски и размера: белый, бледно-розовый, красно-красный [13], с гладким листом, 10 сортов, розовый и голубой, канареечный желтый, лимонно-желтый, малиновый, яблочного цвета [14]. Также в списках упоминались несколько сортов левкоев, но их не удалось идентифицировать.

Упоминаются: Хейрантус Чери (*Erysimum cheiri* [L.] Crantz), Перилла нанкинская (*Perilla nankinensis* [Lour.] Decne.), Бегония садовая (*Begonia × hortensis* Graf et Zwicky), Петуния гибридная (*Petunia × hybrida* [Hook.] Vilm.), Сальвия сверкающая (*Salvia argentea* L.), Львиный зев большой (*Antirrhinum majus* L.), Эшшольция калифорнийская (*Eschscholzia californica* Cham.), Агератум Хьюстона (*Ageratum houstonianum* Mill.).

Сажали в этот период и лианы: Страстоцвет голубой (*Passiflora caerulea* L.), Хмелевик лазающий (*Humulopsis scandens* [Lour.] Grudz.), Ипомею пурпурную (*Ipomoea purpurea* [L.] Roth), Чину широколистную (*Lathyrus latifolius* L.), Фасоль огненно-красную (*Phaseolus coccineus* L.).

Как и во все предыдущие периоды, закупались весенние и осенние луковичные, такие как Нарцисс поэтический (*Narcissus poeticus* L.), Нарцисс Жонкилля (*Narcissus jonquilla* L.), Шафран посевной (*Crocus sativus* L.), Безвременник осенний (*Colchicum autumnale* L.).

В документах упоминаются несколько сортов роз, которые активно высаживались в этот период. У большинства роз указаны только цвет и форма цветка, но у части роз есть конкретные названия сортов. Большинство сортов сохранились до наших дней, например, такие сорта как «Anna Alexefill», «Baron De Bonstetten», «Charles de Mills», «Jules Margottin», «Paul Neyron», «Marie Baumann», «Victor Verdier».

К концу второй половины XIX — началу XX века садоводы уже имели богатый выбор декоративных растений для оформления цветников. Было известно огромное разнообразие видов как многолетних, так и однолетних цветочных культур. В архивах сохранилось много документов. На период правления Николая II мною были найдены списки за 1906 год [15]. Ведомство Императорской охоты заказало семена из магазина «Северный букет» Ивана Сима.

Из многолетников присутствуют Гвоздика садовая (*Dianthus caryophyllus* L.), Флокс метельчатый (*Phlox paniculata* L.), Поповник девичьелистный cv «Aureum» (*Pyrethrum parthenifolium* Willd. «Aureum»), Вербена гибридная (*Glandularia × hybrida* [Groenl. & Rümpler] G. L. Nesom & Pruski), Ландыш майский (*Convallaria majalis* L.), Чистец византийский (*Stachys byzantina* K. Koch).

Типичные однолетники представлены следующими таксонами: Каллистефус китайский (*Callistephus chinensis* [L.] Nees), Настурция малая (*Tropaeolum minus* L.), Цинния изящная (*Zinnia elegans* Jacq.), Табак обыкновенный (*Nicotiana tabacum* L.), Смолёвка повислая (*Silene pendula* L.), Кларкия приятная (*Clarkia amoena* [Lehm.] A. Nelson & J.F. Macbr.), Бархатцы прямостоячие (*Tagetes erecta* L.). Среди однолетних лиан заказывалась Чина широколистная (*Lathyrus latifolius* L.).

В списках преобладают цветочные культуры, которые являются биологическими многолетниками, в культуре однолетние. Чаще всего встречаются культивары Левкоя сизого (*Matthiola incana* [L.] W. T. Aiton): махровый темно-красно-красный, ремонтантный белый, малиново-красный, императорский [15]. Также перечисляются несколько сортов, в том числе «Королева Александра», «Принцесс Май», «Императрица Елизавета», «Германский император» [15]. В списках упоминаются Хейрантус Чери (*Erysimum cheiri* [L.] Crantz), Крестовник цинерариевый (*Jacobaea maritima* [L.] Pelsler & Meijden), Бегония садовая (*Begonia × hortensis* Grafl et Zwicky), Петуния гибридная (*Petunia × hybrida* [Hook.] Vilm.), Сальвия сверкающая (*Salvia argentea* L.), Львиный зев большой (*Antirrhinum majus* L.), Агератум Хьюстона (*Ageratum houstonianum* Mill.).

В документах встречается много весеннецветущих растений: Гиацинт восточный (*Hyacinthus orientalis* L.), Тюльпан лесной «Дюк ван Толь» (*Tulipa sylvestris* L.), Нарцисс поэтический (*Narcissus poeticus* L.).

В настоящее время, в период возросшего интереса к садово-парковому искусству и к историческим паркам, цветочное оформление является значимой частью процесса восстановления исторического облика парков. Важнейшей задачей является тщательный подбор декоративных растений исторического ассортимента цветочного оформления с корректировкой на современные экологические условия [7, 16]. Идентифицированные виды цветочных растений выявленного исторического ассортимента позволяют восстановить отсутствующие исторические цветники и откорректировать существующие на исторических местах.

Библиографический список

1. ГМЗ «Гатчина». ГДМ-11-ХI [Генеральный план Гатчинским садам. 1798. 1-й Кушелевский альбом. Фрагмент].
2. ГМЗ «Гатчина». ГДМ-12-ХI [План дворца с окружающей местностью. 1798. 1-й Кушелевский альбом. Фрагмент].
3. ГМЗ «Гатчина». ГДМ-78-ХI [Проект Нового дворца с частью парка. 1790-е. 2-й Кушелевский альбом. Фрагмент].
4. ГМЗ «Гатчина». ГДМ-79-80-ХI [План части Гатчинского парка. 1790-е. 2-й Кушелевский альбом. Фрагмент].
5. ГМЗ «Гатчина». ГДМ-1232-ХII [План Гатчины. Снят в 1816 году. Под руководством Оберквартирмейстера Гвардейского корпуса Полковника Мандерштерна, Гвардейского Генерального Штаба, Штабс Капитанами Князем Голицыным 1-м и Окуневым, Подпоручиком Бурцевым и колонновожатым Мятлевым /ГПБ, ОР 1У, № 303/ копия. Фрагмент].
6. ГМЗ «Гатчина»: акварели: ГДМ-8-ХI; ГДМ-9-ХI; ДМ-15-ХII; ГДМ-20- ХII; ГДМ-22-ХII; ГДМ-31-ХII; ГДМ-33-ХI; ГДМ-55-ХII; ГДМ-65-ХII; РНБ План 1816 г.
7. Максименко, М. Ф. Использование ассортимента цветочных растений в русских регулярных парках / М. Ф. Максименко // Вестник Московского государственного университета. – Лесной вестник. – 2008, № 2 (65). – С. 22 – 24.
8. НА ГМЗ «Гатчина». Д. 64 [Цветочное оформление Гатчинского парка. Выписки из архивных материалов 1798–1799 гг., 1854, 1864, 1882 гг.].
9. НА ГМЗ «Гатчина». Д. 696 [Выписка из ведомости в 1888 г. Работой по Гатчинскому дворцовому Управлению и гор. Гатчина. ЦГИАЛ, Ф. 491, Оп. 3. Д. 186].
10. РГИА. Ф. 759. Оп. 94. Д. 342 [Рапорты директора города Гатчины В. И. Ребиндера о получении для дворцового сада и оранжерей различных растений и семян и о выращенных в них фруктах].
11. РГИА. Ф. 491. Оп. 1. Д. 1659. Л. 508 [Опись английского сада. 1798 г.].

12. РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2746 [По выписке деревьев, растений и семян. 5 май – 13 декабря 1887 гг.].
13. РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2840 [По выписке деревьев, растений и семян. Период 17 февраля 1891 – 17 февраля 1891 гг.].
14. РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2881 [По выписке семян, деревьев и растений. 8 января 1893 г. – 25 мая 1984 г.].
15. РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2953 [Дело канцелярии управления Императорской охоты о приобретении семян и растений. 12 марта 1906 г.].
16. Урядникова, Л. А. Цветочное оформление в дворянском и крестьянском быте XIX в. / Л. А. Урядникова // Псков. – 2017, № 47. – С. 68–71.
17. Энциклопедия Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://encspb.ru/object/2830282864?lc=ru>, свободный (дата обращения: 10.02.2024).

Сохранение исторических парков на примере концепции развития территории парка «Зверинец» ГМЗ «Гатчина» и приспособления его для современного использования



Александра Андреевна Козлова,
студентка 5 курса по направлению «Дизайн архитектурной среды»
СПбГАСУ

В современном обществе особое значение приобретает сохранение исторического наследия, ведь оно является свидетельством прошлых эпох и культурных традиций.

Исторические лесопарки в России не только воплощают в себе природную красоту, но и важны для понимания национальной идентичности и культурного развития страны. Однако после Второй мировой войны многие парки так и не были восстановлены и могли страдать от отсутствия четкой стратегии сохранения и развития.

Восстановление и приспособление исторических лесопарков к современному использованию имеет также важное социально-экономическое значение. Оживление этих парков может способствовать развитию туризма, созданию новых рабочих мест, а также улучшению экологической ситуации в городах и на прилегающих территориях. Кроме того, приспособление парков к современным потребностям общества позволит им стать центрами культурного обмена, местами для проведения различных мероприятий и образовательных программ, способствуя развитию социокультурной среды и повышению качества жизни граждан.

Историческая справка

«Орловский» период — 1765–1783 годы

Владелец Гатчины — граф Григорий Григорьевич Орлов, фаворит Екатерины II. Орлов организовал на территории поместья обширный звери-

нец, преобразовав лесной массив в охотничий парк. Работы по подготовке этой территории включали расчистку леса, строительство дорог, загонов, домиков для охотников. Когда по берегам озер начались работы по разбивке Английского парка, возникла необходимость выделить отдельную территорию для охоты и содержания животных. Эта планировка сохранилась до наших дней.

«Павловский» период – 1783–1828 годы

Князь Павел Петрович получил Гатчину в собственность в 1783 году, но из-за финансовых затруднений начал активное преобразование лишь в 1790-х годах. «Павловский» период Гатчинского ансамбля более изучен и считается высшим в его истории. Работами в парке руководил Джеймс Гекет.

В этот период «Зверинец» окончательно приобрел регулярную планировку с прямыми просеками для загона животных во время охоты и смотровыми площадками. Значительную роль в композиции парка играли реки Колпанка и Гатчинка. На южной границе с Дворцовым парком был задуман целый каскад из гидросооружений.

Дополнительно к хвойным и лиственным деревьям в восточном районе парка было посажено большое количество берез. Так появились Березовая просека и Березовая аллея.

«Образцовый охотничий парк» (Николай I и Александр II) – 1828–1881 годы

В 1828 году Гатчина перешла в собственность императора Николая I. В это время территория «Зверинца» составляла 389 га. В 1844 году был присоединен парк «Сильвия», а в 1846 году – Мартяжкин луг, увеличив общую площадь до 476 га. Всего под лесом находилось 66 % территории, под открытыми пространствами – 34 %. Под руководством Николая I в парке проводились работы по осушению болот, созданию каналов и искусственных островов, было построено четыре моста.

Лесопарк для прогулок (Александр III и Николай II) – 1881–1917 годы

При Александре III дворцово-парковый ансамбль все так же состоял из трех больших парков: Приоратский предназначался для горожан, а Дворцовый и «Зверинец» оставались «царскими». «Зверинец» оставался в прежних границах, несмотря на появление Балтийской железной дороги в 1872 году. Александр III принял меры безопасности для царской семьи, установив многочисленные посты охраны вокруг парков. Он также решил проблему загрязнения парковых озер и начал работы по обновлению дорог. Парк содержался в образцовом порядке и был настолько благоустро-

ен, что большие затраты на его содержание не требовались. Постепенно «Зверинец» стал прогулочным парком для императорской семьи и их гостей, а гатчинская императорская охота переместилась за его пределы.

Парк «Зверинец» с 1917 по 1945 год

В 1917 году начался трагический период для парка «Зверинец». Должность смотрителя парка была упразднена, царская охота прекратилась из-за революции. Во время февральских событий практически все животные были уничтожены, но удалось спасти небольшое стадо зубров. Впоследствии «Зверинец» стал общественным парком, где посетителям выписывали специальные билеты и пропуска. В период Великой Отечественной войны парк сильно пострадал от вырубок и, как и вся Гатчина, получил серьезные повреждения. Мосты через реку Гатчинку были взорваны фашистами, и в послевоенные годы для восстановления Дворцово-паркового ансамбля пришлось проводить масштабные реставрационные работы.

Градостроительный анализ участка проектирования

Инфраструктура

Проведенный анализ показывает, что в радиусе 2,5 км от парка находится значительное количество объектов инфраструктуры, таких как магазины, гостиницы, рестораны, кафе, спортивные сооружения, музеи, объекты здравоохранения и развлекательные заведения. Однако все они расположены за пределами самого парка, и отсутствие удобств и развлечений на его территории может негативно повлиять на удовлетворенность посетителей. Для обеспечения комфортного отдыха на территории парка «Зверинец» необходимо создать различные точки притяжения и объекты инфраструктуры. Большая часть значимых достопримечательностей и музейных объектов города располагается на территории дворцового парка, который соседствует с парком «Зверинец», что создает естественную связь между ними и делает их важным культурным центром региона.

Транспортно-пешеходная ситуация

Гатчина имеет хорошее транспортное сообщение с близлежащими городами, что обеспечивает удобный доступ к парку как для местных жителей, так и для приезжих туристов. Расстояние от Санкт-Петербурга до Гатчины – 46 км. Добраться можно на пригородных электричках, автобусах и маршрутках. Проще всего заходить в парк со стороны Сокколовского шоссе. Здесь находится железнодорожная станция Мариенбург, а ближе к Дворцовому парку располагается станция Гатчина-Балтийская, которая также находится в пешей доступности от парка «Зверинец».

Пешеходные маршруты

Планировка парка имеет регулярный характер с прямыми параллельными продольными и поперечными просеками с тропами. В местах пересечения просек сохранились круглые площадки: три – на просеке Цагове и три – на Березовой просеке. Изначально диагональные исторические просеки сейчас частично превратились в тропинки. Также в парке множество беспорядочных ведущих сквозь лесные массивы троп.

В настоящее время парк выполняет функцию транзита из центральной части Гатчины в район Мариенбурга для жителей, отправляющихся через Пильненскую дорогу на работу и возвращающихся обратно.

Социальный анализ участка проектирования

Портрет посетителей парка «Зверинец»

Нынешними посетителями парка являются в основном жители Гатчины, проживающие в пешей доступности. Среди них встречаются люди, выгуливающие домашних питомцев, семьи с детьми, пожилые люди, любители уединенных прогулок.

В парке присутствует спортивная составляющая. На данный момент он привлекает легкоатлетов, лыжников и велоспортсменов. Однако большинство посетителей используют парк как транзитный маршрут для срезания пути на работу.

В последнее время парк активно сотрудничает с общественными организациями. При помощи отдела музейной педагогики ГМЗ «Гатчина» проведены мероприятия со школьниками младших классов по размещению на территории более 50 скворечников и кормушек для птиц. Помимо этого осуществляется координация мероприятий по проведению на территории парка лыжных соревнований.

Мнение общественности о парке «Зверинец»

Исходя из анализа мнения общественности и отзывов о парке, с момента начала работы над благоустройством «Зверинца» численность его посетителей и их удовлетворенность парком возросли.

Посетители отмечают, что парк меняется на глазах. Ранее узкие заросшие тропинки стали широкими и удобными, появились лыжная трасса и понтонный мост, а также множество кормушек для птиц и животных и стендов с информацией о флоре и фауне парка.

Люди ценят в Зверинце живописность природы, возможность уединенных прогулок и обширную территорию, на которой комфортно кататься на велосипедах.

Среди недостатков отмечают заболоченность некоторых мест, грязь,

отсутствие выхода со стороны микрорайона Мариенбург, нехватку урн и отсутствие ощущения безопасности в темное время суток.

Природно-климатический анализ участка проектирования

Климатический анализ

Гатчина расположена в регионе с умеренным атлантическим климатом, демонстрирующим признаки континентального. Летом здесь наблюдается небольшое повышение температуры, а зимой — ощутимое ухудшение погодных условий по сравнению с Петербургом. Однако в целом климат Гатчины не слишком отличается от климата Северной столицы.

Один из аспектов, требующих внимания, — это уровень загрязнения воздуха, который в Гатчине превышает норму. Однако это явление характерно для многих городов России и оказывает незначительное влияние на здоровье горожан. Кроме того, благодаря обилию зелени летом Гатчина превращается в зеленый уголок, что смягчает негативное воздействие загрязнения воздуха.

Анализ ландшафтных характеристик парка

Лесные массивы занимают значительную часть «Зверинца», а именно 62 % общей площади парка. Они включают в себя различные виды зеленых насаждений, от лиственных до хвойных, создавая уникальную атмосферу природного заповедника, обеспечивая биоразнообразие парка и служа защитой от ветра и шума.

На основе изучения исторических и современных карт, был проанализирован состав озеленения «Зверинца» и создана схема, исходя из которой можно сделать вывод, что большую часть зеленых насаждений составляет смешанный лес с преобладанием елей и серой ольхи, второе место занимает смешанный лес с преобладанием берез и ив, а третье — смешанный лес с преобладанием сосен.

Оставшиеся 38% территории парка занимают луговые пространства. Большая часть из них находится вдоль реки Теплой и вблизи Соколовского шоссе.

Особое внимание стоит уделить Гатчинской «Чудо поляне», которая представляет собой уникальное природное явление. Здесь произрастают редкие растения, многие из которых внесены в Красную книгу России, что подчеркивает важность этого уголка парка для сохранения природного наследия региона. Благодаря своей уникальности Гатчинская «Чудо поляна» привлекает внимание как местных жителей, так и туристов.

Анализ дорожно-тропиночной и мелиоративной сети парка

В настоящее время ведутся работы по реорганизации дорожно-тропиночной сети парка. Существующие исторические транзиты расчищаются от самосевных деревьев и кустарников, производится ремонт верхнего слоя щебеночно-набивных дорожек. Основная масса маршрутов выполняется гранитным отсевом.

Одной из актуальных во все исторические периоды «Зверинца» проблем является заболоченность территории. В прошлом для ее осушения по всему парку были устроены многочисленные дренажные каналы, а на отдельных участках – неширокие каналы. Сейчас над решением этой проблемы ведутся активные работы и с целью улучшения водного режима почв создается мелиоративная сеть.

SWOT-анализ участка проектирования

Анализ является итогом проведенной работы и помогает структурировать полученные данные и сделать выводы, которые будут полезны при создании проектного предложения.

Сильные стороны

- Обширная территория, занимающая 390 гектаров.
- Река Теплая с чистой и прозрачной водой.
- Богатая история парка и его нахождение в составе Гатчинского музейного заповедника.
- Биоразнообразиие парка.
- «Зверинец» является лесопарком и важной частью зеленого каркаса Гатчины.
- Отсутствие существенных перепадов рельефа.
- Лыжная трасса.
- Пешая доступность от станции вокзала Мариенбург и Гатчина-Балтийская.
- «Чудо Поляна» с краснокнижными растениями.
- Протяженная экотропа, идущая вдоль реки и через лесной массив.
- Любовь местных жителей и заинтересованность в развитии парка.

Слабые стороны

- Отсутствие современных малых архитектурных форм.
- Нехватка точек сбора мусора и, как следствие, локальные загрязнения территории.
- Заболоченность территории и не полностью восстановленная мелиоративная сеть.

- Нехватка организованного паркинга.
- Отсутствие прибыли при больших затратах на содержание.
- Отсутствие интуитивно понятных точек входа.
- Отсутствие благоустроенных мест для разведения костера, а также точек спуска к воде.
- Отсутствие освещения в ночное время суток.

Возможности

- Обширная территория, которую можно наполнить множеством точек притяжения.
- Острова, которые можно расчистить и вновь сделать эксплуатируемыми.
- Развитие существующей лыжной трассы.
- Спортивный потенциал парка, возможность разместить веревочный городок, каток, загоны для занятий конным спортом.
- Туристический потенциал.
- В основе парка лежит богатая история и сохранившаяся с Павловского периода планировка.
- Создание загона для копытных в его историческом месте.
- Торговый потенциал и повышение прибыльности «Зверинца»
- Внедрение конного маршрута.

Угрозы

- Присутствие вандалов, портящих имущество парка.
- Загрязнение окружающей среды посетителями парка.
- Отсутствие ощущения безопасности в связи с размерами парка, его не многолюдностью, наличием леса и отсутствием освещения территории в ночное время.
- Исчезновение краснокнижных растений по причине увеличения антропогенного воздействия.
- Опасность возникновения лесного пожара из-за отсутствия благоустроенных мест для разведения костра.

Особенности содержания псовой охоты

Иллюстрации на стр. 129–130



Инга Александровна Лепехова,
студентка факультета искусств
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Егерская слобода в Гатчине в настоящее время практически утеряна. Государственный музей-заповедник «Гатчина» поставил перед собой задачу воссоздать в макете архитектурный ансамбль некогда процветающей охотничьей резиденции. На территории слободы наряду с жилыми домами егерей, школой, баней, канцелярией и т. п. находились псарные и конюшенные дворы, заячий ремиз и т. д. Некоторые детали, касающиеся устройства псарного двора, были взяты из книги Петра Михайловича Губина «Полное руководство ко псовой охоте».

Петр Михайлович Губин был заядлым охотником и собаководом, все свободное время посвящал псовой охоте. Материалы для своей книги он собирал на протяжении многих лет из личных наблюдений и из рассказов опытных охотников. На сегодняшний день существует репринт издания 1890 года с оригинальной авторской орфографией.

Одной из любопытных деталей стал план псарен. Хотя каждый псарный двор зависит от вкуса и средств владельца охоты, поэтому планы псарных дворов не могут быть одинаковы, все-таки план (илл. 1), приведенный в труде Губина, вносит некоторую ясность в общее представление о планировке псарного двора и в Егерской слободе.

В псарный двор кроме псарни входят изба для охотников, варница, сени для кормления собак, чулан для седел и охотничьего платья, а также травяные выпуски отдельно для гончих и борзых собак¹.

Псарня и дом егеря имели смежную стену со слуховым окном, чтобы егерь мог всегда слышать голос псов и в случае беспокойного шума окли-

¹ Примечания к иллюстрации 1: 1) гончее отделение; 2) борзое отделение; 3) луговой выпуск для гончих; 4) луговой выпуск для борзых; 5) сени для кормления борзых и гончих; 6) охотничья изба с лавками и нарами для комнатных борзых; 7,8, 9) хлев для гончих; 10) хлев для гончих щенков; 11–18) хлев для каждой своры борзых; 19) варница; 20) котел; 21) чулан для седел и охотничьего платья; 22) кобыла для примерки седел; 23) общее корыто для кормления собак; 24) изба для охотничьих постелей; 25) печка; 26) кровать доезжачего; 27) кровать старшего борзятника; 28) лавки и нары для комнатных борзых; 29) пространство двора под навесом; 30) нары в хлевах для собак; 31) коновязи.

ком через это слуховое окно разнять их. Край нары для псов обшивался двухвершковым в толщину и чертырехвершковым в высоту брусом с закругленной верхушкой. Это было необходимо для того, чтобы собака не могла упасть с лежанки во сне и чтобы солома не сыпалась на пол. Высота нары должна быть не менее и не более восьми вершков, а длина – во всю стену псового хлева. Ширина нары для борзых составляет два, а гончих – три аршина. Хотя на изображении Р. Френца «Охота государя императора. Гатчина» (илл. 2) высота нары расходится с высотой, указанной у Губина, общее представление о планировке совпадает. Летом свору кормили на улице под навесом, а зимой в помещении. Оба этих варианта кормежки изображены там же у Р. Френца.

Пол в хлевах и во дворе должен был быть крепко набит глиной, а сверху усыпан песком. Глина нужна для того, чтобы псы могли удовлетворять свою потребность рыть и не вырывать себе когти, как это часто бывало при деревянном покрытии. Песок нужен для чистоты, чтобы глина не липла к шерсти.

Таким образом, сопоставив текст Губина и некоторые сохранившиеся изображения с постройками охотничьей резиденции в Гатчине, можно восполнить недостающие фрагменты изображения, дополнить картину общего представления о постройках Егерской слободы в Гатчине.

Библиографический список

1. Губин, П. М. Полное руководство ко псовой охоте, составленное Петром Михайловичем Губиным : В 3 ч. Ч. 1–3. Москва : типолит. М. И. Нейбюргер. 1890. С. 537. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003657628/ (дата обращения: 02.05.2024).

Правовой конфликт в проблеме перемещенных культурных ценностей ГМЗ «Гатчина» и музейные предметы из гатчинской коллекции на зарубежных аукционах



Анна Максимовна Малинина,
студентка 4 курса бакалавриата СПбГУ по направлению
«Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия»



Мария Викторовна Кирпичникова, куратор,
ученый секретарь ГМЗ «Гатчина», кандидат исторических наук

Проблема перемещенных после Второй мировой войны культурных ценностей остается актуальной. Для Гатчинского музея-заповедника эта тема особенно важна. По статистическим данным на 2023 год, сохраненных предметов числилось около 16 500, возвращенных – примерно 8 500¹. То есть с 2010 года, когда научными сотрудниками ГМЗ «Гатчина» были произведены подсчеты, количество выявленных и возвращенных предметов увеличилось почти на 400. Наиболее плодотворными в плане возвратов были 2000–2010-е годы, когда в музей вернулось несколько десятков значимых предметов. Последний значительный возврат состоялся 20 июня 2018 года. Коллекцию живописи дополнили 16 картин, об-

¹ Сводная таблица, отражающая статистику сохраненных и возвращенных ценностей музея. Составлена на основании подсчета предметов, состоящих на музейном учете в ГМЗ «Гатчина», и анализа данных в сравнении с 2010 годом. Данные предоставлены хранителями фондов.

наруженные в ходе оперативно-розыскных действий. Портреты, в числе которых редкое изображение эрцгерцога Фердинанда работы Ван Мейтенса и короля Виктора-Эммануила работы Саббиони, до 1941 года находились в галереях Арсенального каре. Среди них также портреты императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II, адмирала Спиридова и др. После этого, в связи с обострением международной обстановки, возвраты практически прекратились.

Первые возвраты начались уже в 1944 году.

Однако далеко не всегда обнаруженные предметы с маркировкой «ГДМ» возвращаются на законное место. Тому есть множество примеров. Приведем один из них: в 1945 году, когда активно велся розыск и сбор музейного имущества, у гражданки Романовой, проживавшей на станции Карташевка Гатчинского района, были обнаружены вывезенные из дворца портреты тайного советника Плещеева² и Марии Баденской (масло, холст)³. При последующей проверке выяснилось, что сын указанной гражданки, несмотря на предупреждение о принадлежности имущества Гатчинскому дворцу-музею, вывез их в город Свердловск. Директор музея А. Н. Роткевич обратился к начальнику НКВД указанного города с просьбой о содействии в возврате картин [1], однако, история так ничем и не завершилась. В настоящее время местонахождение портретов неизвестно. Стоит отметить, что сведения о перемещенных ценностях обновляются в соответствии с научными исследованиями и работами, проходящими в музее.

Чтобы всесторонне исследовать данную проблему, необходимо проанализировать историю становления правового регулирования вопроса вывезенных культурных ценностей в военное время и их юридическое положение. Помимо этого, важно кратко охарактеризовать с точки зрения права ситуацию, сложившуюся в конце Второй мировой войны, нормативные документы, которыми она регулировалась. Это необходимо для того, чтобы получить объективную оценку проблемы на правовом уровне.

История правового регулирования вопроса

1. Гагская Конвенция 1907 года: в 1907 году была организована конференция в Гааге, в ходе которой участники подписали Конвенцию, отражающую положение культурных памятников и запрещающую их вывоз: «Собственность общин, учреждений церковных, благотворительных

² Неизвестный художник. Портрет С. И. Плещеева. Масло, холст. 71 × 62 см, в 1894 г. находился в Портретной галерее Арсенального каре. На 1941 – портретный фонд (г-40004).

³ Рихард Лаухетр. Портрет Марии Баденской (1841–1914), дочери в. кн. Марии Николаевны, супруги герцога Вильгельма Баденского. 1857. Масло, холст. 102 × 85 см. На 1941 г. находился на выставке костюмов (г-40870).

и образовательных, художественных и научных, хотя бы принадлежащих Государству, приравнивается к частной собственности. Всякий преднамеренный захват, истребление или повреждение подобных учреждений, исторических памятников, произведений художественных и научных воспещаются и должны подлежать преследованию» [2]. Эта Конвенция на правовом уровне утверждала ценность памятников культуры для мира и общества. Но несмотря на значимость документа, он не был совершенным и имел некоторые недостатки, из-за которых уже в период Первой мировой войны многие культурные ценности пострадали или были вывезены. Нельзя не отметить нечеткую фиксацию механизмов защиты и охраны культурных ценностей от посягательств, а также рекомендательный характер Конвенции.

2. Лондонская декларация 1943 года: запрет любой «передачи или сделки в отношении собственности, прав и интересов любого характера, находящихся или находившихся на территориях, оккупированных или подпавших под контроль – прямой или косвенный – правительств, с которыми они находятся в состоянии войны, принадлежащих или принадлежавших лицам, включая юридические лица, пребывавшим на таких территориях» [3, с. 282]. Это означает, что защита культурных ценностей укреплялась, данная декларация заложила основы реституции после окончания войны и помогла отстоять культурные ценности стран, которые пострадали в военное время.

3. Документы Контрольного совета (временный совместный орган СССР, США, Франции и Великобритании):

а) вопрос о реституции вывезенного Германией имущества других стран должен рассматриваться при опоре на Декларацию 1943 года;

б) в первую очередь реституция должна ограничиваться именно опознаваемым имуществом страны, потерявшей его;

в) также реституции подлежит имущество, произведенное в период оккупации страны Германией и которое было вывезено насильственным путем.

Приведенные выше положения устанавливались в документах Контрольного совета и Советской военной администрации в Германии. «Особо следует подчеркнуть: было предусмотрено, что объекты „уникального характера“, которые не будут найдены, должны заменяться объектами того же характера и того же качества» [4, с. 111–112].

4. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (1954 г., Гаага): утрата большого количества культурных объектов во время Второй мировой войны послужила основной причиной принятия этой Конвенции. Его главная цель – предотвращение незаконного ввоза и вывоза культурных ценностей, закрепление основания,

по которому культурные ценности должны оставаться на своей исторической родине. Основные положения документа заключаются в уважении к культурному наследию всех стран. Раскрыты такие аспекты, как особенности перевозок ценностей, наделение их особой защитой и необходимость отметки их отличительным знаком Конвенции (щит, заостренный снизу, разделенный на четыре части синего и белого цветов) [5]. Этот документ — очень важный этап, так как он является начальным, то есть одним из первых шагов к юридической защите культурного наследия со стороны организации. К слабым сторонам документа относится недостаток контроля соблюдения всех предписанных норм государствами-участниками.

5. Второй Протокол к Гагской Конвенции 1999 года: в нем были конкретизированы меры деятельности по охране ценностей (он носит более практический характер), изменен порядок специальной защиты и другое. Но и этот документ не свободен от недостатков. К ним, например, относятся отсутствие усовершенствования «положения об отличительном знаке» и механизма инспекций, что было бы важно для более подробного изложения положений усиленной защиты. Тем не менее, Второй Протокол прямо и однозначно сформулировал запрет на любой вывоз культурных ценностей с оккупированных территорий, назвав такой вывоз уголовным преступлением.

Законодательство Российской Федерации

Федеральный закон «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» 1998 года. Данный нормативно-правовой документ установил жесткий порядок предъявления, рассмотрения и удовлетворения претензий о возврате культурных ценностей. К основным направлениям деятельности закона относятся защита указанных культурных ценностей от расхищения, предотвращение их незаконного вывоза за пределы России, обеспечение интересов Российской Федерации при урегулировании с иностранными государствами спорных вопросов, касающихся указанных культурных ценностей, на основе последовательного соблюдения принципа взаимности; предоставление возможности для ознакомления с указанными культурными ценностями [6]. В иностранных государствах данный закон получил большое неодобрение, и его считают идущим вразрез с нормами международного права (например, с Гагскими Конвенциями).

Проблема отсутствия подробно разработанных юридических оснований процессов реституции в послевоенное время играет большую роль

в международных дискуссиях. Так, например, ФРГ апеллирует к Гаагским Конвенциям, а Россия не признает их нормы в полной мере актуальными на период второй половины 1940-х годов, что порождает споры.

Культурные ценности Гатчинского дворца на аукционах

В Гатчинском дворце-музее за время войны было утрачено более 38 000 предметов [7], что является большой потерей для культурного наследия страны. Сам вывоз предметов немцами носил как организованный, так и стихийный характер, что осложняет изучение вопроса и затрудняет отслеживание судеб ценностей. Вследствие этого многие культурные памятники из пригородов Санкт-Петербурга, в том числе и из Гатчины, в настоящее время находятся за пределами России. Государственный музей-заповедник «Гатчина» – один из наиболее пострадавших во время оккупации музеев-пригородов Ленинграда, его активное восстановление началось только в 1970-е годы, и возвращение утраченных коллекций – одна из важнейших задач, которая стоит перед учреждением культуры, так как каждый предмет из собрания несет в себе уникальную информацию, что очень важно для изучения истории данного места и его культурной самобытности в целом.

В настоящее время некоторые предметы, принадлежавшие ГМЗ «Гатчина», можно обнаружить среди лотов на различных аукционах. Работа сотрудников учреждения в данном направлении направлена не только на поиск культурных ценностей, но и на систематизацию информации об уже обнаруженных предметах на аукционах в последние годы.

В контексте статьи важно кратко определить **правовое положение аукционов** в целом. «Аукционная торговля имеет целый ряд особенностей как правовых, так и организационных. Одной из основных проблем в этой сфере является отсутствие универсального международно-правового документа и единообразного регулирования на национальном уровне разных стран» [6, с. 403]. Однако принятые ограничения частично сформулированы в нормах международного права. Такие нормы содержит Конвенция ЮНЕСКО 1970 года (общие правила оборота культурных ценностей).

Если обратиться непосредственно к поиску предметов из ГМЗ «Гатчина» на аукционах, то работа в данном направлении строится следующим образом.

1. Составление предварительного списка аукционов, на сайтах которых среди лотов будет производиться поиск. Изначально в список входили Ebay.de, Auctionata, Dr. Fischer, Hampel Auction, Hood.de. Впоследствии он дополнился: Vukowskis, Литфонд, FauveParis, French auction. Этот список постоянно обновляется, так как работа по поиску не окончена. В пере-

чне в основном представлены немецкие аукционы, в меньшей степени – французские, отечественные, скандинавские.

2. Следующий этап – определение области поиска: в 2023–2024 годах внимание концентрировалось на предметах ГМЗ «Гатчина» эпохи правления Павла I в связи с активными реставрационными работами, ведущимися в комнатах императора на первом этаже Центрального корпуса и Восточного полуциркуля. Целесообразно делать акцент не на всех культурных ценностях, а на определенной части, так как из-за слишком большой области исследования внимание рассеивается. Также в таком случае необходимо знать все предметы из Гатчинского дворца практически наизусть, что затруднительно новым сотрудникам. Таким образом, изучение предметов определенной категории или эпохи более рационально и результативно.

3. Третий этап – исследование культурных ценностей ГМЗ «Гатчина» эпохи правления Павла I и изучение сайтов аукционов с целью их поиска по ключевым словам: «Гатчина», «Русское искусство конец XVIII века», «Павел I» и другие. К основным трудностям поиска относятся большое количество онлайн-аукционов для изучения, работа на различных иностранных языках.

По завершении работы планируется создание веб-странички, на которой будет представлена информация об утраченных и обнаруженных предметах музея.

4. Важная часть научной деятельности музея – работа по объединению в таблицу всех ценностей, выявленных до этого момента на аукционах и сайтах.

Возвращение утраченных после Второй мировой войны предметов музею «Гатчина» имеет большое значение с точки зрения сохранения культурного наследия и исторической памяти, восстановления целостности коллекции. К настоящему моменту проделана работа по переводу из PDF в формат Word архивных материалов об эвакуации предметов в Исаакиевский собор, что существенно облегчит работу хранителей ГМЗ «Гатчина» при работе с материалами.

Исследование в данной области возможно при изучении фондов ГМЗ «Гатчина», коллекций музеев Германии, архивных материалов и законодательных актов (как международных, так и национальных). Подводя итог, можно сказать, что работа в сфере реституции культурных ценностей является важной задачей в деятельности музея.

Библиографический список

1. ЦГАЛИ СПб. Ф. 277. Оп.1. Д. 83. Л.15.
2. V Гагская Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года с приложением: «Положение о законах и обычаях сухопутной войны» // Банк документов Минобороны РФ. URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11967448%40egNPA#:~ (дата обращения: 02.02.2024).
3. Денисова, Е. А. Правовые основы реституции культурных ценностей, перемещенных во время и по окончании Второй мировой войны // Вестник МГИМО. — 2012, №1. — С. 281–287.
4. Богуславский, М. М. Международная охрана культурных ценностей. — Москва : Междунар. отношения, 1979. — 192 с.
5. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта с Положениями об исполнении Конвенции от 14 мая 1954 // Официальный сайт ЮНЕСКО. Legal Instruments. URL: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13637&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (дата обращения: 03.02.2024)
6. Федеральный закон от 15.04.1998 № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // Законодательная база Российской Федерации. URL: <https://zakonbase.ru/content/base/26513> (дата обращения: 03.02.2024).
7. Как сотрудники музеев ищут экспонаты, украденные во время войны, и какие ценности потомки немецких солдат возвращают на родину? Рассказывают историки из Петербурга, Берлина и Гатчины // Публикация на сайте ГМЗ «Гатчина». URL: <https://gatchinapalace.ru/pressa/kak-sotrudniki-muzeev-ishchut-eksponaty-ukradennye-vo-vremya-voyny-i-kakie-tsennosti-potomki-nemetskikh-soldat-vozvrazhaya-na-rodinu> (дата обращения: 05.02.2024).
8. Челядина, А. С., Зайцева, Н. В. Международно-правовое регулирование деятельности аукционных домов в сфере искусства // Форум молодых ученых. — 2020, №3 (43). — С. 400–405.

Анализ этапов формирования приграничной территории «Сильвии» и «Зверинца»

Иллюстрации на стр. 148



Мария Юрьевна Чебракова,
студентка бакалавриата Санкт-Петербургского государственного
лесотехнического университета им. С. М. Кирова (СПбГЛТУ)

Концепция развития дворцово-паркового ансамбля музея-заповедника «Гатчина» и приспособления его к современным условиям предполагает включение в туристические маршруты новых парковых территорий, находящихся за пределами Дворцового парка, такие как пограничные районы «Сильвии» и «Зверинца». Темой настоящей работы стали «Проектные предложения по восстановлению исторической композиции участка дворцового парка с Птичником», а одним из важнейших направлений в работе над темой является анализ этапов формирования и исторического развития этой местности.

Комплекс здания Птичника и прилегающей к нему территории исторически был расположен на границе между «Сильвией» и «Зверинцем» и, по сути, является самой дальней (по отношению к дворцу) сохранившейся крупной архитектурной доминантой. На протяжении всей своей истории с момента создания по сегодняшний день участок Птичника постоянно менял свои границы, планировочную структуру и ведомственную принадлежность. Анализ этих изменений позволит выработать стратегию развития этого района дворцово-паркового ансамбля музея-заповедника «Гатчина» и даст основания для дальнейшей разработки проектной документации.

В настоящее время Птичник с прилегающими к нему землями за руслom реки Колпанки можно рассматривать как часть обособленного паркового района «Сильвии». Расположение Птичника, архитектурное решение фасада, обращенного к реке и к «Сильвии», дает основания предполагать, что здание, согласно первоначальному замыслу, входило в комплекс построек Сильвийского сада. В связи с этим предположением в работе проводится анализ исторических предпосылок формирования территории всей Сильвии. Тогда исследуемый участок с южной стороны

ограничен Красноармейским проспектом, с восточной – Сильвийскими воротами, с запада граница проходит вдоль Пильной дороги, а с северной стороны участок ограничен Плашкоутным мостом и оградой «Сильвии».

За всю историю становления и развития сначала великокняжеской, а затем уже и императорской резиденции «Сильвия» в обозначенных границах переживала различные периоды от бурного строительства до полного забвения. В основу анализа этапов формирования легла оценка изменений, определяемых по совокупности критериев, таких как изменение границ территории и ведомственная принадлежность. Таким образом, можно выделить пять этапов.

1. Орловский период. В 1765 году Екатерина II приобрела у князя Куракина поместье Гатчина и подарила его Григорию Орлову. В этот период в обозначенных ранее границах была построена Пильная мельница: «Для распилки дерева на окраине сада была построена пильная мельница (она впервые упомянута в 1768 г. в „Камер-фурьерском журнале“ в связи с ее осмотром Екатериной II)» [1, с. 50]. Императрица не единожды посещала пильную мельницу не только для осмотра строящихся зданий, но и включала в программу своих развлечений вместе со свитой, о чем свидетельствуют записи в «Журнале»: «Май 1769 г.: ... следовать соизволили пешком, для прогуливания, около лежащего озера и других увеселительных мест ... и в зверинец, и к пильной мельнице» [1, с. 58].

2. Следующий этап датируется 1792–1801 годами и связан с началом строительства сада «Сильвии», здания Фермы, Каскада с Наумахией, Птичника, Монастыря Св. Харлампия и Скотного двора.

3. 1843–1881 годы. В 1843 году «Сильвия» была отнесена к территории «Зверинца», с чем связано расширение ее границ. Вероятно, подобная реорганизация была вызвана с очередными попытками разведения на территории Птичника фазанов, являвшихся в первую очередь предметом охоты, и желанием таким образом увеличить популяцию дичи в охотничьих угодьях. Планировочная организация территории Птичника и всей «Сильвии» в этот период не изменилась. Также в 1843 году, впервые за долгое время, на этой территории возобновляется благоустройство. В 1881 году по указу Александра II произошло выделение «Зверинца» из ансамбля Гатчинского Дворцового парка.

4. Следующий этап относится к 1881–1917 годам и связан с царствованием Александра III и Николая II. В этот период были проведены работы по ремонту территории, в комплексе Птичника были возведены два новых вольера, других существенных изменений не происходило.

5. Последний этап начался в 1951 году и длится по настоящее время. Территория меняла свое назначение, ее приспособляли для административно-хозяйственных и рекреационных целей. Так, например, Ферма фун-

кционировала в основном как музей, в «Сильвии» проводили спортивные мероприятия, а в Птичнике была устроена школа фигурного катания. Затем в здании Птичника располагались администрация парка и архивный отдел, после пожара 1983 года архив свою работу в этом здании не возобновлял. В настоящее время данная территория благоустроена лишь частично, само здание Птичника находится на консервации.

Начало создания «Сильвии» относится ко второму этапу. Строительство этого нового паркового района, с абсолютно иной по своему характеру планировочной организацией, было инициировано великим князем Павлом Петровичем после его посещения Европы в рамках Grandtour. «Временем создания Сильвии следует считать 1792–1800 годы, когда здесь были высажены тысячи деревьев, проложены парковые аллеи и дорога в Большой зверинец» [2, с. 92–93]. В основу планировки «Сильвии» ложатся чертежи Шантийи: «Прихотливо извивающиеся и переплетающиеся дорожки, фигурные боскеты и даже название были целиком заимствованы у части Шантийинского ансамбля» [2, с. 165]. Обращаясь к этому же прототипу, строится здание Фермы, которая первоначально получила название Фазанерия. Имя постройке было дано из-за оформления конька крыши скульптурой фазана. Функционально здание предназначалось не для хозяйственных целей, а как место размещения высоких гостей. Несоответствие названия функции, план и богатая отделка Круглого зала Фазанерии, обставленного мебелью из красного дерева и увенчанного бронзовой позолоченной люстрой, напоминает здание Молочни в Шантийи, которая находилась в составе зверинца. В зверинце Шантийи так же, как и позднее в Гатчинской «Сильвии», находились дворы для различной птицы, коровник и территории, предназначенные для содержания иных животных. Существовало все это во французском поместье как дань моде и изящная забава для развлечения гостей.

«Сильвия» в Гатчине, возникшая по аналогичным причинам, также должна была служить местом увеселительных прогулок и выполнять репрезентативную функцию. Характер планировочной организации «Сильвии» ясно указывает на подобное использование этой территории, практически полностью исключая другие виды деятельности.

В 1797–1798 годах по инициативе главноуправляющего Гатчинским городским управлением Петра Хрисанфовича Оболянинова архитектор и тайный советник Николай Александрович Львов строит на реке Колпанке плотину с Каскадом и Наумахию, тем самым меняя русло реки и образуя озеро, которое позднее станет называться Птичным.

С ноября 1799 года в «Сильвии» начинается строительство здания Птичника. Это время ознаменовано назначением в Гатчину архитектора А. Д. Захарова. Привлечение Захарова к обширному строительству в резиденции связано с его прекрасным образованием, полученным как в России,

так и в Европе, и репутаций архитектора, которому подвластно решение амбициозных задач. Поэтому, помимо строительства Птичника, архитектору было поручено разработать для «Сильвии» и осуществить строительство Скотного двора и монастыря Св. Харлампия.

Из всего вышеизложенного можно заключить, что развитие «Сильвии» велось по определенному, разработанному самим Павлом сценарию. С момента получения Гатчины в дар великий князь Павел Петрович, занимается устройством Гатчины, желая создать образцовое имение, приносящее солидный доход. Также будущий император рассматривал свои занятия по организации Гатчинской мызы как опыт государственного правления.

Являясь помещным дворянином, Павел I в первую очередь уделяет внимание организации жизни крестьян, благоустраивает город, занимается строительством промышленных, учебных, религиозных и иных сооружений. Будучи стесненным в средствах, Павел Петрович не может развивать Гатчинские парки с художественной точки зрения и ограничивается поддержанием в порядке территории, освоенной еще при Орлове. Однако после европейского турне, где он смог познакомиться с лучшими образцами европейского паркостроения, у Павла Петровича формируется понимание того, как он хотел бы преобразовать свою великокняжескую резиденцию. Результатом его замысла становится «Сильвия», которая, с большим количеством зеленых кабинетов, лабиринтов и прочих садовых затей, представлялась хозяину местом развлечения. Но, возникшая изначально как часть игры, «Сильвия» только с восшествием на престол Павла приобретает значение государственного масштаба. Здесь планируются и начинают строиться серьезные архитектурные доминанты (монастырь Св. Харлампия) и прочие постройки, говорящие об изменившемся подходе.

Грандиозные замыслы императора остались не реализованы. После смерти Павла I, в августе 1801 года, был издан указ о приостановке любого строительства. Гатчина больше не имела статус императорской резиденции и была предоставлена в распоряжение вдовствующей императрице Марии Федоровне. В 1816 году появляется документ, в котором впервые зафиксированы границы территории «Сильвии» с обозначенными на ней сооружениями Птичника, Фермы (Фазанерии), Пильной мельницы, Скотного двора и фундамента монастыря Св. Харлампия, а также дороги, связывающей северные границы «Сильвии» с дворцом (илл. 1).

С середины XIX века Птичник становится композиционно не связан с «Сильвией» – фасад здания, обращенный в сторону «Сильвии», закрывается густыми посадками и больше не воспринимается как часть Сильвийского сада.

В настоящее время стоит вопрос о новом функциональном назначении как самого Птичника, так и прилегающей к нему территории. Перво-

очередной задачей становится оценка рекреационного потенциала данного района. Анализ этапов формирования территории «Сильвии» показал, что Птичник с прилегающими землями невозможно рассматривать отдельно, без композиционной связи с Сильвийским садом. В течение почти 50 лет (начиная со строительства Пильной мельницы при Орлове) территория между дворцом и охотничьими угодьями рассматривалась как место совершения прогулок, причем не только конных, но и пеших. В связи с этим возникают определенные композиционные и планировочные решения, дающие удобные транзиты и визуальные связи с дворцом. Подробное изучение этих связей и композиционных осей даст понимание того, каким образом включать район «Сильвии» и Птичника в общий туристический маршрут.

Так, для привлечения посетителей в эту часть парка необходимо проинформировать работы по частичному восстановлению планировки «Сильвии» как транзитной территории к Птичнику, по раскрытию или даже частичной музеефикации Наумахии как части экспозиции, а также открытию видов на павильон «Птичник» и визуальному и композиционному соединению участка за рекой Колпанкой с остальной структурой парка.

Библиографический список

1. Спащанский, А. Н. Гатчина во второй половине XVIII века. Рождение резиденции. — Санкт-Петербург : Паритет, 2019.
2. Архитектурные альбомы Шантийи и Гатчины: Французский подарок русскому императору / Сост. С. А. Астаховская, М. Дельдик, Т. А. Дудина. — Москва : Кучково поле, 2016.
3. НА ГМЗ «Гатчина». Д. 680. Птичник. Проект реставрационного ремонта здания. Том 1. Исходные данные. Книга 2. Историческая записка. Л., 1958 г. «Гипротейтр».
4. НА ГМЗ «Гатчина». Д. 372. Историческая справка по зданию Птичник, 1950, с. 6.
5. Яцук, Н. М. Харлампиев монастырь — нереализованный замысел императора Павла I // В тени августейших особ. Непарадная жизнь императорских резиденций : материалы науч. конф. [22–23 нояб. 2012] / Ком. по культуре правительства Санкт-Петербурга, Гос. ист.-худож. дворцово-парковый музей-заповедник «Гатчина». — Санкт-Петербург : Союз-Дизайн, 2012.
6. Столетие города Гатчины, 1796 11/XI 1896 г. / Сост. под ред. С. Рождественского. — Гатчина : Гатчин. дворцовое упр., 1896.
7. Научно-технический паспорт по зданию Фермы. 1952 // Балаева, С. Н. Записки хранителя Гатчинского дворца 1924–1956. — Санкт-Петербург : Искусство России, 2015.

Список сокращений

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ГМЗ «Гатчина» – Государственный музей-заповедник «Гатчина»

ГМЗ «Петергоф» – Государственный музей-заповедник «Петергоф»

КГИОП – Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры

НА ГМЗ «Гатчина» – Научный архив Государственного музея-заповедника «Гатчина»

ОР РНБ – Рукописный отдел Российской национальной библиотеки

РГИА – Российский государственный исторический архив

СНРПМ – Специальные научно-реставрационные производственные мастерские

ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Илл. 1. Экскурсия с А. В. Луначарским в Гатчинском дворце-музее. 19 мая 1918. НА ГМЗ «Гатчина». Бр-340



Илл. 2. Альбом вел. кн. Ксении Александровны. 1912. ГА РФ. Ф. 662. Оп. 2. Д. 56. Л.32. Фото 587



Илл. 3. Альбом вел.кн. Ксении Александровны. 1912. ГА РФ. Ф. 662. Оп. 2. Д. 56. Л.32. Фото 591



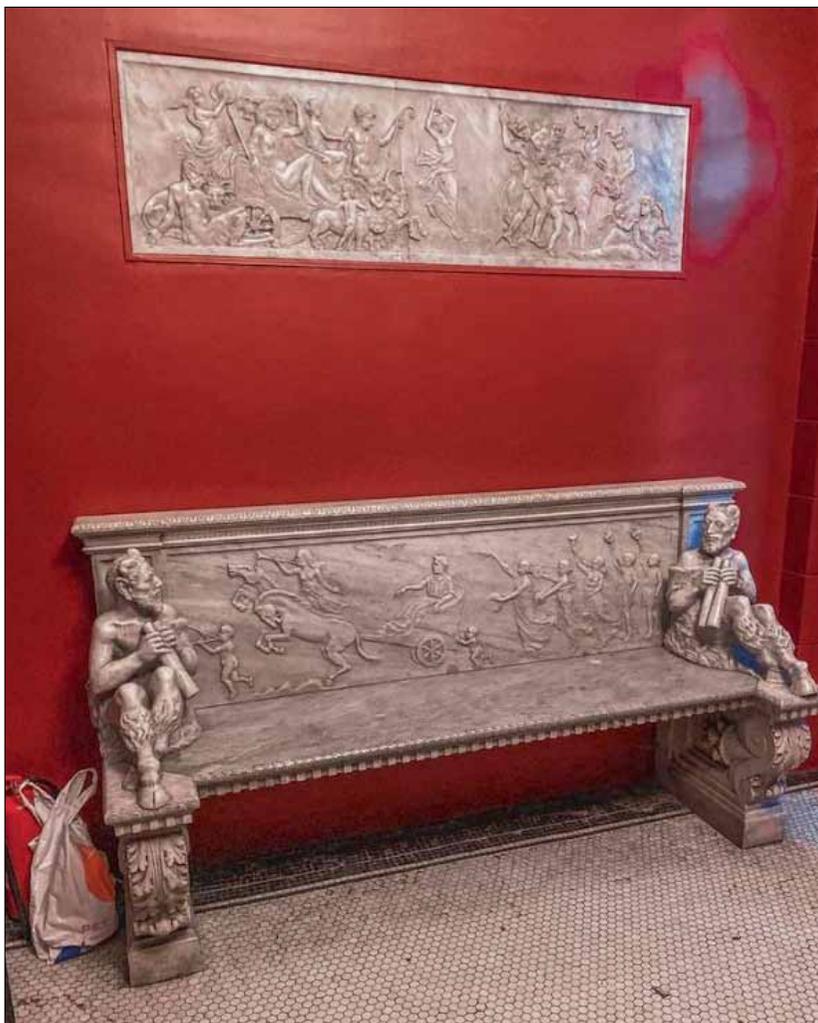
Илл. 4. Альбом вел. кн. Ксении Александровны. 1912. ГА РФ. Ф. 662. Оп. 2. Д. 57. Л.5 об. Фото 62



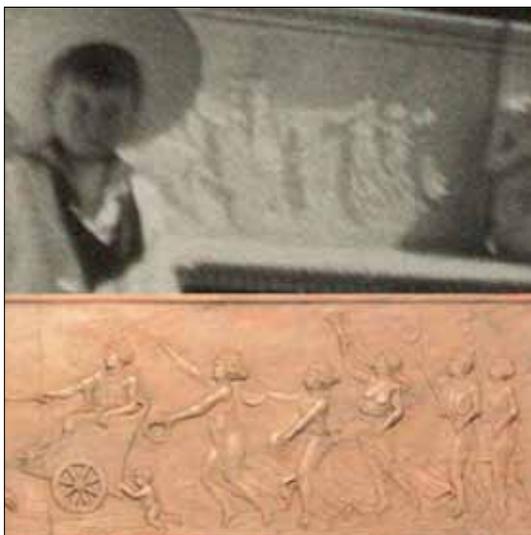
Илл. 5. Мраморная скамья из Итальянского дворика Ливадийского дворца и садовая скамья из белого мрамора. Лот 65, аукцион Торгового дома Sotheby's. 20 апреля 2009



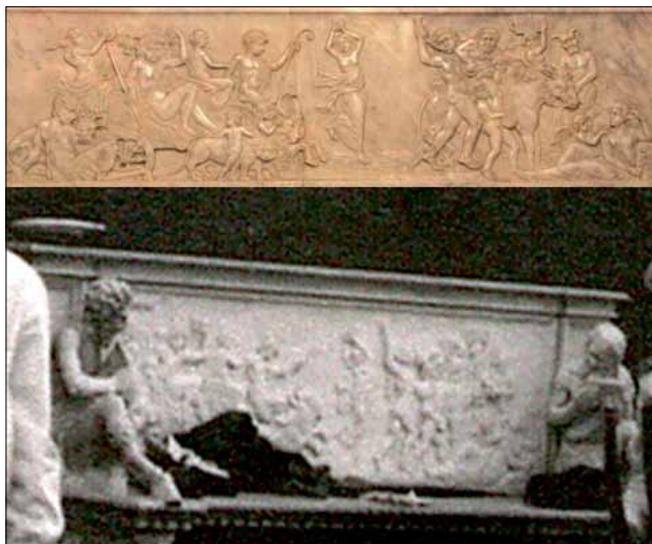
Илл. 6. Парадная доходного дома Р. Г. Веге. Санкт-Петербург, ул. Римского-Корсакова, 41. Фото с сайта: <https://touristam.com/dom-vege-na-kryukovom-kanale.html>



Илл. 7. Одна из сохранившихся мраморных скамеек из доходного дома Р. Г. Веге.
Фото с сайта: <https://touristam.com/dom-vege-na-kryukovom-kanale.html>



Илл. 8. Сравнение рельефов, выполненных на спинках скамеек из парадной доходного дома Р. Г. Веге и из Собственного сада (стоявшей между гермой старой вакханки, инв. № ГДМ-157-VIII, и бюстом римского императора, инв. № ГДМ-158-VIII) Гатчинского дворца



Илл. 9. Сравнение рельефов, выполненных на спинках скамеек из Собственного сада (стоявшей между гермой вакханки, инв. № ГДМ-154-VIII, и бюстом римского императора, инв. № ГДМ-153-VIII) Гатчинского дворца и из парадной доходного дома Р. Г. Веге



Илл. 1. Н. х. Портрет князя А. Д. Меншикова. Копия с неизвестного оригинала 2-й пол. XVIII века. Х., м. 80 × 71,5. Государственный музей «Усадьба Кусково». Инв. № Ж-93



Илл. 2. Н. х. Портрет князя А. Д. Меншикова. XIX век. Х., м. 78 × 63. ГМЗ «Гатчина». Инв. № ГДМ-86-III



Илл. 3. Н. х. Портрет барона П. П. Шафинова. Видоизмененная копия с оригинала 1-й четв. XVIII века. Х., м. 85,5 × 68,5. Государственный музей «Усадьба Кусково». Инв. № Ж-12



*Илл. 4. Н. х. Портрет барона
П. П. Шафирова.
2-я пол. XIX века.
Х., м. 79 × 68.
ГМЗ «Гатчина». Инв. № ГДМ-557-III*



*Илл. 5. Н. х. Портрет графа
З. Г. Чернышева.
2-я пол. XVIII века
Х., м. 71 × 58. Государственный
музей «Усадьба Кусково».
Инв. № Ж-56*



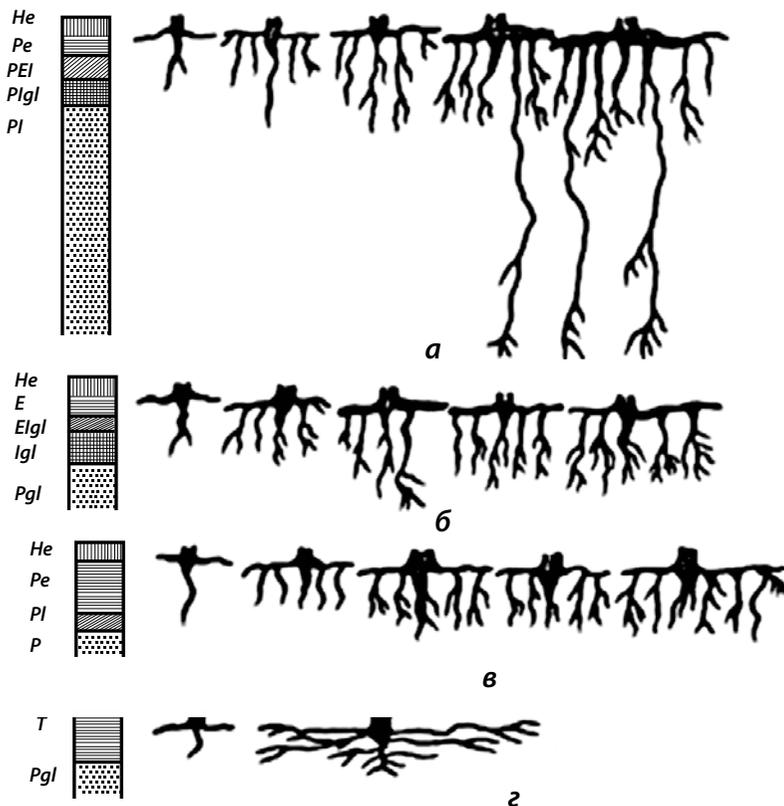
*Илл. 6. Н. х. Портрет графа З. Г. Чернышева.
XIX век. Х., м. 71,6 × 57,3. Государст-
венный музей-заповедник «Павловск».
Инв. № ЦХ-2244-III*



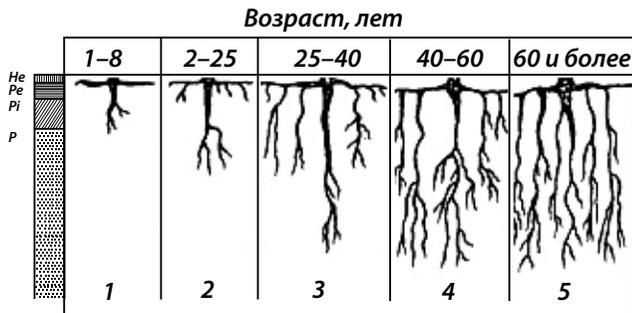
Илл. 1. Фотография великого князя Михаила и великой княжны Ольги, подаренная С. Ф. Платонову. 1896. ОР РНБ Ф. 585. Оп. 2. Д. 29. Л. 1



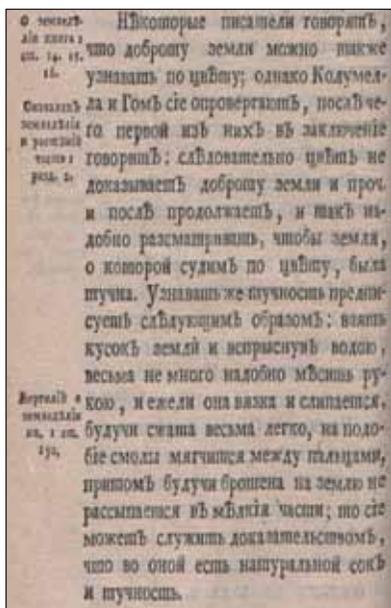
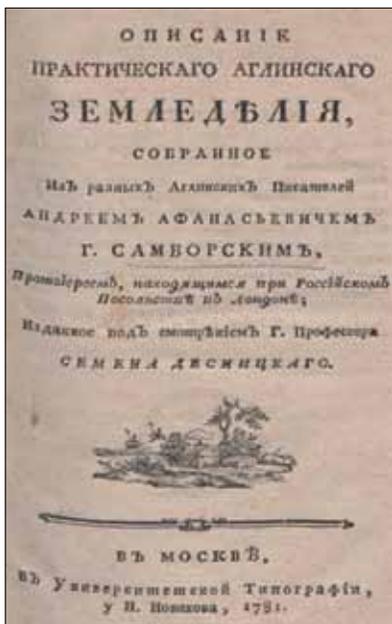
Илл. 2. Сергей Федорович Платонов. 1898–1900. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5266. Л. 2



Илл. 1. Возрастная динамика типов корневых систем сосны обыкновенной на разных почвах: а – наличие уплотненного горизонта, б – наличие относительно высокого уровня грунтовых вод, в – непромывной водный режим, г – маломощные сильноувлажненные почвы (Источник: М. И. Калинин. Корневедение : Учебники и учебные пособия для студентов высших учебных заведений. Экология, 1991)



Илл. 2. Динамика развития типов строения корневой системы сосны обыкновенной на дерново-подзолистых супесчаных почвах: 1-5 – типы корневых систем от молодого характера (Источник: М. И. Калинин. Корневедение : Учебники и учебные пособия для студентов высших учебных заведений. Экология, 1991)



Илл. 1–2. Описание практического аглинскаго земледелия, собранное из разных аглинских писателей Андреем Афанасьевичем г. Самворским, протоиереем, находящимся при Россійскомъ посольстве в Лондоне, изданное подъ смотрением г. профессора Семена Десницкаго (Москва, 1781)



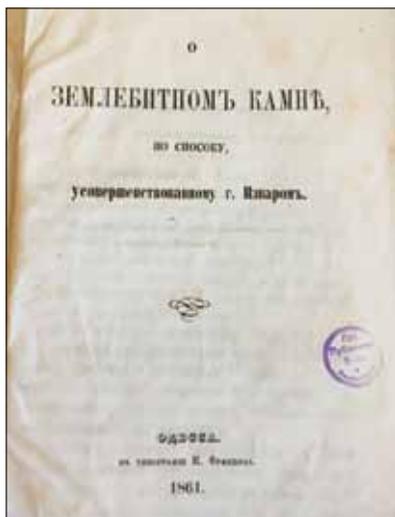
Илл. 3. Титульный лист из книги Ф. Коантеро «Школа деревенской архитектуры, или Наставление, как строить прочные дома о многих жильях из одной только земли или других обыкновенных и дешевых материалов». Пер. А. Барсова (Москва, 1794)



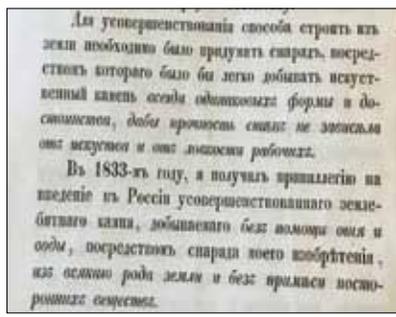
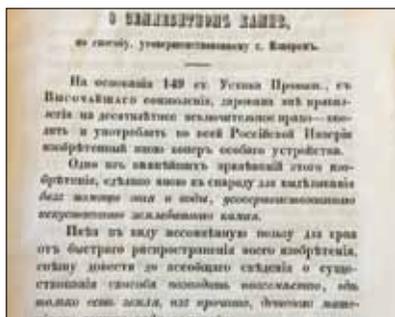
Илл. 4. Франц Крюгер. Портрет министра государственных имуществ графа Павла Дмитриевича Киселева. 1851. Х., м. Государственный Эрмитаж



Илл. 5. Статья Н. Дмитриева «Земляное строение в Приоратском парке в Гатчине» в журнале «Строитель», 1895, № 24



Илл. 6–7. Изнар, Н. И. О землебитном камне, по способу, усовершенствованному г. Изнаром. – Одесса : тип. П. Францова, 1861



Илл. 8–9. Страницы из книги Н. И. Изнара «О землебитном камне, по способу, усовершенствованному г. Изнаром» (Одесса, 1861)



Илл. 10. Журнал «Сельское огнестойкое строительство», издававшийся Министерством земледелия (Петроград, 1912–1917)



Илл. 11. Титульный лист из книги Ф. Н. Королева «Руководство к возведению в селах огнестойких зданий» (Санкт-Петербург, 1880)



Илл. 12. Титульный лист из книги М. Н. Грудистова «Дешевые негораемые постройки. Земля, как строительный материал, земляной кирпич и постройки из него» (Саратов, 1890)



Илл. 13. Титульный лист из книги В. М. Верховского «Сельские огнестойкие постройки» (Санкт-Петербург, 1898)

Одновременно съ учрежденіемъ училища въ селѣ Никольскомъ было выстроено въ Гатчинѣ земляное битое строеніе, именуемое „Приоратскій дворецъ“, но имѣеть-ли эта постройка какую-либо связь съ Никольскимъ училищемъ и кто былъ строителемъ дворца,—неизвѣстно. По сообщенію Дворцоваго управленія, зданіе это постоянно обитаемо и находится въ полной исправности.

Къ сожалѣнію, такой починъ въ дѣлѣ обученія государственныхъ крестьянъ возведенію прочныхъ, безопасныхъ отъ огня построекъ, казавшійся правильно организованнымъ, былъ весьма непродолжителенъ и не имѣлъ достаточныхъ послѣдствій.

По единогласному отзыву всѣхъ запрошенныхъ учреждений и лицъ и по свидѣтельству разныхъ лицъ, дѣлившихся своими свѣдѣніями съ комиссіей, главнѣйшими причинами малаго распространенія этихъ построекъ и безуспѣшности принимавшихся къ тому мѣръ признаны отсутствіе знанія и опытности мѣстнаго населенія и отсутствіе мастеровъ, могущихъ указать способы постройки зданій и крышъ и оштукатуриванія деревянныхъ стѣнъ.

Въ Юхновскомъ уѣздѣ распоряженіемъ Смоленскаго губернскаго земскаго собранія были съ помощью двухъ выписанныхъ мастеровъ выстроены 6 жилыхъ избъ. Но когда мастера эти уѣхали, то мѣстные крестьяне, несмотря на свое убѣжденіе въ пригодности и дешевизнѣ подобныхъ построекъ и даже несмотря на обѣщанную имъ собраніемъ премію по 15 рублей за каждую избу, не рискнули строиться собственнымъ умомъ.

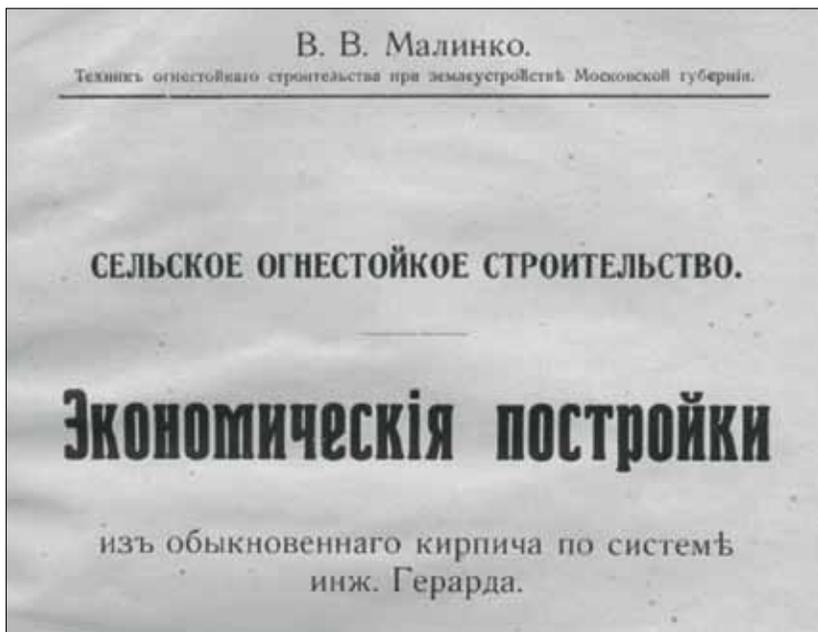
Послѣдствіемъ этого съ мая 1895 г. начали являться въ Нижній Новгородъ командированные рабочіе-ученики, которые, въ числѣ 114 человекъ, распределяются слѣдующимъ образомъ: изъ Вятской и Пензенской губерній по 20, изъ Симбирской 12, Черниговской 10, Московской и Тамбовской по 8, Костромской 7, Саратовской 5, Нижегородской и Калужской по 4, Пермской 3, Курской и Харьковской по 2, Орловской и Псковской по 1, изъ Акмолинской области 4 и отъ Нижегородскаго епархіальнаго учительскаго совѣта 3. Кромѣ

на экзаменѣ. Изъ общаго числа 107 экзаменовавшихся были признаны: выказавшими очень хорошіе успѣхи 34, хорошіе 60, удовлетворительные 10 и слабыя только 3. По учрежденіямъ,

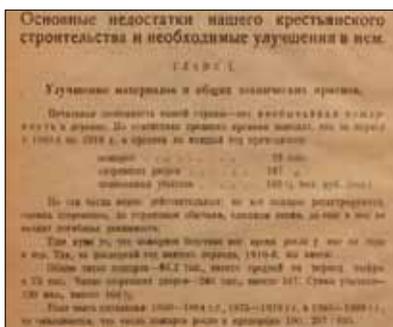
Илл. 17–18. Фрагменты страниц из книги В. М. Верховского «Сельские огнестойкие постройки» (Санкт-Петербург, 1898)



Илл. 19. Титульный лист книги инж. В. Д. Мачинского «Техника сельского огнестойкого строительства» (Москва, 1916)



Илл. 20. Титульный лист книги В. В. Малинко «Экономические постройки» (Москва, 1915)



Илл. 21, 22. Фрагмент страницы и титульный лист книги В. Д. Мачинского «Крестьянское строительство в России» (Москва, 1924)



Илл. 23. Обложка книги С. А. Энгельгардт «Строения из трамбованной земли» (Москва, 1932)



Илл. 24. Титульный лист книги Л. Ф. Мейснера «Землебитное строительство» (Москва, 1932)



Илл. 25. Титульный лист книги В. В. Свенторжецкого «Земля как строительный материал» (Москва–Ленинград, 1932)



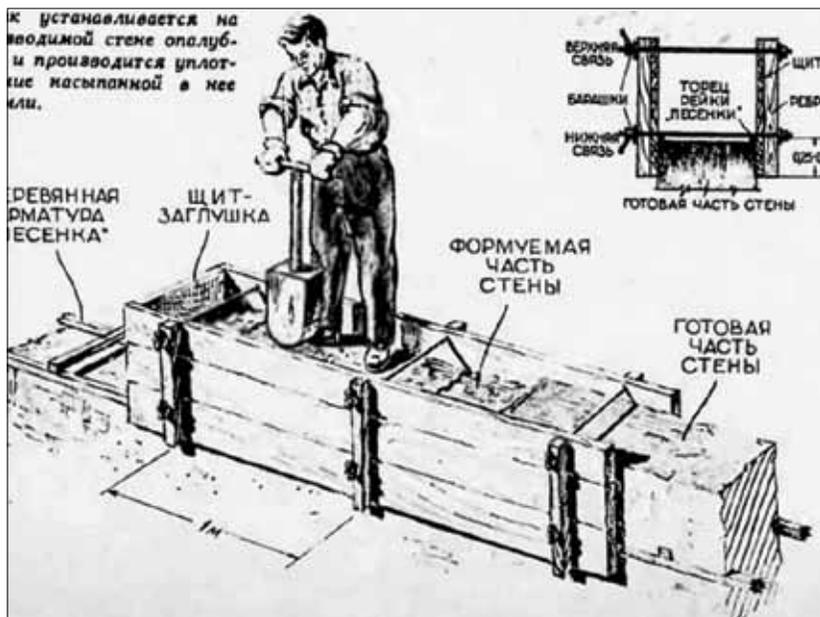
Илл. 26, 27. Страницы из книги В. В. Свенторжецкого «Земля как строительный материал» (Москва-Ленинград, 1932)

ТАБЛИЦА 1

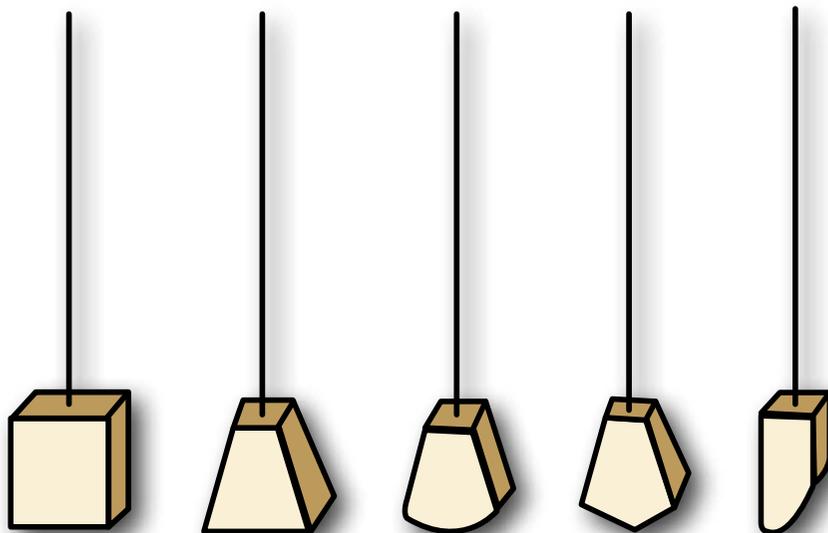
№ п/п	Место, откуда взята глина	Средняя влажность				Средняя влажность	Средняя влажность
		1-2 см	3-5 см	6-10 см	10-15 см		
1	Глизна, Призрачного острова	4,20	22,25	30,27	16,30	—	—
2	Датское Село	5,48	22,17	40,98	10,61	—	—
3	Датское Село усадьба V	0,82	22,34	38,85	18,14	—	—
4	Варшаво II	0,01	8,85	17,22	13,85	—	—
5	Варшаво (I)	6,27	11,18	12,71	14,40	0,09	—
Средняя Прогитово:		—	20,90	25,42	9,10	1,81	17,98
6	Усадьба № 1	—	0,18	30,89	24,96	6,90	6,38
7	« 2	—	0,28	11,20	28,71	10,64	0,05
8	« 3	—	0,08	25,60	32,71	5,84	0,08
9	« 4	—	0,03	17,02	19,81	8,34	0,07
10	« 5	—	—	14,78	40,77	8,55	0,09
11	« 6	—	0,12	44,71	39,58	4,72	0,10
12	« 7	—	—	—	—	—	—

Илл. 28. Инструкция по возведению землябитных фортификационных сооружений (1943)





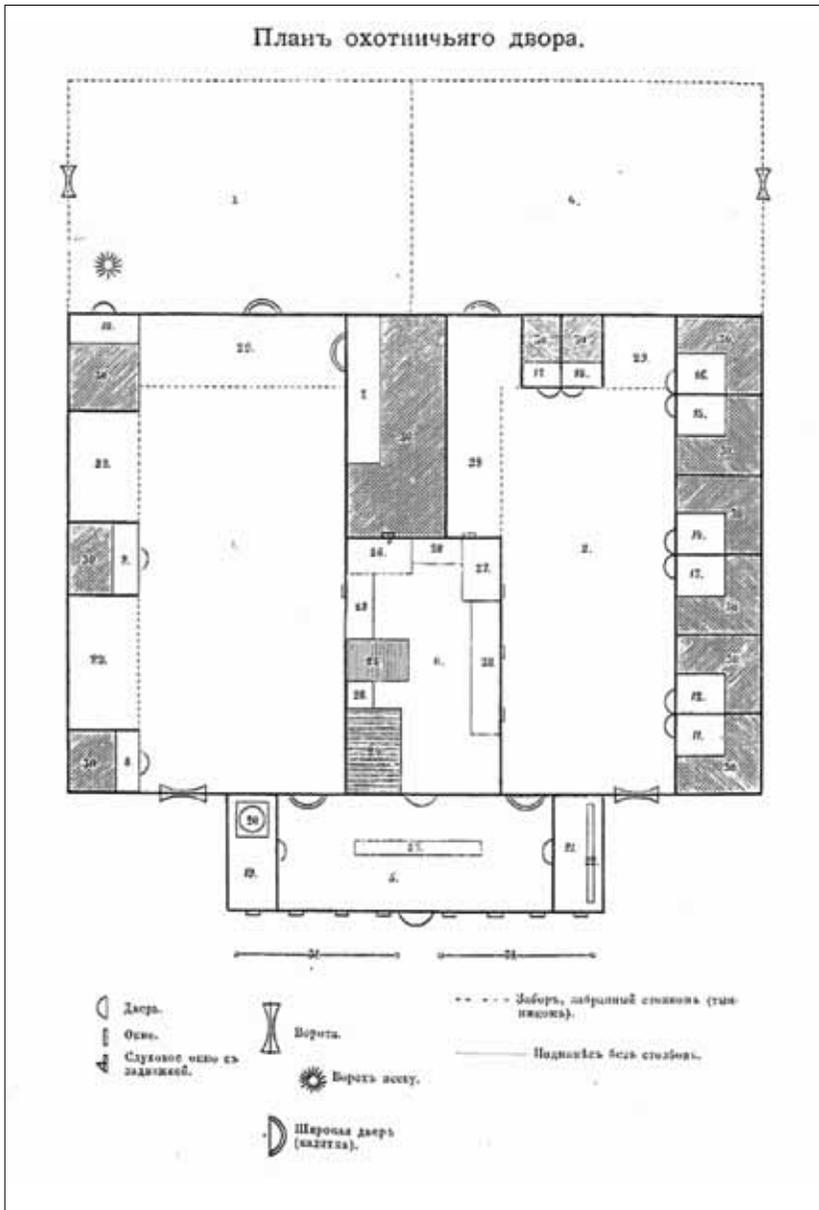
Илл. 29. Метод набивки земли в опалубку



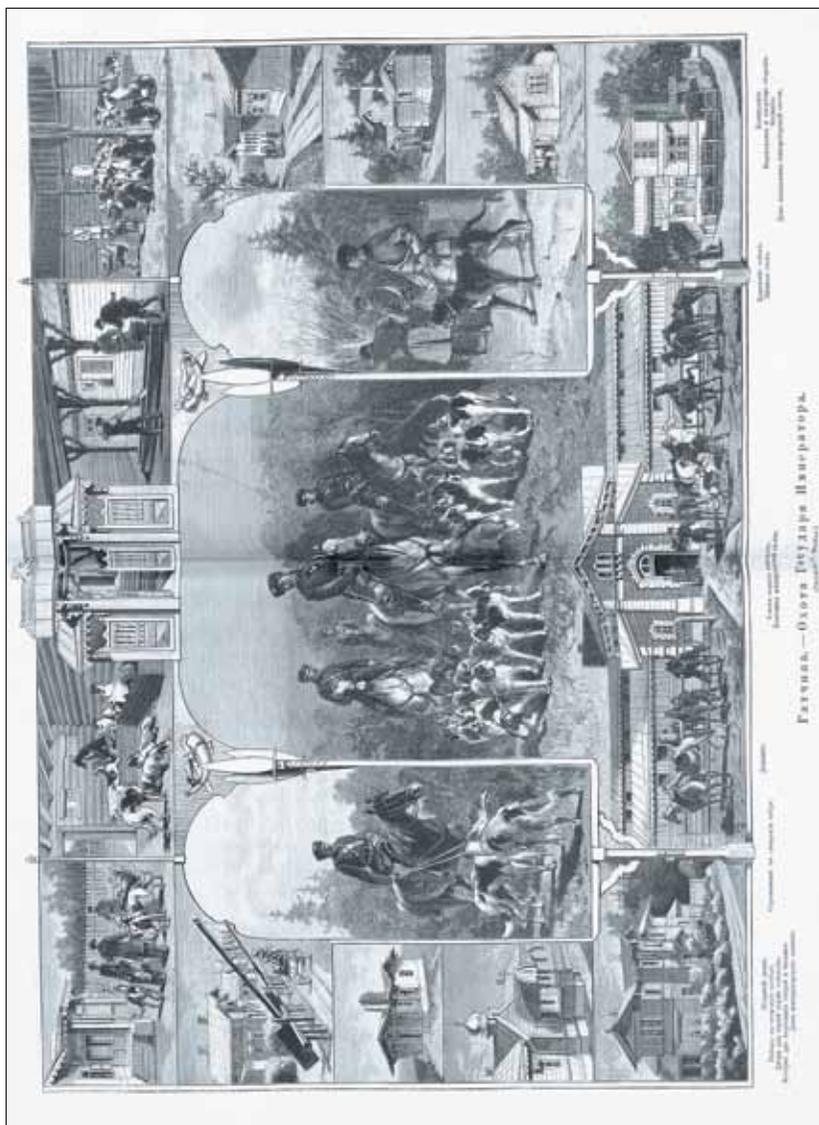
Илл. 30. Образцы трамбовок для изготовления землебитных стен и блоков



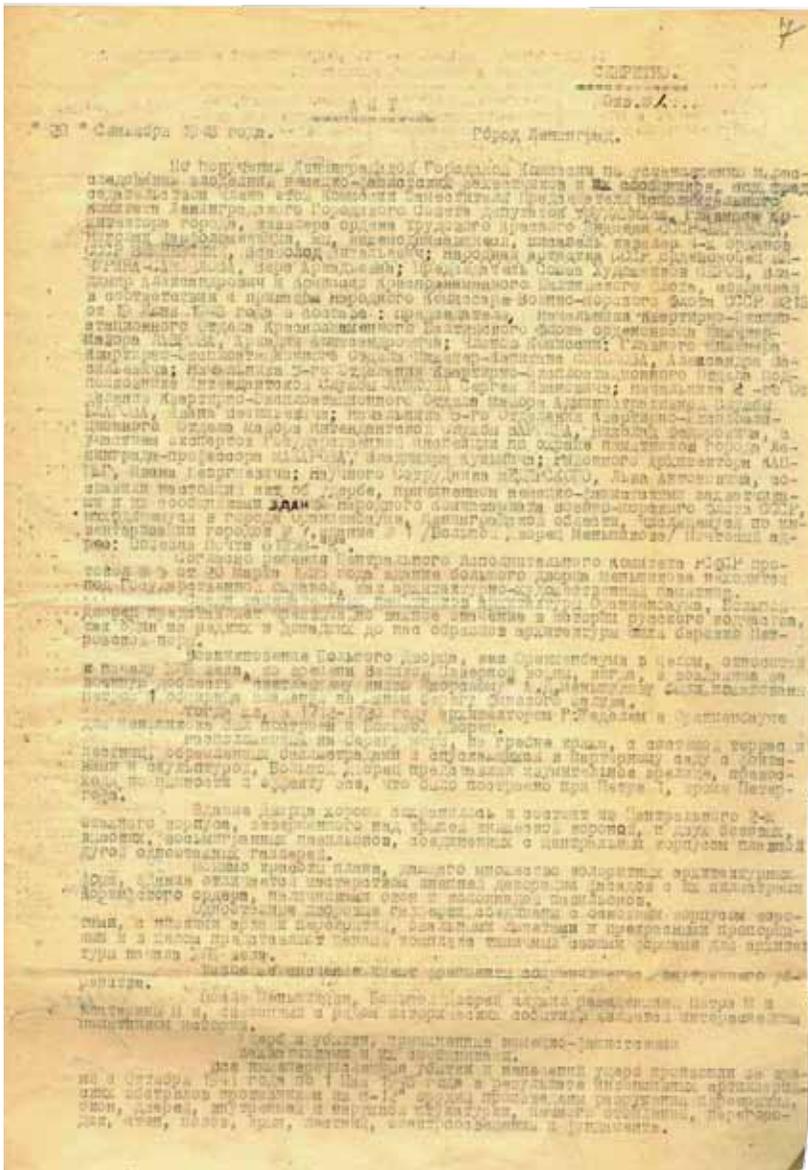
А. Андреев. План Гатчинской мызы. 1792



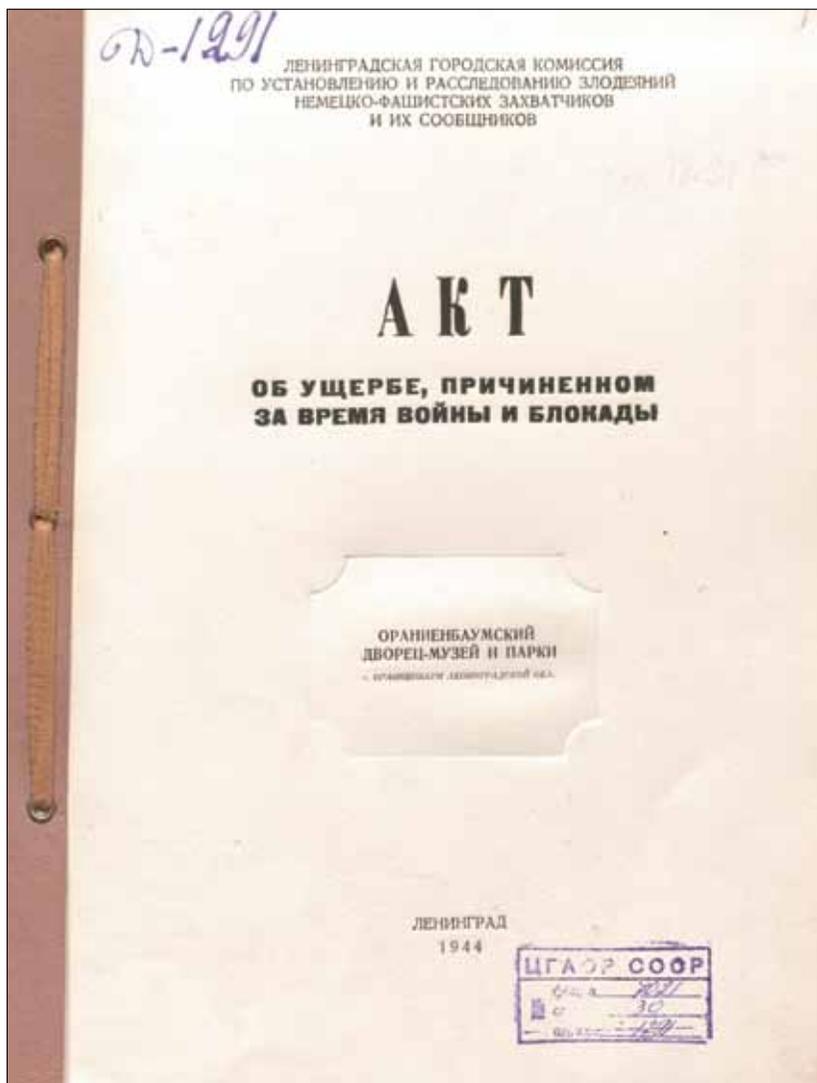
Илл. 1. П. М. Губин. План охотничьяго двора (1890)



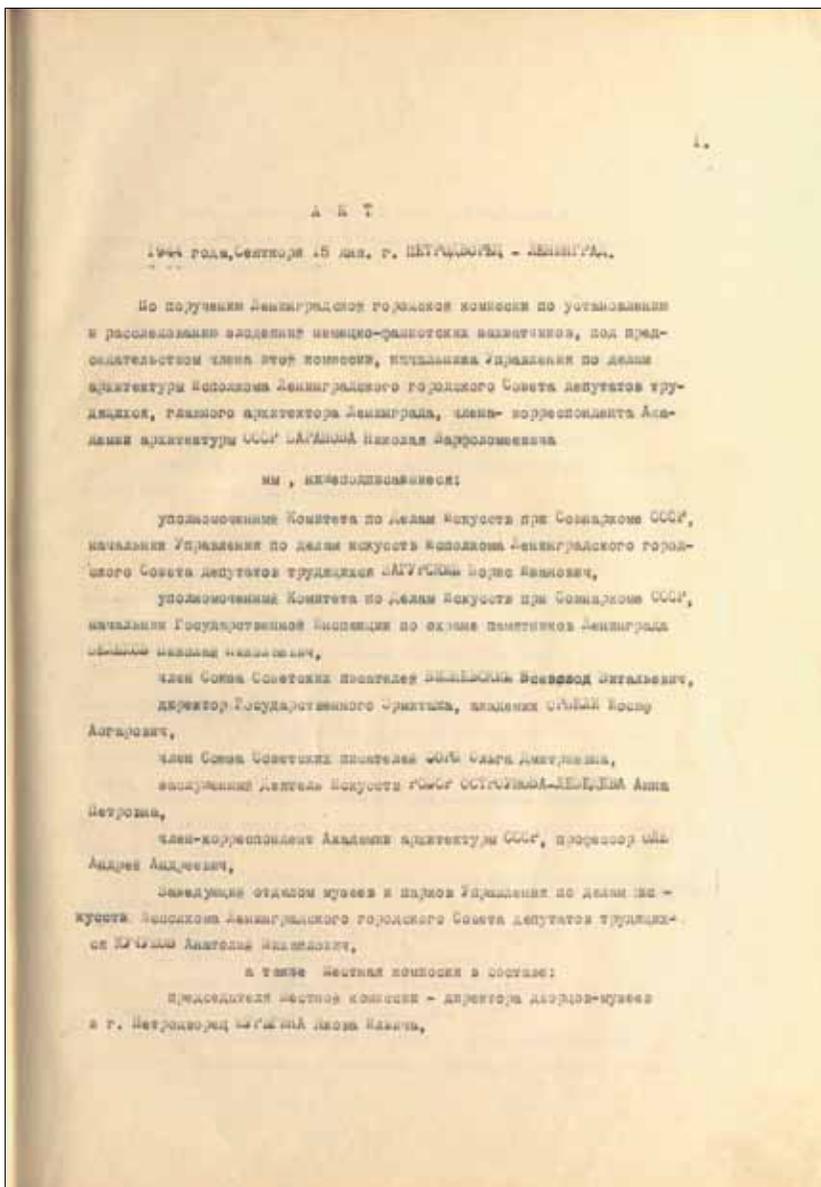
Илл. 2. Гравюра по рисунку Р. Ф. Френца. Охота государя императора. Гатчина (1884)



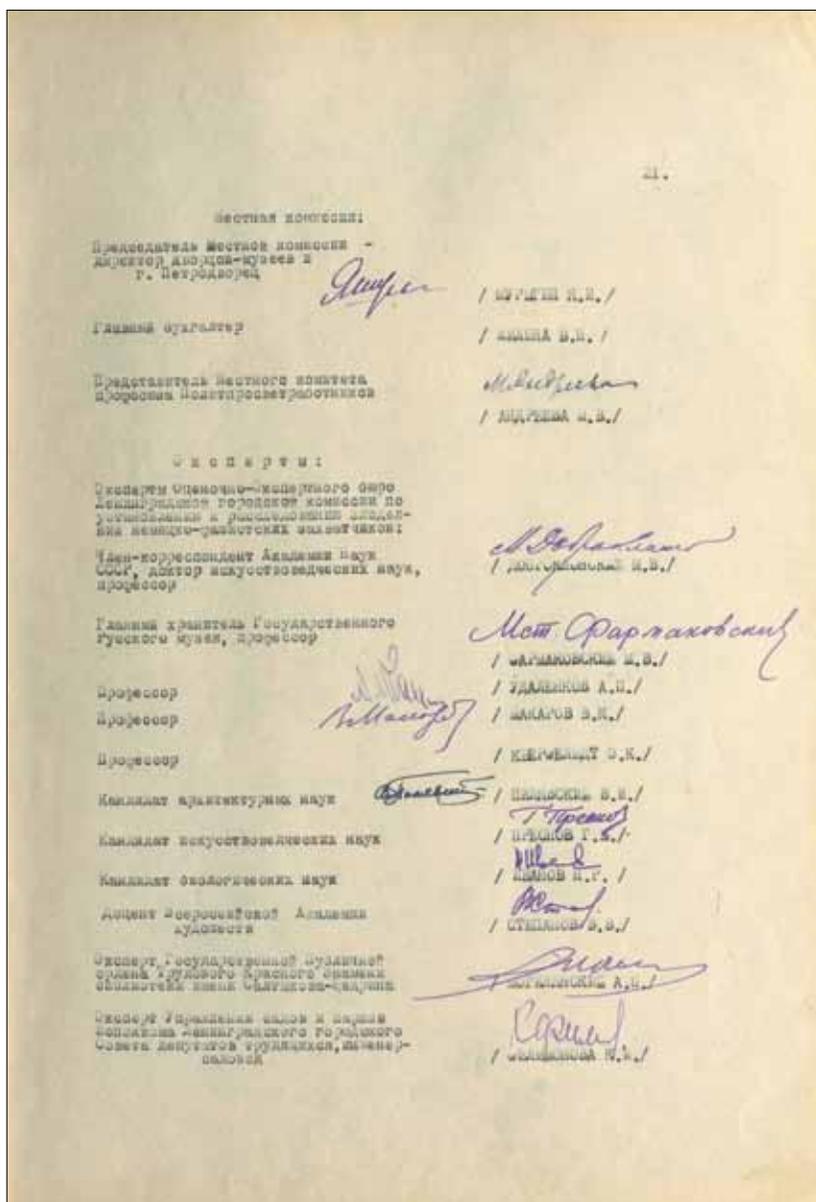
Илл. 1. Акт об ущербе, нанесенном Большому (Меншиковскому) дворцу в Ораниенбауме. 28 сентября 1943. ГА РФ



Илл. 3. Акт об ущербе, причиненном за время войны и блокады Ораниенбаумскому дворцу-музею и парку. 29 ноября 1944. ГА РФ



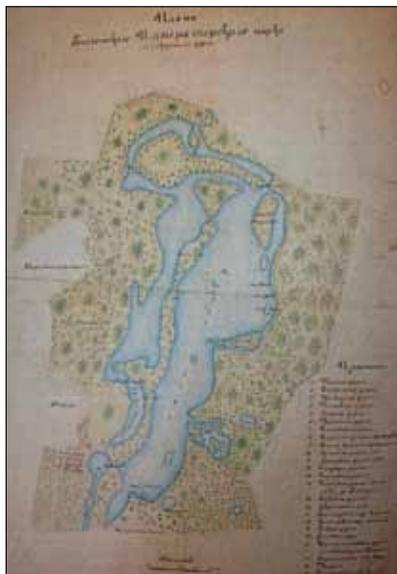
Илл. 4. Акт об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками музейному комплексу дворцов и парков г. Петродворца. 15 сентября 1944. ГА РФ



Илл. 5. Акт об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками музейному комплексу дворцов и парков г. Петродворца. 15 сентября 1944. ГА РФ



Илл. 1. План с экспликацией Гатчинского парка при Григории Орлове. Журнал Береговой описи (Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. XVIII век. Санкт-Петербург, 2006. С. 76–77)



Илл. 2. Н.В. Дмитриев. Генеральный план Дворцового парка. 1896 (Макаров В. К., Петров А. Н. Гатчина – Санкт-Петербург, 2005)



Илл. 3. Генеральный план дворцового парка в имени цесаревича Павла Петровича. 1796. ГМЗ «Гатчина». Выделенный фрагмент с частью Длинного острова с Павильоном Орла и Горбатым мостом



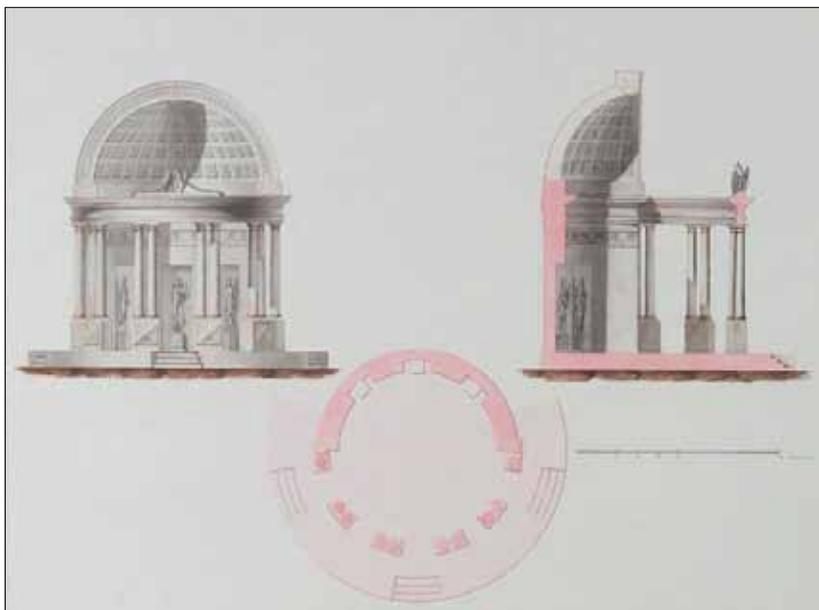
Илл. 4. Современный план-схема расположения объектов на Длинном острове



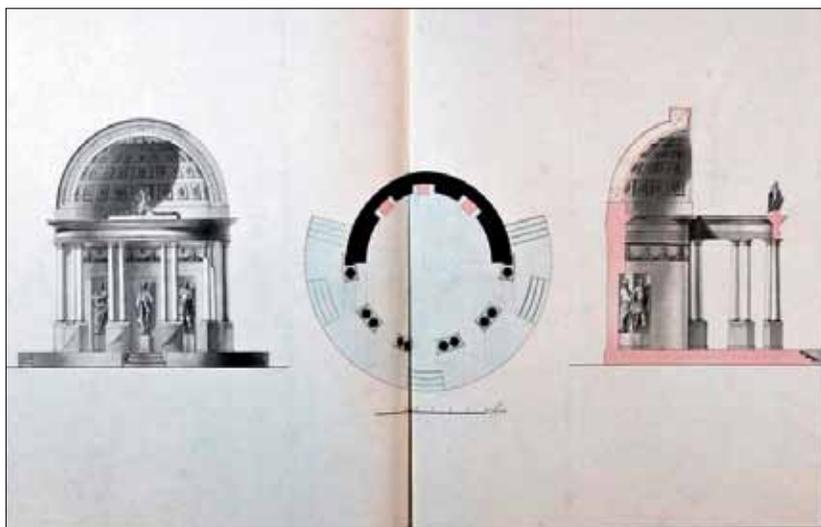
Илл. 5. Павильон Орла. Общий вид с южной стороны. Фотография. 1900-е. НА КГИОП



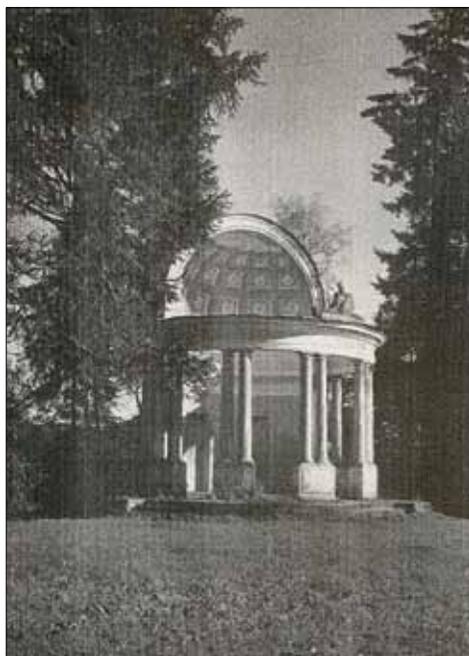
Илл. 6. Горбатый мост. Вид с западной стороны. Фотография А. К. Ержемского. 1900-е. Государственный Русский музей



Илл. 7. Неизвестный автор. Павильон Орла. Фасад, разрез и план. Из «Атласа Гатчинскому Дворцу с садами...». 1798. ГМЗ «Гатчина» (ГДМ-32-Х1)



Илл. 8. Неизвестный автор. Павильон Орла. Фасад, план и разрез. Из «Атласа оберментов Гатчины и Новосвориц...». 1790-е. ГМЗ «Гатчина» (ГДМ-87-ХI)



Илл. 9. Павильон Орла. Общий вид с западной стороны. Фотография М. Величко. До 1941



Илл. 10. Павильон Орла. Послевоенное состояние. Вид с северо-западной стороны. Фотография 1944. НА КГИОП (инв. №14221)



Илл. 11. Павильон Орла в процессе реставрационных работ. Фотография. 1972. СНРПМ. ГМЗ «Гатчина»



Илл. 12. Павильон Орла после завершения реставрационных работ. Фотография (приобретена у А. Н. Наумовой в 1995). 1973. НА КГИОП



Илл. 13. Павильон Орла на период разработки проектной документации. Март 2021



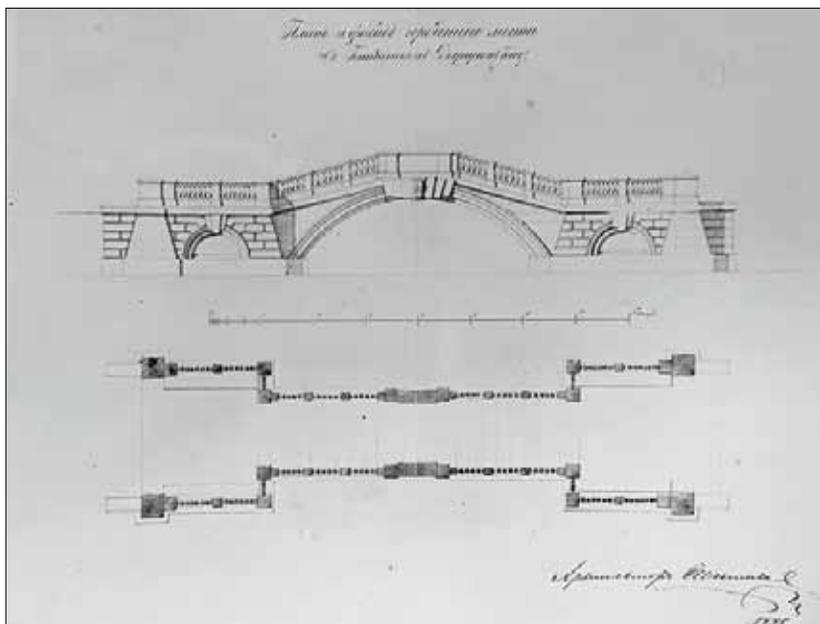
Илл. 14. Павильон Орла на период разработки проектной документации. Март 2021



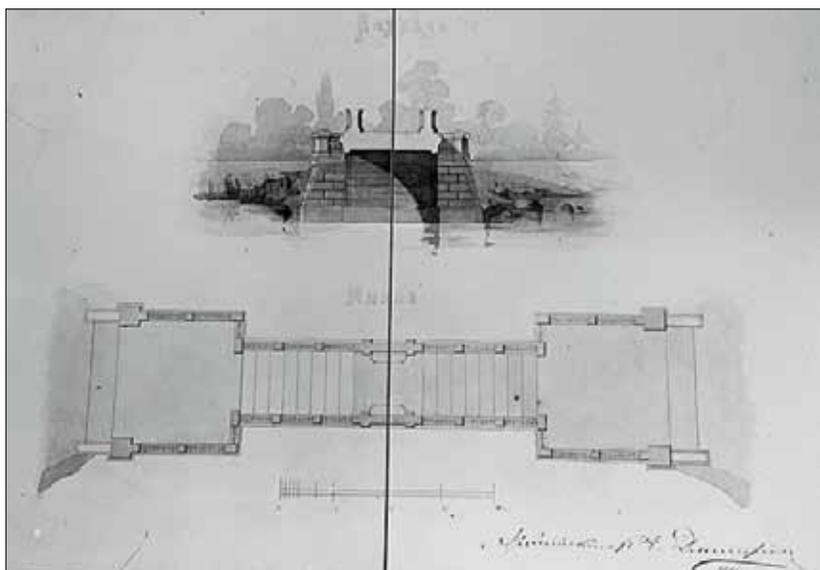
Илл. 15. Павильон Орла на период завершения работ. Ноябрь 2023 года



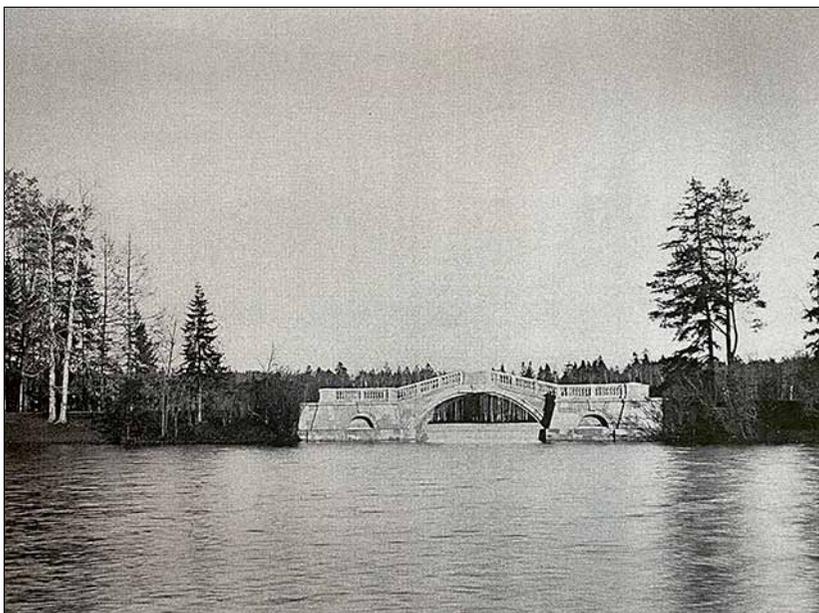
Илл. 16. Павильон Орла на период завершения работ. Ноябрь 2023 года



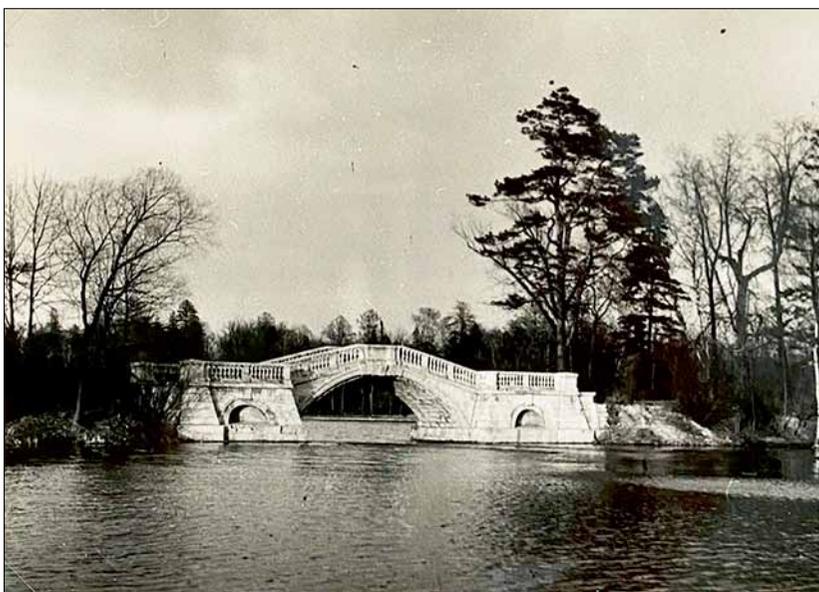
Илл. 17. План и фасад Горбатого моста в Гатчинском Дворцовом саду». Фасад и план Горбатого моста. Фиксационный чертеж. Арх. С. Шестаков. 1885. ГМЗ «Гатчина» (инв. № ГДМ-109-ХII)



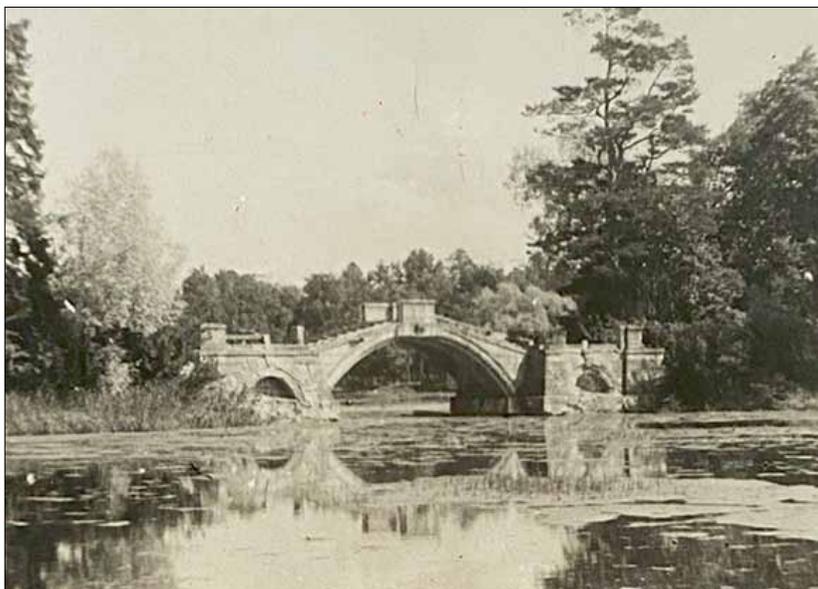
Илл. 18. Чертеж Горбатого моста в Императорском Гатчинском саду. Разрез и план Горбатого моста. Чертеж. Арх. Н. Дмитриев. 1885. ГМЗ «Гатчина» (инв. № ГДМ-124-ХII)



*Илл. 19. Горбатый мост. Вид с юго-западной стороны. Фотография. 1885.
Научная библиотека Государственного Эрмитажа*



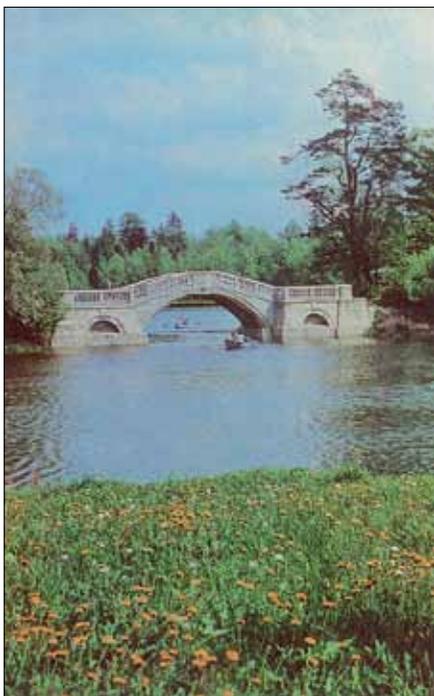
*Илл. 20. Горбатый мост. Вид с юго-западной стороны. Фотография. 1945 (?).
ГМЗ «Гатчина»*



Илл. 21. Горбатый мост. Вид с юго-западной стороны. Фотография. 1945 (?). ГМЗ «Гатчина»



Илл. 22. Горбатый мост. Вид с северо-восточной стороны. Фотография Мыскина (?). 1949. ГМЗ «Гатчина»



*Илл. 23. Горбатый мост. Фотография
Б. Уткина. 1972. Из набора
открыток «Гатчина»*



Илл. 24. Горбатый мост. Вид с западной стороны. Фотография. Частный архив. 2005



Илл. 25. Горбатый мост. После выполнения работ 1-го и 2-го этапов. 2023



Илл. 26 Горбатый мост. После выполнения работ 1-го и 2-го этапов. 2023



Илл. 1. План Гатчинских садов. 1816